

Т Р У Д Ы
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО
ВОЛЬНАГО ОБЩЕСТВА
Л Ю Б И Т Е Л Е Й
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

~~~~~  
*Miser sum miseris succurrere disco.*  
~~~~~

1820 годъ.

—
ЧАСТЬ XII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ Медицинской типографіи.
1820.

№ 9783/12 а

1820, кн. 10-12

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО:

съ тѣмъ, чшобы до выпуска изъ типографіи
представлены были въ Цензурный Комитетъ
семь экземпляровъ сей книги, для препровожд-
енія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній.
С. Пешербургъ, Октября 2 дня 1820 года.

*Цензоръ, Коллежскій Советникъ и Кавалеръ.
И. Ястребцовъ.*

П Р О З А.

Р Ъ Ч Ъ

**ОБЪ УСПѢХАХЪ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ
ОКРУГѢ ВОЙСКА ЧЕРНОМОРСКАГО (*).**

Объемля разсужденіемъ 28 лѣтнѣе время поселенія въ семь край Черноморскаго войска; войска вновь преобразовашься долженствовавшаго (1), войска, разные нравы и обычаи всегда согласующаго, не лзя не опдать справедливости шѣмъ благомыслящимъ сочленамъ онаго, коимъ обляно бышiemъ своимъ настоящее поржештво — се вѣрное знаменіе извѣспной уже степени просвѣщенія, вашими лаврами, доблеспные

(*) Говоренная при открышіи Черноморской Гимназіи въ городѣ Екашеринодарѣ, 1820 года Маія 17 дня Войсковымъ Протоіереемъ и Кавалеромъ Кирилломъ Россинскимъ.

Ч. XII. Кн. X.

1

воины! преосвѣяемаго: ибо возможно ли быть равнодушными свидѣтелями успѣховъ онаго, когда безприсрасшно вникнемъ въ печеніе дѣлъ и обстоятельствъ, сопутствующихъ симъ прѣмъ еще не совершившимся, десятилѣтіямъ, копорыя предсавляютъ намъ дивное преображеніе пущыхъ и дикихъ степей Кубанскихъ во область благоустроенную (2), наравнѣ съ прочими споспѣшесивующую славъ и благоденствію Россіи, спавшей на чреду царствъ сильныхъ и великихъ!

Область сія воспріяла начало свое въ послѣднихъ осеннихъ и зимнихъ мѣсяцахъ 1792 года (3). Новые, но упомянутые переселеніемъ, пришельцы, долженствовали помышлять вдругъ — въ одно и тоже время — и о защищеніи себя отъ суровоспей непогодъ годового времени, и объ удержаніи границы отъ нападений хищныхъ Закубанскихъ сосѣдей своихъ: — съ очевидными врагами и съ прошивоборсивующею Природою раптовать имъ надлежало. Этого мало: опряды полковъ въ Польшу (4) и вскорѣ попомъ въ Персію (5); приведеніе къ благочинію внутреннихъ распорядковъ, едва ли избѣжныхъ въ каждомъ ново-образующемся обществѣ

(6); повсемѣстное уныніе отъ вкравшейся изъ-заграницы моровой язвы (7); жишейскія нужды въ содержаніи себя собственнымъ провіантомъ (8); не близкое разстояніе отъ прежде успроенныхъ провинцій (9); необходимѣйшія занятія всѣхъ и каждого по части хозяйственной — не суть ли причины, препятствовавшія заботиться прежде о заведеніи публичныхъ Училищъ?— Кшо образуешь верхоградъ, не приугошовивъ деревь къ насажденію? Кшо разукрашаешь голову, не имѣя приличнаго одѣянія? Кшо ищешь сладостно-пищательныхъ яствъ, нуждаясь въ насущномъ хлѣбѣ? — При всемъ этомъ, богоспасаемые обитатели края сего, не малодушествовали, но всегда порывались усердіемъ и ревностію явить себя достойными сынами Отечества не по однимъ шокмо доблестямъ воинственнымъ; но и по всегдашнему попеченію своему о введеніи и распространеніи Просвѣщенія въ кругъ своего сословія. —

П.П. П.П! Драгоцѣнное вліяніе предмета сего на улучшеніе физическаго и нравственнаго бытія гражданскихъ обществъ, достойно обратишь на себя ваше внима-

ніе: изслѣдуемъ исторически наши успѣхи въ ономъ. —

Едва благошворный лучъ просвѣщенія, почти повсемѣстно въ наше время распро-
страняющагося, проникъ и въ сей опда-
денный край полуденной Россіи (10); какъ
уже всеобщее поревнованіе обипашелей
онаго, къ чести и славъ народнаго образо-
ванія, гошовило умы и сердца принесъ ему
на жершву. — Мысль о заведеніи публич-
ныхъ Училищъ, занимала многихъ благона-
мѣренныхъ Черноморцевъ еще до 1803 го-
да (11). Уже были призваны изъ Москов-
скаго Университета первые Учищели, по-
ложившіе начало произвольному, — а по-
томъ въ 1806 году систематическому уче-
нію. Сей годъ достопамященъ еще въ Ис-
торіи Черноморскаго войска началомъ со-
оруженія въ Екашеринодарѣ дома для Узд-
наго Училища (*), по присланному изъ Уни-
верситета плану. На содержаніе онаго по-
гда же опредѣлено оппускашь изъ Войско-
выхъ доходовъ ежегодно по 1500 руб. Сум-
ма сія по благорасположенію Его Превос-
(*) Въ семь домѣ приготовлена Гимназія къ опу-
крышню.

ходипельства, бывшего Войсковаго Аптамана, Федора Яковлевича Бурсака, съ 1806 года навсегда опчислена въ пользу возникшаго заведенія. Сверхъ того, Училище имѣло счастье видѣть въ 1806 году довольные опыты усердія и расположеніе къ себѣ благороднаго Дворянства и многихъ благонамѣренныхъ Козаковъ, въ добровольномъ для него пожертвованіи, простирающемся свыше четырехъ тысячъ рублей деньгами (12).—

Ученіе по правиламъ, предписаннымъ въ Высочайше утвержденномъ Успавѣ ученыхъ заведеній, открыто въ семь училищъ съ началомъ 1807 года. Въ продолженіи онаго училищная Библиотека получила немаловажное основаніе, поступленіемъ книгъ изъ Войсковой Канцеляріи, Межигорской ризницы (13) и отъ разныхъ благошворителей, шакъ, что въ концѣ года составилось до 210 томовъ, кромѣ двухъ тобусовъ; число же учениковъ было 81.

Въ послѣдствіи времени количество учащихся по мѣсячнымъ общепельствамъ, по возрастало, по умалалось: библиотека ежегодно приумножалась и сумма увеличивалась; каковой въ 1800 году поступилъ

ло въ непосредственное училищное вѣдомство 10,079 руб. 73¼ коп.

Вотъ состояніе училищной въ Черноморіи части по 1812 годъ! — Но прозрачные воды не выходяшь ли иногда изъ водоемовъ своихъ для напоенія прилежащихъ къ нимъ равнинъ, жаждущихъ насытиться влагою оныхъ? — Такъ и семя наукъ, принятое въ нѣдро града сего, шакъ сказашъ, со восходомъ своимъ награждаетъ уже насъ опрастями, кои единодушное рвеніе къ пользамъ общественнымъ не замедлило привить ко градамъ и весямъ окрестнымъ. — Въ 1812 году, появились Приходскія Училища. Въ городѣ *Тилани*, въ мѣстечкѣ *Щербиновкѣ* и въ селеніи *Брюховецкомѣ*, а въ 1815 и въ мѣстечкѣ *Гривинкомѣ*. Почти чрезъ два года — именно въ 1817, находимъ шаковыя въ селеніи *Рогивскомѣ* и въ мѣстечкѣ *Терлюкѣ*; а въ 1819 — Обществ: *Медведовское, Куцовское, Леушковское, Пластунское* и нѣкошорыя другія, ознаменовалися рвеніемъ, учреждая у себя споль полезнѣйшія заведенія и возбуждая къ тому ревность прочихъ селеній.

Свидѣтельствуя шоржеспвенную признательность первымъ, и упомянувъ съ долж-

нымъ вниманіемъ о другихъ, можемъ ли мы преѣйти молчаніемъ доспохвальное дѣяніе почтеннѣйшаго благошворителя Курскаго первой гильдіи аккредитованнаго купеческаго сына Сергѣя Васильевича *Антимонова*, который, споспѣшествуя воспитанію юношества, принесъ въ даръ чешыремъ Приходскимъ Училищамъ 6500 руб. наличными деньгами? Незабвенна пребудешь памящъ шаковыхъ благошворителей! —

Другія Приходскія Училища содержатся на иждивеніи сельскихъ Обществъ по мѣрѣ возможныхъ къ тому способовъ. Для помѣщенія ихъ иными уже пожертвованы, а другіе изъявили желаніе принести въ жертву приличные дома, кромѣ тѣхъ выгодныхъ зданій, которые ошъ щедрошъ Войска ошданы имъ въ собственность Таманскому Приходскому Училищу (14). При шомъ Войскове начальство, всегда покровительствуя учебной части въ предѣлахъ своей обласши, во оправданіе благихъ своихъ намѣреній, предполагаешъ, какъ существующія уже, шакъ и вновь еще устроишся имѣющія Приходскія Училища, содержатся навсегда изъ обшчихъ Войсковыхъ доходовъ, дабы шѣмъ проч-

нѣйшее положивъ для нихъ основаніе и облегчивъ членовъ своего сословія, почти безпрестанно занятаго службою.

Изъ сихъ учебныхъ заведеній Екашеринодарское болѣе всѣхъ всегда было ободряемо щедростями Войска. Значительныя пожертвованія незабвенныхъ благошворителей, подавая ему швердую руку помощи, примѣннымъ образомъ извлекали его, шакъ сказашь, изъ колыбели. Уже въ 1811 году удостоено было оно позволеніемъ отъ своего начальства, сверхъ уѣздно-училищныхъ предметовъ, прибавивъ Гимназическій классъ, для преподаванія возрастающимъ юношамъ Математики и Физики, а въ 1813 году и другой классъ для обогащенія спѣющихъ умовъ — любителей изящнаго просвѣщенія, знаніемъ Словесности. Училища сихъ обоихъ классовъ первоначально довольствовались жалованьемъ изъ процендовъ на экономическую сумму.

Ко утвержденію и возвышенію сихъ Училищныхъ заведеній, а паче Уѣзднаго Екашеринодарскаго, отъ вышней власти разрѣшено производить изъ казны шпашную сумму, по 1250 руб. ежегодно; нынѣ же — благо-

дареніе Богу! къ славѣ начальства, въ чести всего Войсковаго сословія — Училище сіе имѣеть безнужное содержаніе, довольствуясь оными опъ щедростъ Монаршихъ и опъ усердія Войска. Экономическая сумма онаго, простираясь до 25,000 рублей, составившихся большою частію опъ благошвореній, очевидно обезпечиваетъ его въ случаѣ непредвидимыхъ надобностей для благоустройства Училищнаго.

Весьма нужно и полезно приумножить хорошими училищными пособіями нашу библіотеку, въ которой до сихъ поръ собралось уже болѣе семи сотъ томовъ (15). — Число учащихся въ Екатеринодарскомъ Училищѣ также было очень посредственно: рѣдко когда-либо умножалось оно до ста человекъ. И шрудно разрѣшить: самое ли младенчествующее еще въ семь краѣ просвѣщеніе, мѣстныя ли обстоятельства, частный ли нѣкошорыхъ вкусъ въ наукахъ, или недавнее укорененіе Войска сего на мѣстахъ, теперь имъ населяемыхъ — тому причиною? . . . . Но нынѣ число учениковъ въ Екатеринодарскомъ Училищѣ возросло болѣе ста шестидесяти, въ подвѣдомствѣ

венныхъ оному Приходскихъ Училищахъ болѣе 200, а всѣхъ до 400.

Самое заведеніе и распросраненіе Училищъ, положеніе содержанія для оныхъ, значительныя пожертвованія, составленіе экономической суммы, учрежденіе библіютеки и приобрьшеніе другихъ пособій, а паче постепенное приумноженіе учащихся—не суть ли доказательства благороднаго рвенія богоспасаемыхъ Черноморцевъ къ распросраненію Просвѣщенія?

Двадцать восемь лѣтъ прошекло — и необитаемая мѣста населены градами и весями (16); 28 лѣтъ—и пустыя поля усѣяны многочисленными сѣвами и испещрены лучными нивами, яко источниками общественнаго блага; 28 лѣтъ—и кромѣ благолѣпной монашеской пустыни (17), воздвигнутой для пріянія въ иѣдра смиренія уклоняющагося отъ мірскихъ суешностей, пятьдесятъ - два храма (18) пѣснословящъ имя Христова устами семействъ вашихъ, П.П. П.П! Сверхъ того, когда, кому отказывали въ какихъ-либо пособіяхъ богоспасаемые обитатели края сего? Требуешь ли того Отечество?—Въ числѣ первыхъ гошovy они

явишь всю ревность и усердіе (19). Нужно ли благопоспѣшествованіе въ челоувѣколюбіи?—Не опстають они отъ другихъ въ пожертвованіяхъ (20). Ищутъ ли дальніе соотечественники ихъ милосердія?—Изъ послѣднихъ пожитковъ своихъ ошдѣляютъ имъ возможное подаяніе съ сердечнымъ расположеніемъ 21). Но проливая щедроты свои на другихъ, себѣ спяжали бѣльшія: — благословенія Неба, нынѣ нами созерцаемое!—Едва принадлецашъ послѣднихъ лѣтъ уклонилась въ вѣчностъ, какъ свѣтлая заря наукъ показала на небосклонѣ нашемъ; и зарево Просвѣщенія являетъ уже намъ ясное утро (22); принадлецашъ лѣтъ—и нечувствовавшій надобности въ ученіи, находишь удовольствіе въ приобрѣщеніи свѣдѣній и встрѣчаешь необходимость въ распространеніи познанія Наукъ; 13 лѣтъ—и одно малое Училище раждаетъ другихъ десять, а само образуется въ вышнее.—Это слѣдствіе избытка добрыхъ сердець и правовѣрныхъ душь здѣшняго Сословія!

Но кто не вѣдаетъ, сколько въ сіи многіе современные намъ годы было и напоишь заботъ для Войска. Ему надлежитъ

содержашъ границы въ безопасности отъ ежечасныхъ набѣговъ; оно обязано укрощашъ дерзкихъ Ордынцевъ, — шо многократными преслѣдованіями ихъ опрядовъ, шо нарочитыми походами въ самые ихъ аулы (23); ему должно заниматься, и нужно занимашся, — собщвеннымъ хозяйствомъ для своего содержанія, а въ засвидѣльствованіе дѣятельности и вѣрной службы снаряжашъ полки, шо на Дунай (24), шо въ Крымъ, на Южный берегъ къ Черному морю (25), шо для защищенія и подкрѣпленія за Кубанью прежде устроенныхъ бапарей (26), шо на Западъ прошивъ общаго врага Европы (27), шо на границу Польскаго Царства (28), при всегдашней готовности и впредь къ отправокъ оныхъ, если бы того надобность пошребовала. — Нужно было также оному со всѣхъ сторонъ охраняшъ предѣлы бдительною спражею отъ внесенія заразительной болѣзни (29); и въ продолженіи не малаго времени облегчашъ нужды многихъ десятковъ тысячъ переселенцовъ (30). Должно было вновь формировашъ изъ Войска опрядъ конной Гвардіи (31), преобразовашъ оный въ эскадронъ, пополняшъ, снабдѣ-

вать всѣми по потребностямъ, поддерживать его и въ шоже время образовать необходимую, уже опшличающуюся, Аршиллерію (32). Надобно было заботиться оному о сооруженіи различныхъ заведеній (33), объ успроеніи фабрикъ и заводовъ (34), объ учрежденіи почтовыхъ станцій (35), объ исправленіи переѣздовъ, и споспѣшествовать общей пользѣ успроеніемъ караншиновъ (36), военнаго госпиталя (37), лазарешовъ (38), больницъ (39) — и пецись о снабженіи оныхъ всѣмъ нужнымъ. О многихъ другихъ заботахъ, развлеченіяхъ и непомерныхъ издержкахъ, бывшихъ и всегда необходимыхъ — или для благоуспройства и порядка, или для засвидѣтельствованія усердія и общаго человѣколюбія — умалчиваю; не описываю пространнѣйшаго разсѣянія жилищъ и опдаленія оныхъ опъ Екашеринодара, даже между собою опдѣленныхъ болотами, или пустою степью, или опасностію опъ Закубанскихъ злодѣевъ; не говорю о перемѣщеніи многихъ селеній опъ Кубани (40); не напоминаю о бывшихъ неоднократно болѣзняхъ, свойственныхъ здѣшнему климату, не мало опнимавшихъ бодрость духа и ослаблявшихъ цѣ:

лесныя силы; о частныхъ беспокойствахъ
 отъ злодѣйственныхъ сосѣдовъ, нерѣдко за-
 ставляющихъ бросивъ перо приниматься за
 оружіе, опложивъ собственное, или поручен-
 ное дѣло — спѣшить на защищеніе семействъ,
 а иногда оставивъ домъ, цѣлые мѣсяцы и поч-
 ти цѣлую зиму, быть въ ежечасномъ воору-
 женіи и готовности на сопротивленіе злодѣ-
 ямъ, для кошораго принуждены вооружать-
 ся юноши, едва могущіе поднять оружіе,
 или еще долженствовавшіе бы занимать-
 ся ученіемъ. О смертности же отъ нача-
 ла поселенія до 1817 похищавшей, рѣдко
 менѣ того околько рождалось (41), испор-
 гавшей воиновъ во цвѣтѣ лѣтъ, кощо-
 рые могли бы еще бодрствовать, умно-
 жать число дѣйствователей и споспѣ-
 шниковъ общему благу — сказать не смѣю;
 всѣ обстоятельства сіи не могли ли быть
 въ семь краѣ препящствующею причиною
 успѣшнѣйшему ходу просвѣщенія?

Да и много ли здѣсь обитателей? По пер-
 вой за 1797 годъ ревизіи было отъ Гене-
 рала до послѣдняго Козака 19,858; а нынѣ
 по приумноженіи переселенцами съ малолѣт-
 ными, изувѣченными и дряхлыми, включая и

духовенство, 39,103 души мужеска пола (42): количество, даже противъ уѣздовъ очень умеренное; умеренны и доходы Войсковые, которые еще въ 1804 простирались только до 71,000 рублей (43); нынѣ же сія отрасль хотя съ году на годъ увеличивается; но умножаются и надобности, почини превышающія доходы. Однако за всѣмъ тѣмъ обитатели Войска сего не только не отстають отъ староустроенныхъ обществъ въ усердствованіи къ полезнѣйшимъ заведеніямъ; но едва ли не превосходятъ нѣкопородныхъ. — Сословіе сіе весьма охотно и со благоговѣніемъ повинуется предрѣшающей власти, и всегда внимаетъ гласу Правосудія, призывающему оное къ общественному его благополучію.

При умеренныхъ доходахъ, при множайшихъ ежечасныхъ развлеченіяхъ, при сильнѣйшихъ трудахъ и общихъ заботахъ, въ немногіе годы успрояются полезнѣйшія заведенія, и неоскудѣваетъ ревность къ распространенію просвѣщенія. Малый рассадникъ при насажденіи другихъ разведеній возрастаетъ въ верхоградъ: Малое Училище, при многихъ Приходскихъ, образуется

нынѣ въ Гимназію, кошторая хопя и имѣеть въ назначеніи для себя опть щедропть Высокомонаршихъ по 5,800 руб. ежегодно; однакожь челоувколюбивые благотворители опть избыпка усердія своего, въ незабвенную память свою, на успроеніе при ней Сирошо-питательнаго дому, записало уже въ пожертвованіе болѣе 15,000 рублей; въ томъ числѣ Гг. полковые Есаулы: *Бондаревскій*, болѣе пяти тысячъ пяти сотъ рублей; а *Семенко* 1,050 рублей; да на поупку Физическаго для Гимназіи прибора упомянутый Г. *Антимоновъ* 500 рублей. При томъ Войсковое Правительствво предположило содѣйствовать усовершенствованію оной всеми возможными пособіями. И пакъ все сіе, не еспь ли доказательство любви Черноморскаго Сословія къ распротраненію просвѣщенія?

Да возрадуются сердца благодарующихъ въ семъ Богоугодномъ дѣлѣ! и радость сію да оощушпть паче всѣхъ начальствующихъ, опть коихъ зависишь исполненіе Высочайшей воли! —

Благодареніе Промыслу Вышняго, управляющему вся во благое! Благодареніе бла-

госпи Его; движущей сердца́ми добромыслящаго Начальства и растворяющей упробы благодушелей милосердіемъ, ведущей насъ извѣстными Ему путями къ нашему блаженству! Слава Пресвятому имени Его, располагающему насъ къ почтнѣйшему служенію Отечеству — для собственнѣйшей нашей чести и славы!

Сыны Отечества! истинные друзья чело́вчества! теперь только остается намъ удержатъ въ своемъ духѣ священнѣйшую ревность о усовершенствованіи начинаемаго дѣла; теперь только остается намъ благопризирать на сія общепользныя заведенія: тогда какихъ успѣховъ ожидать должно! — — —

Многимъ опверзтъ будешь входъ въ храмъ славы; множайшіе будутъ благословлять жребій свой, и когда одинъ, по мѣрѣ приобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній, можетъ быть полезенъ для всѣхъ; одинъ оправдаетъ всѣ изживенія; одинъ можетъ сославить честь и славу всѣхъ: — какое будешь увѣчаніе общественныхъ попеченій! Какое удовольствіе душъ и сердець всѣхъ и cadaго! — Имѣніе наше преидеть въ руки другихъ; —

*

честь же и слава пребудеть съ нами вѣчно! —

Но сіе устроеніе имѣеть нужду въ покровительствѣ благомыслящаго Начальства, чрезъ что болѣе и болѣе будетъ приходишь оное въ лучшее совершенство. Въ немъ учащійся, безъ сомнѣнія, можетъ получить всѣ способы къ образованію своего ума и сердца и къ достиженію истиннаго благополучія: здѣсь онъ Словомъ Божиимъ и добрыми наставленіями утверждень будетъ въ Христіанствѣ и благодѣи; здѣсь онъ можетъ научиться нужнымъ языкамъ, для разумѣнія иностранныхъ письменъ и разговоровъ; здѣсь познаеть свойство Природы и чудесныя явленія оной, — не для простаго шокмо удивленія, но для благоговѣнія къ Міродержцу; здѣсь можетъ познать нужные способы къ приобрѣшенію чести и славы, сколько оружіемъ, сколько и чело-вѣколюбивымъ поведеніемъ своимъ противъ покоряющихся его геройству; здѣсь можетъ приобрѣсть свѣдѣнія о народномъ правленіи и умноженіи общаго блага; здѣсь получишь свѣдѣнія, нужныя для праведнаго судіи и безкорыстнаго правовѣдца; здѣсь можетъ

научишься правиламъ порядочнаго домоуправленія, удобренія нивъ съ облегченіемъ трудовъ земледѣлія, улучшенія скопотоводства, умноженія промышленности, утонченія собственныхъ чувствъ, сохраненія своего здоровья, посвященія себя на служеніе общей пользѣ: и тако исполняшся Высокомонаршія намѣренія, прославится имя Всебѣдущаго и совершится всѣхъ и каждаго благополучіе.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

1) Войско Черноморское предъ войною съ Порпою Опшоманскою начало въ 1787 году собираться изъ оставшихся Запорожцевъ. Первымъ Апаманомъ Кошевымъ былъ опредѣленъ Полковникъ Сидоръ *Бѣлый*, который въ 1791 году умеръ.

2) Во время войны, по завоеваніи Бессарабіи, назначена была имъ земля для поселенія между Бугомъ и Днѣспромъ по берегу Чернаго моря и по дороге Бендерскую; но въ 1792 году, по ходатайству Депутатовъ отъ Войска, преимущественно же Войсковаго Судіи, Бригадира и Кавалера *Антоня Головатаго*, предприимчиваго, смѣлаго, веселонравнаго, отважнаго и рѣчиспаго, отъ Императрицы Екатерины II. Всемилоствѣйше дарована земля съ островомъ Таманью до Лабы; а къ Сѣверу отъ Кубани по берегу Азовскаго моря до р. Еи; на что жалована Высочайшая грамота; а съ нею вмѣстѣ подарены тогда же, 1792 года Іюля 13 дня, серебряное и вызолоченое блюдо, съ таковою же солонкою, и хлѣбомъ, для церкви святыи попиры со всемъ приборомъ, суповызолоченныя и глазетныя ризы со спихаремъ и со всемъ облаченіемъ, а также и для Войска большое бѣлое знамя, серебряныя лишавры и двѣ серебряныя шрубы.

3) При Кубани было нѣсколько лѣсу, и нынѣ находится очень не много; — прочія мѣсна шипенныя, изрѣдка покрышыя камышемъ; воды прѣсныя и мало годныя для употребленія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вовсе нѣтъ, или горькія.

4) Въ Польшу ходили въ 1794 году два полка пѣхотные, подъ командою Кошеваго Бригадира Захарія *Чепѣги*, который тогда пожалованъ Генераломъ.

5) Въ Персію отряжены были 1796 года два полка пѣхотные, подъ командою Бригадира *Антоня Головагаго*, который по смерти Чепѣги, назначенъ былъ Войсковымъ Апаманомъ; но до полученія Высочайшаго повелѣнія въ 1797 году на оспровѣ Каспійскаго моря, *Колышванъ*, въ 250 верстахъ за Дербентомъ, умеръ.

6) По смерти Головагаго, въ томъ же 1797 году, пожалованъ Войсковымъ Апаманомъ Войсковой Писарь Полковникъ Тимофей *Котляревскій*, но возвратившіеся изъ Персіи, до полученія еще о семь повелѣнія, согласно старому обычаю, желали избрать Кошеваго по своей волѣ; по какимъ причинамъ Котляревскій тогожъ года въ послѣднихъ числахъ Августа ѣздилъ ко Двору, гдѣ пребылъ одинъ годъ и четыре мѣсяца, и пожалованъ Генераломъ. Но поелику онъ былъ слабъ здоровьемъ, по, командуя съ небольшимъ годъ, испросилъ себѣ пріемника, Подполков-

ника Ѳедора Яковлевича *Бурсака*, коему по Высочайшему повелѣнію и здаль Апаманство 1800 года въ Генварѣ мѣсяцѣ, а самъ погожь года въ половинѣ Феврала мѣсяца умерь.

7) Чума 1796 съ Марша мѣсяца изъ Анапа вкралась чрезъ Бугазь въ Тамань, разнеслась по всему почти Войску и въ Августѣ пого же года прекращена нарочипымъ Каранпиномъ въ селеніи Брюховецкомъ, особенно же спараніемъ Главнаго Таврическаго, Штабъ-Докшора *Гофльда*.

8) Войску при Грамошѣ Высочайше пожаловано изъ казны по двадцати пысячь рублей ежегодно, для жалованья: Войсковому Апаману, на Войсковую Канцелярію, 40 Куреннымъ Апаманамъ и соборному Духовенству. Провіаншь же сначала былъ собспвенный; попомъ съ 1806 года велѣно было отпускатъ казенный; но съ 1810 году таковый отпускъ прекращень, и опянь началъ заготовляться отъ Войска; для чего въ 1813, 1814 и 1815 годахъ, по причинѣ дороговизны хлѣба, издержано Войскомъ 475,232 руб. 57 коп.

9) Отъ Екатеринодара до Ростова и Черкаска болѣе 300 верстѣ, отъ Крыму за морями и болопами 250; отъ Кавказской же Губерніи (*),

---

(*) Въ семь 1820 году Черноморіа отъ Таврической Губерніи отчислена къ Губерніи Кавказской, а по воинской частии отъ

которой граница отъ Екатеринодара въ 47 вер-
стахъ, были пустопорожнія степи.

10) Высочайшій Манифестъ о народномъ
просвѣщеніи состоялся 1803 года. Харьковскій
Университетъ открытъ 1805.

11) Войсковый Апаманъ Кошляревскій еще
посылалъ двухъ сыновей своихъ въ Крымъ для
наученія грамотѣ. Умершаго Протоіерея По-
рохки два сына въ 1802 году отправлены были
въ Харьковскій Коллегіумъ. Войсковый Апаманъ
Федоръ Бурсакъ въ 1803 году посылалъ двухъ сы-
новъ своихъ въ Черкаскую Гимназію и еще въ
1800 году приглашены были изъ Московскаго
Университета для Учительства студентъ Иван-
ченко и Гимназистъ Поляковъ.

12) Періодическаго сочиненія 1806 г. № XIX.

13) Межигорской Кіевскій Монастырь снаб-
двался отъ Запорожцовъ, а ежегодно былъ при-
сылаемъ изъ онаго въ Сѣчь, для отправленія Бо-
гослуженія, одинъ Іеромонахъ. Ризница, по упраз-
дненіи онаго, находившаяся въ Полтавѣ въ риз-
ницѣ Архіерейской, въ 1798 году съ Каѳедрою
Архіерейскою перевезенная въ Новомиргородъ,
по Высочайшему повелѣнію поступила въ
Черноморское Войско. Она была испрошена у
Государя Павла I. Апаманомъ Кошлярев-

Херсонскаго Военнаго Губернатора подъ команду Генерала
отъ Инфантеріи А. П. Ермолова, пребывающаго въ Грузіи.

скимъ и нѣкоторыя вещи изъ оной въ 799 году году изъ С. Петербурга привезены Подполковникомъ (нынѣ Генераль) Ѳ. Я. Бурсакомъ; принята же въ Новомиргородѣ, 1804 года, Войсковымъ Судіею Подполковникомъ Евпихіемъ Чепѣгою, и роздана Войсковою Канцеляріею, — преимущественнѣйше въ Екашеринолебежскую монашескую Пустыню и въ Екашеринодарскій Соборъ, а по частямъ и по надобностямъ во всякую Черноморскую церковь; Гражданскія же книги и нѣсколько Церковныхъ поступили въ училищную Библиотеку.

14) Въ Щербиновкѣ выстроены для училища домъ изъ Войсковаго лѣса, опущеннаго бывшимъ Войсковымъ Апаманомъ Г. Бурсакомъ; но неприведенный еще въ окончаніе замѣненъ на шаковый же во всей исправности Г. В. Апаманомъ Машвѣвымъ, принадлежавшій Ейскому Земскому Сыскному Начальству, которое въ 1817 году изъ Щербиновки переведено въ селеніе Куцовку.

15) Въ 1817 году пожертвовалъ Войсковый Апаманъ Бурсакъ 15 экземпляровъ; въ 1811 Г. *Несворовъ*, изданія своего: *Другъ Юношества*, полные четыре года; въ 1819 отъ Г. Статскаго Сопѣтника *Каразина* получено 15 томовъ разныхъ книгъ; отъ разныхъ Благошворителей по одной: всего до 200 томовъ.

16) Городовъ 2: Екашеринодаръ и Тамань; мѣ-

стечекъ 3: Щербиновка, Гривина и Темрюкъ; селеній 42, заселковъ 6.

17) Екатеринодарская Пустынь заложена Архимандритомъ Теофаномъ 1796 года и въ ней деревянная церковь; кирпичнымъ же зданіемъ большая церковь о 5 престолахъ заложена Архимандритомъ Товією 1804 года Августа 6 дня; въ Киновіи кирпичнымъ же зданіемъ церковь во имя Всѣхъ Святыхъ заложена 1806 года Мая 27, а освящена 1809 Августа 1 Мишрополитомъ Хрисанѳомъ.

18) Въ Екатеринодарѣ Соборная большая деревянная пренепреспольная церковь освящена 1800 года; Екатерининская придѣльная 1813; на кладбищѣ, до выстроики церкви, въ Богадѣльнѣ, положенъ святой Антиминсъ для священнослуженія 1817; а Димитріевская, вновь приходская, изъ церкви, Архимандритомъ Товією на подворьѣ своемъ выстроенной, освящена 1819 года.

19) Часныхъ пожертвованій на милицію было до 20 тысячъ;—особо изъ Войсковыхъ доходовъ послано сто тысячъ; но сіи, по причинѣ довольноаго усердія Войска по службѣ,—возвращены.

20) На погорѣлую Казань въ 1815 году собрано по Духовной части деньгами и вещами на двадцать-одну тысячу семьдесятъ-восемь рублей тридцать-пять копѣекъ.

21) Въ Аѳонской горѣ содержится опть милоспей Войска Ильинскій монастырь, для коего

въ Черноморіи при Азовскомъ морѣ имѣется рыболовный заводъ, и ежегодное бымаепъ оныя Благодѣлителей подаваніе.

22) Екатеринодарское училищѣ Высочайше утверждено 1806 года Декабря 14 дня; прибавка классовъ Гимназическихъ учинена 1811; Гимназію предназначено открыть 1819 года, — приведено въ исполненіе 1820 Мая 17 дня.

23) Черноморскія Войска ходили за Кубань, для наказанія и усмиренія Черкесъ: 1800, 802, 804, 807, 809, а 810 и 811 пять разъ; въ томъ числѣ два раза для взятія Анапа 807 и 809 годовъ.

24) На Дунай откомандированъ полкъ на флотиліи 1807 года, подъ командою Подполковника *Паливоды*, который подъ мѣстечкомъ Приславомъ убитъ Турками; на мѣсто его посланъ изъ Войска Войсковый Полковникъ Григорій Кондратьевичъ *Матѣевъ*, нынѣшній Войсковый Апшманъ. По окончаніи же войны съ Портою посланъ оный полкъ пѣшій въ Армію противъ Французовъ; но оншуда въ 1813 году съ Войсковымъ Полковникомъ П. *Бурсакомъ* возвратился съ шѣмъ, что та смѣну онаго посланъ другій конный подъ, командою Полковаго Есаула *Плохова*, который, по окончаніи войны съ Французами, возвратился въ 1814 году съ шѣмъ же полкомъ Подполковникомъ.

25) Въ Крымъ посланъ былъ полкъ 1807 года, подъ командою Войковаго Полковника *Алла*.

26) На Черкесской споронѣ устроены были двѣ батареи подь распоряженіемъ Графа *Рашошуара*: 1 противь Александриннаго Кордона за Кубанью, въ 10 верстахъ ошь Екатеринодара, 1810, а 2 за 15 верстъ ошь оной подь горами при рѣчкѣ Афинсѣ, 1811 годовъ: обѣ же упрзднены 1812 года.

27) Кромѣ посыланныхъ полксвъ, означенныхъ подь числомъ 24, при вшоричномъ смяшеніи во Франціи послѣ побѣга Бонапарте съ ошрова Эльбы 1815 года посыланы были 4 полка конныхъ, подь командою Подполковника *Дубоноса*.

28) Въ Польское Царство опряженъ конный полкъ, во всемъ новомъ снаряженіи, подь командою В. Старшины и Кавалера *Стринскаго* 1819 года.

29) Въ концѣ 1812 и въ 1813 году, въ разсужденіи заразы, вокругъ Черноморіи содержи-ма была спража: съ запада ошь Крыму и чрезъ Азовское море ошь Екатеринославской Губерніи, съ Сѣвера ошь Растовскаго Уѣзда и Донскихъ предѣловъ; съ Востока ошь Кавказской Губерніи, ошь коей съ того времени и до нынѣ содержитсяъ спража и Карантинъ; съ Юга ошь Закубанцовъ, ошь коихъ и прежде была и всегда быть нужна.

30) Съ 1809 по 1811 годъ по Высочайшему повелѣнію изъ Малороссійскихъ Губерній пере-

селилось мужеска пола 22,306 душъ, женска 19,328, для пособія коимъ издержало Войскомъ 158,607, руб. 66½ коп.

31) Первый разъ 1811 года снаряженіе и опправка Гвардейской сотни стоила войску 25,585 р. 56 к.; добавка людей и всего нужнаго въ 1816, 1818 и 1819 годахъ 27,957 р. 9½ коп.

32) Образованіе Артиллеріи послѣдовало 1813 года и въ началъ стоило Войску 37,480 р. 80к; ежегодное исправленіе оной болѣе 5 тысячъ.

33) Въ крѣпости 40 Куреній кирпичныхъ начаты 1811 года, а кончены 1819 годовъ; и стоить Войску 220,180 р. 95 к.

34) Суконная фабрика заведена 1814 года, и стоила Войску при заведеніи 44,440 р. 14½ к., а ежегодно до 7,424 р. 42 к. Лошадиный заводъ начатъ 1812 года и стоилъ при заведеніи 61,248 р. 31½ к.; ежегодно до 7,000 р.; а овчарный начатъ съ 1816 и стоилъ 19,229 р. 35 к. а ежегодно до 4,000 р.

35) Почтовые станціи ежегодно стоить для Войска до 22,450 р.

36) Карантинъ въ Кавказской Губерніи учреждень 1809 года, и съ прочими Карантинами стоилъ 16,912 р. 40½ к.

37) Главный Госпиталь назначень 1812 года; и принявъ свое дѣйствіе и видъ 1816 года, и стоилъ Войску 87,317 р. 99½ к., а ежегодно до 3,000 р.

38) Лазарепы: въ селеніяхъ Полтавскомъ и Брюховецкомъ, и мѣстечкахъ: Темрюкъ и Щербиновкъ.

39) Богадѣльня въ городѣ Екашеринодарѣ.

40) Обишатели береговъ Кубани начали съ 1807 года переходить внутрь Черноморіи цѣлыми селеніями, какъ то: 1) Донское и Пластуновское, которыя поселились вмѣстѣ при рѣчкѣ Кочепяхъ; 2) Роговское, состоящее нынѣ при рѣчкѣ Кирпильяхъ; 3) Поповичевское переселилось на правую сторону рѣчки Конуры; 4) Величковское поселилось въ 15 верстахъ по выше онаго; 5) Тимошивское поселилось надъ устьемъ Кирпильцовъ; 6) Мышастовское перешло надъ рѣчку Кочепи; 7) Ново-пшаривское при рѣчкѣ Конурѣ, которое населилось изъ жителей своего курснаго селенія—изъ хуторовъ и изъ городскихъ жителей; 8) Нижеспблѣевское, перешедши отъ Ивонивки къ проточкѣ Ангелинкѣ, составило особое новое селеніе по прежнему своему названію; 9) вышедшіе изъ Джерелѣвки за рѣчку Кирпили по правую сторону противъ Рогивскаго съ хуторами и переселившимися къ нимъ переселенцами составили селеніе Ново-Джерелѣевское; 10) отъ Корсунскаго такимъ же образомъ составилось по правой сторонѣ р. Бейдужки селеніе Ново-Корсунское; 11) подобнымъ образомъ отъ Ивонивскаго между Конурскими Лиманами составилось селеніе Ново-Ивонивское.

41) Съ 1794 до 1817 по всей Черноморіи родилось мужеска 18,644, женска 17,698, обоого пола 36,342 души; умерло мужеска 23,716, женска 17,028, обоого 40,744: слѣдовательно болѣе родившихся умерло 4,402 души; а съ 1817 по 1820 родилось мужеска 5,725, женска: 5,513, обоого 11,238; умерло: мужеска 3,446, женска 2,569: слѣдовательно родилось болѣе, нежели умерло мужеска 2,279, женска 2,944.

42) Въ 1819 году съ Генераломъ Шпабъ-и Оберь-Офицеровъ 899, Козаковъ 26,703; Духовенства мужеска 312, женска 328.

43) Въ началѣ доходы были малые: въ 1804, кромѣ получаемыхъ ежегодно изъ казны по Высочайшей Грамотѣ 20 тысячъ, было 71,784 р. а въ 1818 съ оными 416,404 р. 23 $\frac{3}{4}$ коп.

К. Р.

ПЕРВОЕ: ЗНАКОМСТВО МАРМОНТЕЛЯ
СЪ ДИДЕРОТОМЪ, ГЕЛЬВЕЦИЕМЪ, ГРИМ-
МОМЪ, Ж. Ж. РУССО и Гжею ПОМПАДУРЪ (*).

Общество, мною посѣщаемое, собиралось у Барона Гольбаха. Тутъ я свелъ знакомство съ Дидерономъ, Гельвеціемъ, Гриммомъ и Ж. Ж. Руссо, который тогда не былъ еще нелицитомъ. Гриммъ, бывший Секретаремъ и испиннымъ другомъ молодого Графа Фриза, племянника Маршала Сакса, давалъ намъ у себя еженедѣльно обѣды, въ продолженіи коихъ царствовала совершенная свобода; впрочемъ Руссо весьма осторожно обращался съ сими людьми. Никто лучше его не наблюдалъ горестнаго правила: *живи съ пріятелями своими такъ, какъ бы они должныствовали быть нѣкогда твоими непріятелями.* — Въ это время онъ получилъ награду отъ Дижонской Академіи

(*) Изъ сочиненія Мармонтеля, найденнаго въ рукописи по кончинѣ его: *Памятныя записки отца, служащія къ выставленію его дѣтей.*

за сочиненіе по части краснорѣчія, основанное на извѣстномъ благовидномъ софизмѣ, въ которомъ приписывалъ наукамъ и художествамъ обыкновенныя слѣдствія благополучія и народной роскоши. Впрочемъ въ немъ тогда еще не была замѣтна та угрюмость, которая послѣ обнаружилась, и онъ не показывалъ гордой предприимчивости составивъ свою секцію: или самолюбіе его тогда не созрѣло, или онъ скрывалъ свои виды подъ наружностію робкаго, иногда даже покорнаго и близкаго къ униженію обращенія. Однакоже, при всемъ эшотъ, замѣчали въ немъ какую-то недовѣрчивость: его поникшіи взгядъ наблюдалъ все съ паинешвеннымъ вниманіемъ; сверхъ того онъ очень рѣдко сообщалъ другому свои мысли и никогда не предавался тому слишкомъ. Но эшо не мѣшало намъ съ нимъ обходиться подружески: какъ скоро проникнули, что онъ увлекается сильнымъ самолюбіемъ и щекопливою раздражисельностію, то приняди за правило ему пошворстновать, и обращаться съ шакимъ вниманіемъ и съ шакою уступчивостію, какую употребляютъ въ обращеніи съ любезною, но своенравною

и суешною женщиною, когда хопяшь ей угодить. Онъ сочинялъ тогда музыку *Деревенскаго Колдуна*, и пѣлъ намъ свои арии. Мы восхищались; выходки твердыя, одушевленные и глубокія, сколькоже насъ прельщали, сколько первый его опытъ, сочиненный по части краснорѣчія. Я долженъ сказать, что наше вниманіе къ нему лично, и наше уваженіе къ его дарованіямъ были самыя искреннія. Вошь что болѣе меня заставило послѣ досадовашъ на него, какъ скоро я увидѣлъ, что онъ, по собственнымъ своимъ странностямъ и причудамъ, порицалъ шакихъ людей, которые хорошо съ нимъ обходились и искали его дружества. Я провелъ съ ними всю жизнь и буду говорить о достоинствѣ ихъ въ другомъ мѣстѣ; впрочемъ никогда я въ нихъ того не примѣчалъ, что Руссо, по предубѣжденію своему, имъ приписывалъ.

Что касается до меня самого, то я проводилъ съ нимъ время въ обществѣ довольно равнодушно, безъ всякаго предубѣжденія. Мы не имѣли ни времени жаловашъ, ни мѣста другъ друга квалить; и все, что я сказалъ объ немъ и что еще буду говорить, совершенно не имѣетъ никакой личности.

*

Впрочемъ слѣдствіемъ его обращенія со мною было то, что я невольно вспоминалъ о неблагоразумныхъ опытахъ своей молодости. Въпль челоѡкъ, говорилъ я самъ себѣ, который прежде собиралъ съ тѣмъ, чтобы послѣ сѣять; а я, на попрещъ самомъ шрудномъ и самомъ опасномъ, спѣшилъ шворить что-нибудь прежде нежели то обдумалъ. Его знанія возрастали, зрѣли и усовершались въ продолженіи двадцати лѣтъ занятій и размышленій среди пишины и уединенія; а я уже распочаю свои мысли тогда, какъ онѣ едва лишь успѣли развернуться, и не получили еще ни силы, ни зрѣлости. А отъ того въ первыхъ его опытахъ, совершенная возмужалость; а въ моихъ все носить печать молодости и слабости шаланта, неушвердившагося ни долговременнымъ ученіемъ, ни размышленіями. Меня извиняеть только то, что былъ несчастень и бѣденъ, и потому работалъ непреспанно и наскоруую руку, лишь бы могъ на счетъ того содержать себя. Я рѣшался избавишься сего горестнаго положенія, хотя бы слѣдовало и оставишь ученое попреще.

Я имѣлъ нѣкоторый доступъ ко Двору; и злополучіе Г. Орри не совсемъ лишило меня надежды поправитъ свое состояніе. Та самая женщина, которая была причиною его опшставки, благодарила меня за то, что я служилъ, какъ бы эхомъ народнаго голоса, въ стихахъ, гдѣ прославлялъ все достохвальное въ царствованіе ея возлюбленнаго. Небольшая Поэма, мною сочиненная, на случай откритія Военнаго Училища, памятника, воздвигнутаго къ славъ Короля *Парисали*, сердечными друзьями Г-жи. Помпадуръ, сія, говорю, небольшая Поэма ей опмѣнно понравилась и мнѣ доставила право на ея благосклонность. Аббатъ Вернисъ и Дюкло, оба вмѣстѣ, ходили къ ней на поклонъ каждое воскресенье. Такъ какъ они оба имѣли со мною связь, то наконецъ и я претій въ томъ же предположеніи къ нимъ присоединился. Эта женщина, коюрой знатнѣйшія вельможи Королевства и самые Принцы крови отдавали почтеніе, просшая мещанка, имѣвшая слабость домогаться понравиться Королю, и несчастіе въ томъ успѣшь, была, при своемъ возышеніи, наилучшая изъ женщинъ въ свѣтѣ

Она принимала насъ проихъ дружелюбно, съ нѣкошорыми впрочемъ примѣшными опшѣнками опличія: одного привѣтспвовала слегка и скоро: *здравствуйте Дюкло!* другаго болѣе дружески: *здравствуйте Аббатъ,* попрепавъ иногда по щекѣ; а меня гораздо важнѣе и шише *здравствуйте, Мармонтель.* Дюкло, по честполюбію своему, шогда домогался сдѣлаться значительнымъ лицомъ на родинѣ, въ провинціи Брешани; Вернису хотѣлось помѣспишья жипъ въ Тюльери и получашъ въ пансіонѣ ппшѣдесяшъ луйдоровъ; а мое честполюбіе соспоило въ опшсканіи полезнаго занятія для себя самого и для публики, не завися опъ ея своенравія: я желалъ шрудиться и наслаждашья спокойшвіемъ. „Для Поэзіи имѣю посредспвенное дарованіе, сказалъ я Гжѣ. Помпадуръ; но чувспвую довольно смысла и разумѣнія къ спашскимъ дѣламъ, и способень, какого бы ни шребовали пожертпвованія шрудовъ. Пусть, Милоспивая Государыня, меня подвергнушь испшшанію: смѣю васъ увѣришь, что будушь довольны. Она мнѣ на сіе опшвѣчала, что я родился бышь просвѣщеннымъ человекомъ; но мое нерасположеніе къ

Поэзіи было не что иное, какъ недоспа-
шокъ смѣлости; что вмѣсто того, чтобы
совсемъ бросить партію игры, я долженъ
начать снова другую, какъ неоднократно по-
дѣлалъ Вольперъ, и вознаградишь, подобно
ему, свою потерю славнымъ выигрышемъ.“

Я согласился въ угодность ея занявшись
новымъ предметомъ; но нацель его несоот-
вѣстствующимъ по многимъ отношеніямъ
моимъ силамъ, Мнѣ казалось, что всѣ испо-
рическіе предметы уже исчерпаны; что
прежде меня искуснѣйшіе писатели ничего
не оставили безъ вниманія: ни великихъ ин-
тересовъ челоѣческаго сердца, ни сильныхъ
спрашій, ни прагматическихъ положеній, ни
великихъ пружинъ ужаса и состраданія. Я
долго занимался изысканіемъ дѣйствія нова-
го, совершенно необыкновеннаго, и пола-
галь, что нацель его въ собственномъ во-
ображеніи, которое представило мнѣ изло-
женіе важной величественности (*Похороны
Сезостриса*); оно сообщило мнѣ великіе ха-
рактеры для изображенія противополож-
ныхъ чувствованій и положеній и хитроспль
узла шоль крѣпкаго и запутаннаго, что
шрудно было предвидѣть развязку онаго.

Меня приводили почти въ отчаяніе зашрудненія дѣйствія безъ любви, дѣйствія совершенно подлическаго и нравственнаго, которое, къ поддержанію своему съ одинаковымъ напряженіемъ въ продолженіи пяти актовъ, требовало всѣхъ усилій подлическаго краснорѣчія. Я употребилъ на то все, что позволяли мои силы; и, по дѣйствию ли упоенія, или по излишнему снисхожденію, меня увѣряли, что я успѣлъ въ своемъ дѣлѣ. Гжа. Помпадуръ часто меня спрашивала, гдѣ новая піеса? Когда я кончилъ, то она, прочитавъ ее, сдѣлала справедливыя замѣчанія относительно нѣкоторыхъ частей; но вообще въ цѣлости она ей понравилась.

Здѣсь приходишь мнѣ на память одно происшествіе, которое можетъ расшорить пріятностію минулы повѣствованія о моемъ незавидномъ положеніи. Тогда какъ манускриптъ мой находился еще въ рукахъ Гжи. Помпадуръ, я представился ей, въ воскресенье, въ уборной ея, подлѣ того зала, гдѣ происходилъ, такъ сказать, приливъ придворныхъ, ожидавшихъ выхода Короля. Тамъ ее окружало множество лицъ; и она или изъ нихъ кто-либо ей не нравился, или

для избѣжанія скуки, каковую причиняла сія многолюдная толпа), замѣтивъ меня мимоходомъ, сказала: „мнѣ надобно съ вами поговорить,“ и сама пошла въ кабинетъ, куда я за нею послѣдовалъ, просило сказать, получивъ отъ ней манускриптъ, на которомъ опимѣтила карандашемъ свои замѣчанія. Не болѣе пяти, или шести минутъ она изъясняла мнѣ свои опимѣшки; между шѣмъ дѣлая сшая придворныхъ полпиласъ, въ ожиданіи ея возвращенія. Она опять показалась, а я, скрывъ свой манускриптъ, скромно занялъ прежнее мѣсто. Я не думалъ, чтобы сей особенный случай произвелъ какое-либо дѣйствіе, между шѣмъ оно превзило мое ожиданіе: всѣ обратили на меня взоры; со всѣхъ стпоронъ подходили ко мнѣ съ невразумительными для меня привѣспвіями, съ пріяпною улыбкой дружбы и, до выхода еще изъ зала, я приглашенъ былъ къ обѣдамъ, по крайней мѣрѣ, на цѣлую недѣлю. Сказать ли еще? Одинъ человекъ, довольно извѣстный, человекъ украшенный опимічїями, съ которымъ я нѣкогда обѣдывалъ у Г. Поппяньера, находясь подлѣ меня и, взявъ мою руку, сказалъ шихонько: „И шакъ вы уже

не узнаёше вашихъ старыхъ друзей?“ Эпошь
низкой пошупокъ меня пришыдилъ; и я по-
думалъ самъ въ себѣ: охъ! что значить
дѣйствительная милоспъ, ежели только
одна шѣнь ея пошавила меня на шакую
спешень уваженія!

Актеры, равно какъ Гжа. Помпадуръ, вос-
хищались при чтеніи, изящеспвомъ нравовъ,
коими я украсилъ послѣдніе акты моего
опыта. Но на шеатрѣ слабоспъ ихъ очевид-
но обнаружилась, и шѣмъ болѣе была ощу-
шительна, чѣмъ болѣе я употребилъ усилія
и жара въ первыхъ. Борьба великодушія и
добродѣтели не имѣли ничего прагического.
Публика досадовала, что не находила спра-
спей, и мое произведеніе пало. Признаюсь,
что публика имѣла справедливую причину
быть недовольною.

Возвращившись домой положилъ обѣщъ
ничего болѣе не сочиняшь для шеатра, и
шотчасъ написалъ къ Гжѣ. Помпадуръ, нахо-
дившейся шогда въ Бельвю, о своей неуда-
чѣ, и вмѣстѣ съ шѣмъ возобновилъ убѣди-
тельную просьбу опредѣлишь меня къ дру-
гимъ занаяціямъ, гдѣ бы могъ бышь полез-

нѣ, нежели продолжать трудиться надъ пѣмъ, къ чему не рождень.

Она получила мое письмо въ то самое время, какъ находилась за споломъ съ Королемъ, который позволилъ ей прочиташъ его. „Новая пѣса пала, сказала она; знаете ли, Ваше Величество, кно меня увѣдомляешъ объ эпомъ? — Самъ авторъ. Несчастной молодой чедовѣкъ! мнѣ бы весьма желательна было поскорѣ опредѣлишъ его къ другимъ новымъ заняшямъ.“ Братъ ея, Маркизь Марини, бывший шакже за споломъ, вызвался, что онъ, ежели ей не пропивно, гошовъ дашъ мнѣ мѣсто Секретаря по части зданій. „Ахъ! завшрѣ же, сказала она, опишите къ нему; я васъ прошу.“ Король казался довольнымъ, что шакъ заботились меня ушѣшить.

Письмо сіе, въ которомъ Маркизь Марини дружески и обязательно предлагалъ мнѣ мѣсто, не очень, по словамъ его, выгодное, но спокойное и нехлопотливое, меня очень порадовало; и на оное немедленно отправленъ былъ благодарный отвѣтъ. Я воображалъ себѣ, что послѣ кораблекрушенія до-

спигнуль наконецъ пристани и облобызаль
гостепрѣимную землю, кошорая доставляла
мнѣ прѣшный покой.

Димитрій Вороновъ.

ТЕМНИЦА НЬЮ-ГЕТЪ,

ИЛИ

ЭЛИЗА ФЕННИНГЪ (*).

O geras hominum mentes!

О суетность людскихъ суждений!

Размышленія Философа не всегда привлекають его въ блестящій кругъ большаго свѣта. Я люблю иногда разсуждать о предмѣсахъ мрачныхъ; и сія противоположность впечатлѣній, равно какъ и самыхъ нравовъ, преподаеть намъ полезныя уроки. Не давно, вышедши изъ бала, пошелъ я осматривать темницу Нью-Гетскую. Со мною былъ одинъ пріятель, и мы оба поражены были и чрезмѣрною роскошью и совершенною бѣдностію, просвѣщеніемъ и варварствомъ одного и того же народа, въ одномъ и томъ же городѣ, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Счастливы были бы еще мы, если бы порокъ не встрѣчался въ

(*) Изъ *Hérmite de Londres*.

большомъ свѣтѣ, а добродѣтель въ сихъ ужасныхъ темницахъ!

Нью-Гетъ (*) возвѣщаетъ о своемъ назначеніи обнаженною и печальною своею архипектурою. Внутренность его дика и ужасна. Мрачныя свѣтны, очерченные рукою времени, цѣпи, повѣшенные надъ воротами, положили на сіе зданіе печать унынія и суровости.

Я ужаснулся, видя заключенниковъ всякаго рода, собранныхъ вмѣстѣ безъ различія: одинъ только полъ отдѣленъ отъ другаго. Молодыя дѣвушки, въ такихъ лѣпахъ, въ которыхъ еще знаютъ стыдливость, смѣшаны съ тѣми шварями, кои потеряли уже и стыдъ и совѣсть. Мы увидѣли вмѣстѣ и тѣхъ, которыхъ были судимы, и тѣхъ, кои еще не были подвержены суду; тѣхъ, которыхъ должны были возвратиться въ нѣдра ихъ семейства, и тѣхъ, кои были приговорены къ смертной казни. „Англія,“ сказала я своему поварищу, гордишься,

---

(*) Въ 1780 году, внутреннія части сей темницы были превращены въ пепель возмущавшеюся чернью, которая ворвалась въ свѣтны оной.

„что произвела на свѣтъ Говарда: ни одинъ
 „другъ человѣческа не былъ столь по-
 „спояненъ и безкорыстенъ въ любви сво-
 „ей къ добру, какъ онъ. Что же должны
 „быть наши спрашныя тюрьмы до того
 „времени, когда онъ обратилъ вниманіе Пар-
 „ламентна на сію часть государственнаго
 „управленія?“

Мы вышли и съ поспѣшностію перешли
 чрезъ дворъ; здѣсь-то осужденные на смерть
 получаютъ казнь свою; подлѣ входа спано-
 вился черной эшафотъ, окруженный двой-
 ною цѣпью; звонъ колокольчика возвѣщаетъ
 роковое мгновеніе. Приготовленія внушаютъ
 ужасъ; палачъ располагаетъ медленно и съ
 оспороженностію веревку вокругъ шеи не-
 счастливыхъ. Сіи послѣдніе, нося уже на се-
 бѣ орудіе ихъ казни, внимаютъ увѣщанія
 духовника; имъ закрываютъ голову и лице
 чернымъ колпакомъ, и всѣ мѣры приняты,
 чтобы скрыть ошъ нихъ наспоющую мину-
 ту ихъ смерти; когда она наступитъ, шо
 священникъ безъ шума сходитъ съ помоста,
 и спановится подлѣ Шерифовъ; помостъ
 обрушивается подъ ногами преступниковъ
 и они оспаюются висящими.

„Я не могу видѣть сего мѣста, сказала мой товарищъ, безъ того, чтобы не вспомнить о смерти одной молодой дѣвушки, которая повесила съ собою на эшафотъ спокойствіе неправо обвиненной жертвы и оставила въ семь мнѣи большую часть зрителей, пѣсившихся здѣсь 25 Августа 1816 года. Мы не столько бы гордились достойнымъ подражаніемъ въ нашемъ судопроизводствѣ учрежденіемъ присяжныхъ, если бы часто встрѣчались такіа сомнѣнія о произносимыхъ ими приговорахъ. Мнѣ кажется, прибавилъ онъ, что подобное дѣло можетъ подать предметъ для размышленій и послужить наставленіемъ для правовѣдцевъ и судей.“ — Я осыпала его вопросами, и онъ отвѣчалъ такимъ образомъ:

„Г. Тернеръ, Лондонскій Нотаріусъ, съ нѣкошораго времени принялъ въ услуженіе Элизу Фенингъ, дочь почтеннаго ремесленника изъ Графства Ланкашперскаго, кошораго бѣдностію принудила разлучиться съ нѣжно любимою дочерью.“

„Элиза въ двадцати лѣтнемъ возрастѣ, съ весьма пригожимъ лицемъ соединяла искренность и чистосердечіе, кошорыя еще

болѣе увеличивали наружную ея красоту. Въ исправленіи своей должности, столь несообразной ни съ ея воспитаніемъ, ни съ первыми лѣтами ея жизни, она оказывала шакую гоповность и усердіе, что сіи качества скоро приобрѣли ей привязанность и благосклонность хозяевъ. Каждый день старались они облегчать для нее бремя службы и доставляли ей средства помогать шарому своему опцу, копорый былъ единственнѣмъ предметомъ ея заботы и любви. Съ шого времени Элиза считала себя почти счастливою; но сколь кратковременно было сіе счастье! . . .

„21 Марша 1815 года, Г. и Гжа. Тёрнеръ, сынъ ихъ и невѣстка, за обѣдомъ вдругъ почувствовали смертельную колику. Элиза Феннингъ чувствовала дуже самую болѣзнь. Мысль объ ошравѣ предспавилась въ умѣ каждаго изъ нихъ; осмошрѣли посуду, въ копорой гоповлено было кушанье; но не примѣтили на ней ни малѣйшаго слѣда яри или другой какой-либо нечиспопы. Однакожь позвали лѣкарей, копорые подтвердили, что ядъ находился въ одномъ изъ кушаньевъ, споявшихъ на споль. При шщательномъ разсмо-

Ч. XII. Кн. X.

4

прѣвнїи нашли, что блюдо *допплика* (*) было присыпано мышьякомъ. Примѣтили также, что пропала бумага съ нѣкоторымъ количествомъ сего яду, кошорую, по непрошествіи оплошности, Г. Тёрнеръ оставилъ, нѣзадъ шому полшора года, въ ящикѣ шполя, за коимъ писцы его занимались дѣлами. Городовое Начальство было о семъ извѣщено, и шощъ же вечеръ Элиза заключена въ оковы.

„11 Апрѣля 1815 года она явилась въ судебной комнащѣ. Видъ ея былъ спокоенъ; лице ея носило еще знаки мученій, кошорыя она прешерпѣла отъ дѣйствія яда. Она швѣчала съ обыкновеннымъ своимъ чистосердечіемъ на сдѣланные ей вопросы, ежеминутно призывая Всевышняго къ себѣ на помощь. Вопшь доказательствва, служившія къ ея обвиненію и предспавленные *Рекордеромъ* (**).

„Кушанье, говорилъ сей судья, было подано обвиняемою ховлевамъ ея; она при-

(*) Это родъ пудинга, весьма тяжелаго для желудка и на кошоромъ подается одинъ соусъ.

(**) Почти тоже, что Королевской Прокуроръ въ Парижѣ.

„Зналась, что готовила его сама и одна.
 „Мышьякъ былъ подмѣшанъ въ пѣсто, но
 „сего яду не было положено ни въ молоко,
 „ни въ муку, потому что двѣ особы, въ-
 „шія домплинкъ безъ соуса, чувствовали
 „шуже самую боль. Г. Тёрнеръ увѣряеть,
 „что ни одинъ человекъ не входилъ въ по-
 „варню во все то время, когда готовился
 „обѣдъ. По чему злодѣяніе должно быть при-
 „писано одной только служанкѣ.“

„Рекордеръ поставилъ на видъ присяжнымъ,
 что по неслыханной нечувствительности,
 обвиняемая не подавала господамъ своимъ
 никакой помощи, когда они страдали отъ
 яда. Напрасно сія несчастная старалась до-
 казать, что она сама шерпѣла въ сіе вре-
 мя чрезмѣрную боль.

Адвокатъ обвиняемой ни мало не защи-
 щалъ ее, и казалось, находился тамъ толь-
 ко для обряда. Онъ оставилъ Палашу въ
 то время, когда Рекордеръ собирався гово-
 рить. Несчастливая Феннингъ, будучи бѣдна,
 безъ друзей, безъ покровителей, оставлен-
 ная на произволь судьбы своей, принуждена
 была сама протестовать о своей невинно-
 сти. „Я не сдѣлала того злодѣйства, въ ко-

*

„шоромъ меня обвиняють, повшоряла она,
 „я невинна; такъ точно, я невинна. Я лю-
 „била мое соспоянiе, моихъ господъ, и бы-
 „ла всегда ими очень довольна.“

„Наконецъ, обремененная возспавшими про-
 шивъ нее предубъжденiями, по крапко-
 временномъ разсужденiи, Элиза объявлена
 виновною и *Рекордеръ* произнесъ ей смер-
 шный приговоръ.

„Ощецъ Элизы, при первомъ извѣстiи о
 семь горешномъ происшесшви, прибылъ въ
 Лондонъ и явился въ судъ, чшобы защи-
 щашъ дочь свою; но ему опказали. Сей не-
 счасшливецъ находилса при осужденiи, онъ
 слышалъ ужасный приговоръ и судебная за-
 ла представила тогда самое плачевное зрѣ-
 лище. Обвиненная подняла глаза къ небу
 и вскричала: „Боже мой! помоги мнѣ: Ты зна-
 „ешь, чшо я невинна!“

„Вамъ извѣстно; продблжалъ мой прия-
 шель, усиливаясь скрыпъ свои слезы, чшо
 по нашимъ законамъ нельзя обвинишь въ
 смершоубiйствѣ, если не доказано, чшо
 оное учинено съ умысломъ. Прилично ли
 было *Рекордеру* ссылапсья на нечувспви-
 шельность обвиняемой къ болъзненному со-

споянію господь ея? Всякой здравомыслящій человекъ, слыша сію укоризну, долженъ былъ заключить, что обвиняемая одна изъ цѣлаго дома не чувствовала дѣйствіи яда: но донесеніе лѣкаря доказывало шому противное. Разсуждая о спраданіяхъ, кои сама она прешерпывала, какъ могъ судья сдѣлать ей шакой упрекъ? Феннингъ сполько мучилась опть боли, что она еще была нездорова 23 Марта, когда явилась предъ судьей. Самъ онъ, убѣдясь, что худое здоровье обвиняемой, претбовало еще о ней попеченій, прежде нежели далъ предписаніе задержашь ее, призвалъ шюремщика Брейдвельской шемницы, дабы узнать, есть ли у него комната для больной.

„Были ль выслушаны свидѣтели, могшіе присяжнымъ опкрыть истину, о шомъ я не знаю. Лѣкарь, который прежде всѣхъ предписалъ лѣкарства больнымъ, не былъ призванъ къ допросу. Семейство Тёрнеровъ, казалось, хотѣло скрыть въ своихъ объясненіяхъ имя сего чиновника, хотя опъ и явилъ имъ знаки своего усердія и опытноспи. Одинъ ли Гадсденъ, изъ всѣхъ писцовъ Г. Тёрнера, долженствовашь бытъ въ чис-

ль свидѣтелей?... Доказано ли, что никто не могъ подойти къ пѣсту въ отсутствіе Элизы? Сей дѣвушкѣ оставалось одно средство представить возможность сего, а именно доказать, что она принуждена была оплутиться изъ кухни. И дѣйствительно она утверждала, что 21 Марша, въ день оправленія, она вышла изъ сѣней, чтобы принять возъ угольевъ; она прибавила, что въ сіе время кто-нибудь могъ подойти къ очагу и подсыпашь порошокъ въ пѣсто. Такого было объясненіе обвиняемой; но Гжа. Тернеръ съ клятвою утверждала, что уголья были привезены не въ эшотъ день; другая служанка подтвердила слова своей госпожи.

„Элиза объявила при шомъ, что она долго занята была на дворѣ; что во все сіе время мука и дрожжи оставались не покрытыми въ кухнѣ. „Вошедши туда, прибавила она: я нашла тамъ одного писца, Томаса Кинга, и спрашивала, за чѣмъ онъ пришелъ?“

„Боже меня сохрани“ продолжала она рассказывая о семъ: „чтобы я вздумала обвинять Томаса Кинга: я только хотѣла

„показать, что можно было войти въ кухню, тогда какъ я шамъ не была.“ Одно это показаніе должно было бы заставить Рекордера допросить Томаса Кинга.

„Поведеніе сего чиновника во все продолженіе слѣдствія, было совсемъ не то, какое прилично судѣ, почищающему за счастье оправдать невиннаго, вмѣсто того, чшобъ осудить виновнаго. Въ семъ можно еще болѣе убѣдиться нѣкоторыми другими обстоятельствомами судопроизводства.

„Рекордеръ не захотѣлъ выслушать нѣкоторыхъ свидѣтелей; запретилъ отцу обвиняемой говорить передъ судилищемъ и опрашивалъ Г. Тёрнера оспъ засвидѣтельствованія прозбы, съ которою Элиза Феннингъ хотѣла прибѣгнуть къ милосердію Принца-Регенша.

„Но чшобы еще болѣе доказать его равнодушіе, то находясь около сего времени у Г. Тёрнера, онъ съ великимъ нетерпѣніемъ выслушалъ предложеніе одного Химика, который хотѣлъ его вразумить въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыми опытами надъ мышьякомъ.

„Отвѣтъ его на представленія одного изъ присяжныхъ, кошорой хотѣлъ выпре-

бовать опсрочки по дѣлу, не менѣе до-
споишь замѣчанія.

„Удивляюсь, говорилъ онъ, что одинъ
„человѣкъ споль много о себѣ думаетъ, мнѣ-
„ніе свое прошивуполагая мнѣнію 12 при-
„сяжныхъ и двухъ или трехъ судей? При-
„чина, по кошорой принимаютъ споль жи-
„вое учасшіе въ судьбѣ обвиняемой, продол-
„жалъ онъ, происходитъ опъ того только,
„что Феннингъ пригожая дѣвушка; что до
„меня касаешся, то я споль твердо увѣренъ
„о виновности Элизы, что не вижу ника-
„кой возможности къ опсрочкѣ казни.“

„Изъ всѣхъ спараній въ пользу осужден-
ной у Канцлера, не должно позабышь подро-
бностей, сообщенныхъ помощнику Спашсъ-
Секретаря, въ опсущствіе сего чиновника,
Г. Гибсономъ, при чемъ были Гг. I. Б.
Шарпъ, Отль, Блишвейтъ и Эбердауръ. Вы-
слушавъ дѣло опъ Г. Гибсона, Г. Бекейпъ
сказалъ ему, что справедливость пребуешь,
дабы онъ въ шопъ же вечеръ явился у
Рекордера; прощаясь, они согласились при-
нять съ собою въ соучасіе еще одно
лице. Въ 8 часовъ и дѣйствительно Гг. Гиб-
сонъ и I. Б. Шарпъ явились въ домъ сего

судьи, куда Г. Беквейшъ прибылъ еще прежде ихъ. Вошъ, слово въ слово, и объясненіе, сдѣланное *Рекордеру* Г. Гибсономъ:

„Въ концѣ Сенсября или Окпября мѣсяца, сколько могу вспомнишь, молодой Тёрнеръ былъ у меня въ домѣ и намъ показалось, что онъ мѣшаешь въ умѣ. Видя, что мысли его въ безпорядкѣ, я просилъ его войти въ особую комнашу, служащую вмѣсто конторы, и старался его тамъ задержать до тѣхъ поръ, пока нѣкто другой изъ нашего семейства успѣлъ сходить въ домъ къ Г. Тёрнеру, отцу. Во все это время, молодой Тёрнеръ не переспавалъ сумазбродить и говорилъ слова, приличныя только бѣшеному. Любезный Гибсонъ, говорилъ онъ: ради Бога не покидайте меня, и не оставляйте на свободѣ: въ противномъ случаѣ я сдѣлаю какое-нибудь злодѣяніе; *я умерщвлю и себя и жену мою*. Я долженъ прекрашнить свою жизнь и ея; долженъ—и сдѣлаю, развѣ только у меня опнимутъ къ шому средства. Для сего-то, любезный другъ, держите меня крѣпко: во мнѣ есть нѣчто такое, что преодолѣваете разумъ и говоришь мнѣ, будущобы

„я долженъ это сдѣлать. Да, я сдѣлаю, если не возьмушь предосторожностей.“— Г. Гибсонъ увѣрялъ Рекордера, что очевидный свидѣтель могъ подтвердить, такъ какъ и онъ, справедливость этого страннаго случая и наспоэль о необходимости опсрочки; Рекордеръ выслушалъ все это,—и чрезъ 12 часовъ послѣ сего объявленія Элиза Феннингъ была казнена. . . .

„Съ самаго того часа, когда сія несчастная была взята подъ спражу до послѣдней минушы ея жизни, она безпрестанно утверждала свою невинность въ томъ преступленіи, въ коемъ ее обвиняли. Въ прозвѣ, кошорую она подала на имя Принца-Регента, испрашивая помилованія, Элиза въ концѣ изьяснялась такъ: „Просительница жля-
„нешя всѣмъ что есть свято, что не
„можетъ принести никакого признанія въ
„томъ дѣлѣ, въ коемъ ее обвиняють, она
„совершенно непричастна тому злодѣйству,
„ву, за кошорое ее осудили.“

„Въ прозвѣ, поданной верховному Канцлеру Великобританіи, она выражалась слѣдующимъ образомъ: „Призываю во свидѣтели Бога и людей, что я невинна въ томъ

„преступленіи, въ кошоромъ меня обвиня-
 „юшь, хошя мнѣ ни коимъ образомъ невоз-
 „можно доказать мою правошу.“

„Когда она увидѣла (21 Іюля) свое имя
 въ роковомъ спискѣ шѣхъ, кои должны бы-
 ли итти на казнь, шо сей ударъ приняла
 съ швердосшію. 26 числа шогожъ мѣсяца,
 она писала къ опцу своему и брашьямъ, что
 она будешъ *залучена*. Духовникъ уговари-
 валь ее просишь шѣмъ, кошорые на нее
 доносили: „Я все имъ прощаю, опивчада
 „Әлиза, кромѣ безславія, кошорое они на-
 „влекли моему доброму имени.“

„Наканунѣ казни она чипала и молилась
 опъ 4 часовъ вечера до 8; въ 9 она легла
 спать. Кшо-шо изъявилъ желаніе видѣшь ее;
 шогда шюремщикъ нашель ее спящую крѣп-
 кимъ сномъ: она проснулась уже въ 4 часа
 поушру. Когда она одѣлась, шо замѣшили,
 что она безъ замѣшашельспива раздавала
 всѣмъ женщинамъ, ее окружавшимъ, по пуч-
 ку волосъ своихъ, дабы оспавишь имъ по
 себѣ воспоминаніе. Священникъ, по пригла-
 нію Шерифовъ, пришедши къ ней нашель,
 что она была совершенно спокойна: другъ
 ея, кошорой съ 6 часовъ былъ уже у нее

ушѣшая и подкрѣпляя духъ ея въ сіи послѣднія минушы, заспаль ея гораздо печальнѣе. Она сидѣла на скамѣ, облокотясь на столъ. Сей другъ чпсаль ей мѣста изъ Библии до 7 часовъ. Казалось, смященіе въ ней усиливалось; она произнесла слабымъ голосомъ: „шо, что во кругъ меня происходитъ, „кажешся мнѣ сновидѣніемъ.“

„Другъ ея вышелъ на короткое время; тогда она надѣла на себя плашье, въ которое должна была итти на казнь. Когда онъ возвратился, шо они снова молились. Элиза Феннингъ молилась съ шеплою вѣрою, сложа руки и возведши глаза свои къ небу. „Продолжай молишву, сказала она „другу: а я сама почти не могу говорить. „Однакожь я присоединяюсь сердцемъ къ „швоей молитвѣ.“ Спустия нѣсколько минушъ, копорыя она провела, углубясь въ размышленія, она сказала: „я оставляю жизнь „безъ сожалѣнія; но горестно умирашь безъ „винно и въ шакихъ молодыхъ лѣтахъ.“

„Она еще молилась, когда палачъ зашпучаль у двери. „Гешовъ ли ты? спросила у него несчастная, улыбаясь.“ Когда онъ отошелъ, шо Элиза отворила окно и прещалъ

лась съ заключенницами, находившимися также близъ оконъ, посылая къ нимъ поцѣлуи. Скоро послѣ того Природа ее преодолѣла, но швердосць ея почти тогдаже возвратилась. Самой видъ смященія изгладился, и бодросць не оставила ее даже и въ ту минуту, когда, палачъ связалъ ей руки. Ни одна слеза не выкапсилась изъ глазъ ея, не замѣтно было ни самаго легкаго пренебреженія губъ, ни малѣйшей переменъ въ лицѣ.

„Темничный Капелланъ подошелъ тогда къ ней, говоря: „заклинаю тебя именемъ Все-могущаго Бога, предъ Коего ты скоро „предстанешь, объявишь все то, что тебѣ „известно о злодѣяннн, за которое ты при-„мешь казнь.“ Вяшнымъ, свободнымъ голосомъ она отвѣчала: „Какъ предъ Богомъ „скажу: я умираю безвинно.“

„Она взошла потомъ съ бодростію на эшафотъ. Походка ея была скоро, но безъ шоропливости. Когда Священникъ оставилъ ее, чтобы напуститьговать другихъ осужденныхъ, то ее снова спрашивали дружескимъ прогающимъ голосомъ, признаться въ преступленнн, если она подлинно виновна. Я *невинна!* отвѣчала она съ удивительною си-

лою чувства. Палачъ примѣривалъ на ея голову многіе колпаки, кои всѣ были не въ пору. Чшобы поправишь сію неудачу, онъ прибѣгнулъ къ кисейному шейному плашку; но примѣня, что и шопъ не годится, вынулъ изъ кармана носовой платокъ, коего видъ произвелъ въ Элизѣ ошвращеніе. „Сдѣлай одолженіе, не закрывай меня этимъ „платкомъ“,“ сказала она. Она заклинала священника испросить ей сію милоспъ: но должно было сообразоваться обыкновенію. Помоспъ упалъ почши въ шопе мгновеніе; она подняла руки, кошорыя вслѣдъ за тѣмъ опустились—и умерла.

„Тѣло дѣвицы Феннингъ ошдано ея опцу; но несчастный спарець не прежде получилъ его, какъ заплащя 14½ шиллинговъ, кои принужденъ былъ занящъ. Трупъ лежалъ нѣсколько дней въ домѣ его и былъ пошомъ погребенъ 31 Іюля на кладбищѣ *Св. великомученика Георгія*. Замѣчено, что великая шолпа народа спеклась на сіе погребеніе.

„О, да не будетъ сія дѣвица, заключилъ мой шоварищъ, служишь нѣкогда предметомъ

сравненія съ извѣстною и несчастною Палезосскою служанкой.“ —

Мы вышли изъ Нью-Геша, будучи погружены въ печальныя и мрачныя размышленія.

О. Соловб.

ВИДѢНІЕ (*).

Теперь, Софія, буду я говорить съ вами
о сей жидкости прозрачной и движимой,
которая служишь покровомъ для Наядь,
зеркаломъ для пастушекъ, и изъ среды ко-
шорой удивленный Олимпъ видѣлъ рожденіе
и улыбку Богини любви.

Нѣшь! вскрикнулъ Бахуса любимецъ раздра-
женный,
Нѣшь! съ Епикуромъ пы ищи не можешь въ
рядъ,

Когда воспоргомъ упоенный,
Ты хочешь воспѣвать и воду и Наядь.
Уже проложенъ путь счастливыми умами:
Сей дерзоспный куплешь—владыка и законъ
Надъ Франціей самой, надъ смѣхами, играми,
Фалернской влагою счастливымъ былъ вну-
шонь—
И восплескала Олимпъ съ веселыми Богами.

(*) Изъ *Lettres à Sophie sur les Physique, le Chi-
mie* и проч. Paris. 1818.

Не мнишь ли, авторъ молодой,
 Что приучивъ къ себѣ крылапаго Пегаса,
 Расинъ и Буало на вышины Парнаса,
 Спремились съ славою за каплей водяной?
 Ахъ! не изсякнулъ бы источникъ Инокреи,
 Когдабъ его водой наполнила судьба:
 Небесныя струи, коль ими осушены,
 Друзья! мы въ свой чередъ осушимъ погрѣба!
 Да Вакховымъ огнемъ нашъ духъ воспламенился
 И мы высокое возможемъ написаць:
 Есть множество путей за славою спремисься.
 Еще веселіе ты можешь воспѣвать,
 И въ храмъ памяни попомшвомъ помѣщен-
 ный,
 Прославишь ты вино и власть любви священ-
 ной.

Я въ пишинѣ писалъ къ вамъ, какъ вдругъ
 услышалъ сію прекрасную рѣчь. Каково бы-
 ло мое удивленіе, когда обратившись шуда,
 откуда достигали до меня сіи мудрые до-
 воды, я узналъ — какъ мнѣ казалось — шѣни
Шолье, Лафара, Бертеня, Боннара, након-
 ецъ всѣхъ любезныхъ собесѣдниковъ храма
 и *Феланкура*. Шапелль былъ передъ нимъ,

Шапелль, сей сладостный пѣвецъ,
 И путешествія прелестнаго шворецъ,
 Ч. XII. Кн. X.

Въ которомъ написалъ онъ, съ сердцемъ опкоро-
веннымъ,
Любовь свою къ вину и къ явствамъ утончен-
нымъ.

Зрѣлъ рдяную я пѣнь пѣвца передъ собой,
Одушевленную виномъ и наслажденьемъ:
Въ рукахъ она еще держала кубокъ свой,
Смотря на пѣнь его съ привѣснымъ восхи-
щеньемъ.

Вы повѣрите, что я не могъ быть спо-
коенъ среди сихъ любезныхъ мерпивоцовъ;
Я призывалъ ихъ неоднократно и всегда
щещно: шеперь мое удивленіе равнялось
замѣшательству; пришедъ нѣсколько въ се-
бя, я имъ сказала:

Вы, прославлявшіе блаженство и Нинону,
О пѣни легкія, веселія жрецы!
Когда изъ областей, подверженныхъ Плутиону,
Бесѣдовашь пришли со мной, какъ мудрецы,
И философіей пѣнясья возвышенной,
Прошу садиться васъ, и будемъ разсуждать.
Когдажъ насыпитесь Амброзіей священной,
Прелестный Вакховъ сокъ васъ можетъ усла-
дить;

Коль не забыди вы пѣ легки пѣснопѣнья,
Въ которыхъ насъ любви и нѣгѣ наслажденья
И философіи спарались научить —
О добрые друзья! садитесь, будемъ пить.

При сихъ словахъ тѣни улыбнулись, размѣ-
стились на полкахъ моей библіотеки, и я
услышала Шапелля, который повсюдуемыми
риемами говорилъ слѣдующее:

Досель на нашихъ берегахъ,
Чтобъ сократишь часовъ печенье,
Гуляли тѣни на лугахъ:
Тамъ въ радости и восхищенъ
Любители вина въ ладахъ
Съ весельчаками — въ наслажденъ
Мѣшались въ радостныхъ толпахъ.
Прелестники—супруговъ страхъ—
Съ красавицами въ упоенъ
Рѣзвились въ рощахъ и садахъ.
Но тѣни мудрецовъ — въ мечтахъ,
Весельчакамъ явя презрѣнье,
Съ Героями въ густыхъ лѣсахъ
Сидѣли въ мирномъ опдаленъ,
Гдѣ славословили въ спихахъ
Творца незримаго творенье,
Который душу вдунуль въ прахъ
И красоваться даль велѣнье
Свѣшину въ огненныхъ лучахъ.
Теперь — благое превращенье!
Такъ новы дни для насъ блестятъ:
Окончивъ жизни сей печенье,
Къ намъ тѣни мудрецовъ лешатъ
По горькой влагѣ Ахерона;

*

Онѣ насъ просвѣпишь спѣшащѣ.
 Всѣ разсуждають у Плутона:
 Науки головы кружатъ.
 Всѣ — прелестъ своего закона,
 Какъ на земли у васъ гласящѣ.
 И легка мѣнь Анакреона,
 Которую къ себѣ манящѣ
 Венера и Амуръ — для шона
 Постигла всѣхъ открытій рядъ
 Лавуазьера и Невтона.
 Науки знаніемъ дарящѣ
 Шолье, Лафара, Гамильтона,
 И Сентъ-Олера, Бошомона.
 Пѣвцы любезные ягнящѣ,
 На злчныхъ берегахъ Линьона
 Воспѣвшіе въ веселый ладъ,
 Подъ руководствомъ Апполона,
 Журчанье водъ и ропощъ снадъ,
 Забывъ свирѣль, полей нарядъ
 Въ подземномъ царствѣ у Плутона,
 Себя соперниками чтящѣ
 Натуры, мудрыхъ и Бюффона.

Такъ, на подземныхъ берегахъ,
 Шумящимъ Спиксомъ окруженныхъ,
 Проходишь время не въ играхъ,
 Но въ разсужденіяхъ ученыхъ
 О радостныхъ блаженства дняхъ.
 Мой другъ, шы эрль и въ сихъ спранахъ

Нась Философіей прельщенныхъ,
 Спрямлящихъ умомъ блиспаць.
 И пакъ, въ сообществѣ съ пѣвцами,
 Коль хочешь ихъ ты угощать,
 Прошу пофилософствуй съ нами.

Во время сей длинной рѣчи Шапелля,
 множество различныхъ мыслей представля-
 лись моему разсудку; я говорилъ самъ себѣ:

По истинѣ меня Шапелль сей удивляетъ!
 Къ Плутому перейдя, онъ спалъ совсемъ дру-
 гой:

Поэзія его ученостью блистаетъ;
 Теперь въ своихъ стихахъ, внутреннихъ про-
 спотой,

Онъ мыслить, болѣе и даже разсуждаетъ.

Но какъ случился съ нимъ такой переворотъ?
 Бышь можешь, что мудрецъ, наукой просвѣщен-
 ной,

Въ подземную страну судьбою пренесенной,
 Чтобъ свѣтомъ озарить Плутоновъ весь на-
 родъ,

Блеснуть предъ нимъ лучемъ разсудка поста-
 рался

И доброй-нашъ Шапелль съ веселостью раз-
 спался.

Я долго бы еще разсуждалъ о сей фи-
 лософической революціи, если бы одинъ

изъ сихъ господъ не приказаль мнѣ, говоря симмешприческими гекзамешпрами, кошорые, какъ вы знаете, теперь очень въ модѣ — оправдашься въ желаніи прославляшь воду; ибо философія не умѣла уничтожишь привязанности ихъ къ Бахусу. Разсуждай, сказалъ Шапелль, разсуждай; наиболѣе спарайся бышь глубокомысленнымъ: если тебя не поймушь, то будушь тебѣ удивляшься. Я видѣль, что надлежало говоришь непремѣнно, и пошому я вышняулся, выпрямился немного, чшобъ приняшь положеніе подъ угломъ девяноста градусовъ, кошорой, по увѣренію Стерна, есть уголь хорошихъ Орапоровъ — и мы начали слѣдующій разговоръ:

Я.

„Господа духи.“

„Живя въ вѣкѣ, въ кошоромъ ничему не вѣряшь, вы меня принуждаеше почши вѣришь явленію мершвецовъ и вся глубокая ученость легкихъ пѣней вашихъ не спасешъ насъ ошъ насмѣшки. Вы не можете себѣ даже вообразить, сколько будушь надо мною смѣяться, если я объявлю, что имѣль ученый разговоръ съ духами; ибо въ семь мѣрѣ

Всѣ думаютъ, что вы въ жилищѣ у Плутона
Гремите въ роскошныхъ спихахъ
Хвалу красавицамъ возвышеннаго шона
И славите обѣдъ на роскошныхъ пирахъ.

Но поелику я вижу въ васъ моихъ судей, то и постараюсь изложить передъ вами мнѣнія, которыя ученые и народы имѣли о водѣ и наиболѣе изобразить по попеченію, съ которымъ Нашура распространила ее по вселенной.

Вспомните сихъ обворожительныхъ Грековъ, которые превращали въ Боговъ рѣки и ручьи, и для изображенія одною мыслию, что вода есть источникъ изобилія и удовольствій, они представили рожденіе Венеры, Богини, въ нѣдрѣ лазурныхъ морей.“

Шапель.

Прелестная Аллегорія!

Я.

Нашура, кажется, подтверждаетъ ее шѣмъ попеченіемъ, съ которымъ она распространила воды по земному шару. Но, вы скажете, что есть цѣлыя страны, неорошаемыя никогда дождемъ.—И шамъ-по дѣйствительно предусмотрительность Нашуры блистаетъ во всей своей славы! Или она

проводитъ ежегодно въ сихъ странахъ рѣку, которая выступаетъ изъ береговъ, покрываетъ поля и удобряетъ ихъ, какъ на примѣръ Нигеръ въ Африкѣ (*), Инопъ въ Делосъ (**), Мидоній въ Месопотаміи (***), и Ниль въ Египтѣ, или оно возвышаетъ горы, коихъ вершины привлекаютъ пары Океана и превращаютъ ихъ въ быстрыя рѣки.

Какое множество было бы бесплодныхъ и необитаемыхъ острововъ, если бы Натура не помѣстила, на оныхъ высокихъ горъ, съ коихъ несетъ вода, оплодотворяющая долины. Таковъ есть островъ Сциросъ, котораго земля столь возвышена, что она привлекаетъ пары, ее прохлаждающіе; таковъ маленькой островъ Невисъ, въ срединѣ котораго находится гора, покрытая лѣсомъ, всегда окруженнымъ облаками; таковы также острова Сосной въ Америкѣ, и Тине въ Архипелагѣ; сей

(*) *Marinoli Africa*, том. 1, p. 53, lib. 1, cap. 17.
См. также de l'Existence de Dieu de Nieuwentyt.

(**) *Ezechiel spanhemius ad Callimacum*, p. 247.
См. также de l'Exist. de Dieu de Nieuwentyt.

(***) *Idem ad Juliani orationem* 1, p. 109. id.

послѣдній весьма плодороденъ; на немъ древніе помѣстили пещеры Эола, по причинѣ Сѣверныхъ вѣтровъ, вѣчно ударяющихъ въ каменистые его утесы.

Но и путешественникъ, блуждающій по пустынямъ Нубіи, наслаждается благодареніями Провидѣнія. Тамъ скалы возносятся изъ песчаного моря, и образуютъ, какъ бы дѣйствіемъ чародѣйства, доно для озера, окруженнаго зеленью. Однако теплота скоро бы испарила воды сего озера, если бы на полуденномъ берегу оного, не возвышалась скала зеленого мрамора, защищающая воды отъ солнечныхъ лучей и покрывающая ихъ вѣчною своею тѣнью. Каждый годъ, для одушевленія сихъ пустынныхъ странъ, Нашура приводитъ туда великое множество водяныхъ птицъ, проводящихъ здѣсь жизнь свою, далеко отъ сѣней чловѣка и опасней бури.

Бертень.

Для украшенія сихъ картинъ, по чему не присоедилишь ты къ нимъ нѣсколькихъ сценъ пастушескихъ и Пашріархальныхъ? Говоря о ручьѣ, вспомни Княжну Навзикаю, идущуюмышь въ немъ свою шюнику и по-

крывало; еслиже хочешь описать испоч-
никъ, по помѣши подлѣ него дѣвъ Иудей-
скихъ, подающихъ кружки свои пущешес-
веннику и вельблюду пущынному.

Тогдабъ изобразилъ ты въ сладосныхъ спи-
хахъ
И нравы чистые, блаженныхъ дней минувшихъ,
И сихъ Еврейскихъ дѣвъ, невинностью цвѣ-
щихъ,
Которыхъ Иорданъ зрѣлъ на своихъ брѣгахъ,
Шумящею толпой въ веселости бѣгущихъ.
Или когда онѣ подъ чуждой свѣту кровь,
Въ уныніи души и сладкой думы полны,
Смотря, какъ въ берега уныды плещущъ волны,
Спѣшили юныя питать свою любовь.
Иль описалъ бы ты пастушку молодую,
Которая вблизи обитали отцевъ,
Какъ солнце протечетъ окружность голубую,
Въ мечтѣ таинственной вела спада съ луговъ
По бархатнымъ брѣгамъ рѣки уединенной.
И шопощъ быстрыхъ волнъ и легкій шумъ цвѣ-
шовъ,
Въ которыхъ прячется зефировъ рой влюблен-
ной,
Все къ меланхоліи прелестную манишь
И сердце юное любовію поминь.
И наше счастье оно златой порою
Не начинаешь ли отрадную мечпою?

Я.

По счастью, Р. Бергъенъ, мой *Каковуглянецъ* преимущественнѣе вашей Навзикаи.

Шапельль.

Каковуглянцы! это, безъ сомнѣнія, дикіе! о, философы ихъ очень любящъ!

Я.

Нѣтъ, это жилиши одной деревни на островѣ Цишерѣ (*). Въ сей деревнѣ нѣтъ испочниковъ и ихъ замѣняющъ памъ водоемами, копорыхъ воду уважающъ сполько же, сколько вы нѣкогда уважали вина Тосканы и Ам. Если Каковуглянецъ женился, то прежде всего должень онъ отыскашь водоемъ; ибо вода есть драгоцѣнный подарокъ, копорый онъ можешъ предложить своей возлюбленной.

Шапельль.

Каковуглянцы не нашли бы себѣ нѣвестъ во Франціи.

Я.

Кто болѣе угощаетъ водою на брачномъ пиршесствѣ, шопъ почиаетъ богашѣйшимъ. Сія распочительность производить

(*) Нынѣ Цериго.

ропощь; онь распроспраняешся по деревнѣ; шогда начинаюшся рассказы, злословіе, и распочившю предвѣщаюшъ разореніе; а молодя дѣвицы завидуюшъ судьбѣ новобрачной, сподь хорошо угоспившей гостей своихъ (*).

Шолье.

О, Ципера! вошь до чего дожили веселые твои обшатели!

Я.

Свѣжешъ воды имѣешъ шакую прелесть для нѣкоторыхъ народовъ, чю жишели *Куманы* собираюшся вечеромъ не для прогулокъ, а для купанья. Мушны и женщины лучшаго общесшва, имѣюшъ особенное мѣсто для своихъ собраній; шамъ говорашъ о модѣ, о полипикѣ и о другихъ важныхъ беадѣлкахъ; шамъ однихъ превозносляшъ, другихъ уничижаюшъ: и сія зала общаго собранія ешъ купадня въ рѣкѣ (**). Кажешся, што юныя красавицы Куманскія были внушены сими чешырьмя спшхами, одного изъ

(*) Voyage historique et litteraire dans les iles des possessions Vénitienne du Levant, par Grasset Saint Janveur, tom 3, p. 379.

(**) Гумбольда Voyage dans les terres equinoxiales du continent de l'Amérique, tom. 1.

шѣхъ прелестныхъ умовъ кошорый удостоиваетъ теперь вниманъ мнѣ, написанными вѣкогда къ испочнику Фонпенеискому:

Grotte d'où sort ce, claire ruisseau,
De mousse et de fleurs tapissée,
N'entretien jamais ma pensée
Que du murmure de ton eau.

При сихъ словахъ Шолье улыбнулся; Шапельъ взглянулъ на свой кубокъ, а я продолжалъ:

Разсмапривали ли вы когда нибудь землю съ высошь Емпирея?

Шолье.

Безъ сомнѣнiя; она естъ населенный шаръ не много ожаный у своихъ полюсовъ, текущій по проспранспву и обращающійся съ быспрошою около солнца, представляя ему, попеременно, обѣ свои ошороны, кошорыя оно покрываетъ свѣдомъ.

Земля естъ шочка во вселенной,
На коей человекъ родится и умреть,
Но гдѣ онъ, опершись ка гробъ уединенной,
Свое безмертье познаеть.

Въ семъ мiрѣ человекъ несчастіемъ поминся.
Нисходишь медленно къ могилѣ роковой,

Но гдѣ, чѣмъ смерть забыть, перзаемый по-
ской,

Лучемъ надежды веселимся.

Въ семь мѣръ радости привѣпъ

На быстрыхъ крыльяхъ улетаешь,

Чертогъ на хижину мѣняешь

И съ избыткомъ не живешь.

Въ семь мѣръ, гдѣ мудрецъ, на все зрѣть окомъ
смѣлымъ.

Съ спокойствіемъ въ душѣ проводишь мирны
дни,

Сидя въ безопасности древесъ густыхъ въ тѣни

Въ ряду съ Амурами и съ Бахусомъ веселымъ.

Я.

Наши философы видѣли все сіе, не имѣя
надобности возноситься вверхъ на обла-
кахъ. Но не примѣтили ли вы чегонибудь
болѣе?

Шолье.

Всѣ глупости людей. Долго было бы го-
ворить о семъ.— Я тебѣ не скажу ничего
болѣе, если ты держишься Кеплера и нѣко-
шорыхъ новѣйшихъ ученыхъ, (*) кошорые

(*) См. Сочиненіе: *Ключъ къ явленіямъ Натуры*.

Также Кампанеллы de sensu rerum, сочине-
ніе, въ коемъ сей философъ говоритъ, что
мѣръ есть животное: руки его—суть лучи

думающъ, что мiръ сей есть живошное, идущее по небу большими шагами. Пифагоръ тебѣ скажешь, что сіе живошное знаешь совершенно музыку и что его движенія производящъ мелодическій концертъ.

Я.

Ахъ! если бы я могъ, подобно вамъ, възсѣдаль на облачномъ тронѣ, и разсмаширивать съ него землю, съ какимъ бы удовольствіемъ, описаль я удивленнымъ смерпнымъ сей шаръ, висящій въ воздухѣ, около коего спруагся со всѣхъ споронъ и по всѣмъ направленіямъ, глубокія моря, быспрыя рѣки и прохладнѣе источники. Онѣ предспавились бы мнѣ подобно сребристымъ полосамъ, облегающимъ землю и образующимъ прелеспныя излучины. И какимъ новымъ восшоргомъ не была бы объапа душа моя, опкрывающая мудроспъ Напуры въ раздѣленіи водъ? Земля орошаемая, оплодшворяемая и красующаяся ими, есть прекрасное зрѣлище. Я показаль бы моря сѣверныя въ равновѣсіи съ южными; море Апланшическое съ мо-

---

свѣта, изъ него исходящія; ноги—атмосфера планешъ; а глаза—звѣзды небесныя.

ремь Тихимь, океань раздѣляющій міры и
омывающій берега ихъ; наконецъ цѣпи горъ
расположенныя съ такою премудростію, что
рѣки, испортонающіяся изъ нѣдръ оныхъ, оро-
шаютъ всѣ почки земнаго шара, и оплодо-
творяющъ берега, омывая ихъ своими вол-
нами.

Шапель.

Другъ! хвалю я рѣчь твою.
Но не вижу я нимало,
Чтобъ прославилъ надлежало
Водъ безвкусную спрую.
Если чашу круговую
Можно Кипрскимъ наполнять,
То оставь волну злую
По долинамъ пробѣгать.
Вогъ рѣки пусть воссѣдаетъ
На скамьѣ изъ прорубника,
Пусть свой слухъ онъ восхищаетъ
Какъ шумя бѣжитъ рѣка;
Но чело вънцемъ плещевымъ,
Увѣнчавъ, мы поспѣшимъ,
Оживясь восторгомъ новымъ,
Цѣнь съ весельемъ молодымъ
Вакха съ чашей ликованья
И любви златой мечту,
На безсмертнѣе упованье
И пашушки красоту.

Я.

Какъ Г. Шапелль! ужели вы забываете науку для того, чптобы снова возврашиться къ удовольствію? Дѣйствительно, вы въ полной мѣрѣ можете назваться Философомъ, прошивурѣча себѣ каждую минушу. Но что я говорю? Науки сдѣлали шакіе успѣхи въ другомъ мѣрѣ, что я имѣю право надѣяться всего ошъ вашихъ пѣней. Удостойте внимашь: мнѣ ошалося шолько изобразить вамъ прелестныя карпины. Я опишу вамъ сіе безпредѣльное зеркало водъ, въ коихъ напура, древа, горы, самое солнце изображающся во всемъ ихъ величіи; и чптобъ погрузишъ васъ въ сладкую мечшу, я приведу вамъ на памлп сіи часы ночи, въ копорые меланхолическая луна слѣдуешъ по водамъ за пушешешвенникомъ, въ шипинѣ идущимъ по берегу.

Шолье.

Когда появишся луна,
 Романсы шрубадуръ бряцаешъ,
 И сладкая повсюду шипина
 Восшоргомъ душу наполняешъ.

И древнихъ рыцарей пѣвецъ
 О славѣ храбрыхъ воспѣваешъ,

И тихая любовь сердце
Мечтой его лилаешь.

Но мѣсяцъ капится въ рѣку,
Чело свое за холмъ скрываетъ;
И спящій замокъ на берегу
Его лучъ блѣдный отражаетъ.
Быть можешь въ башнѣ сей, въ пустынныхъ
сихъ мѣстахъ,
Въ безмолвьи спража наблюдаетъ,
И одинокая красавица въ слезахъ
Пѣвцу любви съ поскою внимаешь.

Ты видишь, что я самъ помогаю тебѣ. Но
мнѣ кажешся, что тынъ Шапелля заснула.

Я.

Ахъ! если бы у мертвыхъ водилось так-
же какъ у живыхъ, у которыхъ сполить
только усыпить судью, чтобы выиграть свое
дѣло, то я бы увѣренъ былъ въ моей по-
бѣдѣ. За чѣмъ не могу я погрузить его еще
въ гораздо глубочайшій сонъ при шумѣ волнъ?
Тогда описалъ бы я вамъ обворожительныя
мѣста, исполняющія жизнь и движеніемъ бере-
га рѣкъ и источниковъ, освѣляемыхъ ивами и
площинами восточными. Тамъ черезъ кустар-
ники удивленному взору представляется са-
новидный лебедь, съ серебристыми перьями,

между тѣмъ на берегу Кишайскій павлинь
красуется ослѣпительнымъ хвостомъ сво-
имъ и соловей мелодическимъ голосомъ про-
славляетъ напуру и любовь.

Тамъ посреди полей, цвѣтущихъ красотою,
Воспѣлибъ вы свои любовныя шворенья;

И увлеченные мечпой

Отъ сладкаго воды волненья,

Вы съ чистою душой,

Сидѣлибъ на берегу подъ шрепешною ивой,

Не зная горести оковъ,

И жизнь бы потекла въ безопасности счастливой,

Какъ волны вашихъ ручейковъ.

При сихъ словахъ тѣнь Шапелля сдѣла-
ла движеніе, пробудилась и спросила, гдѣ
мы путешествуемъ? Въ Кишайскихъ чер-
шоггахъ опвѣчалъ я.

Вообразите себѣ множество прозрач-
ныхъ палашь, сооруженныхъ подъ водами
озера или рѣки. Посреди волнуемыхъ водъ,
кашящихся по кристальнымъ куполамъ сихъ
чершогговъ, являюшся, какъ бы по очарова-
нію, флоты разноцвѣсныхъ ушокъ (*zarcelles*)
чернаго, бѣлаго и желшаго цвѣша и спшадъ
рыбъ, коихъ чешуя сѣрая и золошая, пурпуро-
вая и голубая (*), отражаетъ всѣ цвѣшы ра-

(*) Отець Ашире, *Lettres, édifiantes*, tom. 27.

*

дуги. Лучи солнца, горящіе надъ волнами, погасаютъ мало по малу, проходя проспранную глубину водъ и достигая сихъ чершгоговъ, разливаютъ въ нихъ шолько свѣтъ, подобный свѣту луны. Тамъ все восхищаетъ чувства, и обворожаетъ воображеніе посреди садовъ, проспирающихся подъ сими кристалльными сводами; между кушовъ ясмина и розы, павлинь расширяетъ блестящее свое украшеніе и колибри, ошдѣляясь ошъ сшебля горшензіи, кажешся одушевленнымъ цвѣшкомъ, между шѣмъ какъ зеркальная пшица ошражаетъ, на своихъ серебряныхъ крыльяхъ, всѣ разнообразныя каршины ее окружающія. Иногда душистыя водомешы возносятся въ воздухъ; кошорой онѣ наполняютъ благоуханіемъ, вдругъ низвергаются и исчезаютъ подъ дерномъ, откуда по временамъ слышится сладостная гармонія, при ропшѣ водъ, кошорая мѣшается съ пѣніемъ пшиць и молодыхъ красавиць, блуждающихъ въ сихъ садахъ. Таково жилище богатыхъ Мандариновъ во время дневнаго жара; жилище, кошорое было бы достойно шѣней вашихъ, еслибы поля Елисейскія могли согласишсья

удивительныя дѣла, въ которыхъ и вы должны принять участіе. Тѣнь одного ученаго, избѣжавшая ничтожества, явилась вчера въ Елисейскихъ поляхъ: она сообщила Анакреону прекрасное открытіе разложенія воды посредствомъ гальванической машины. Анакреонъ увѣдомилъ о семъ друзей своихъ. При сей новости они одушевились радостію, и всѣ поклялись не оставить ни одной капли воды въ адѣ. Ариспиппъ ими повелѣваетъ; онъ возбуждаетъ и ободряетъ ихъ; уже цинкъ и серебро сложенное съ влажною бумагою, возвыщающія со всѣхъ сторонъ, подобно неизмѣримымъ колоннамъ. Тѣни, любители новостей, собрались на берегахъ Стикса присушествовать при семъ опытѣ; крики радости и восторга разносясь по сводамъ ада: это насмѣющее возмущеніе, и если Плутонъ не возьметъ свои мѣры, то скоро не будетъ ни одной капли воды въ его владѣніяхъ. Анакреонъ дерзаетъ еще болѣе: посредствомъ горячаго газа, происходящаго отъ разложенія воды, онъ угрожаетъ похищать всѣ тѣни на воздушныхъ шарахъ, и тогда худо вамъ будетъ на земли.

Коль всякой унесеть съ собой свое творенье,
То ваши авторы новѣйшихъ сихъ временъ

Придушъ въ изнеможенъе.

И вы, свидѣтели сихъ грозныхъ переменъ,

Увидите уничтоженъе

Твореній славимыхъ и авторовъ именъ.

Опасность близка, вскричалъ я! Ахъ! изъ милосши, именемъ всѣхъ поэтовъ наспоющихся и будущихъ, поспѣшите предупредишь сей переворотъ; на колѣняхъ умоляю васъ....

Я говорилъ еще, пѣсни исчезли, и я находился одинъ передъ бюстами Шолье и Ниноны, съ сочиненіемъ Шапелля въ рукахъ; мой разумъ былъ споль возмущенъ, что я не могу сказать вамъ, на яву или во снѣ все сіе случилось со мною. Помню шолько что Бершенъ; удаляясь сказалъ мнѣ:

Я былъ любимецъ Музы и Грацій неразлучныхъ.

Коль хочешь путь свершать ты по моимъ слѣдамъ,

Подобно мнѣ воспой грядущимъ временамъ

Любовь и красоту въ стихахъ и пѣсняхъ звучныхъ.

Но Бога дня ты не зови,

Чтобъ пѣшь величіе героя

Хоть лира прозвучитъ громъ яростнаго боя,
 Но сердце повлечетъ къ помлению любви.
 Кто зрѣлъ царя боговъ здашную колесницу,
 Влекомую полпой крылатыхъ голубей
 И алая зари предвѣспницу — пѣвицу,
 Парящу за орломъ средь облачныхъ зыбей?
 Коль хочешь быть и ны моей причастень сла-

вы,

Послѣдуй мнѣ въ спихахъ своихъ:
 Любилъ и былъ любимъ: вошь повѣсть дней мо-
 ихъ.

Венера, Граціи и Купидонъ лукавый,
 Въ храмъ памяти швою Софію проведушь;
 Тамъ умъ и красопу безсмершныя почнушь.

Таковъ ея удѣлъ;

Но ны на сей земли чудесь, наукъ свидѣтель,
 Спремисься прославлять Софіи добродѣтель,
 А я — свои победы пѣль.

Дл. Меньшенинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЬ БОЖЕСТВУ.

(Подражаніе Клейсту.)

Вѣщають сонмы звѣзды: великолѣпнень Богъ!
Небесна швердь Его премудрость прославляешь;
И все, что маниемъ Онъ произвешъ возмогъ
Его могущество, Его любовь являешь:

*

Мнѣ ль одному молчать? Мнѣ ль не хвалить
Его?

Дерзай мой духъ! сприми полеть въ Его селенье,
И коль уша мои не выразятъ чего,
Докажутъ слезы пусть мое благоговѣнье.

*

Превѣчный! Еслибъ кисть я робкую свою
Во пламень погрузилъ Небеснаго свѣтила—
Возмогъ либъ я и шѣнь изобразишь Твою?
Вселенная Твое величїе явила.

*

Кто солнцу днемъ, лунѣ въ ночи сіяшь ве-
лишь,
Міровъ печенью кто предѣлы полагаешь,
Кто солрягаетъ ихъ, кто ихъ живошворить?—
Твое дхновеніе, Твой перспъ шо совершаешь.

*

Тобой шворится все: по звуку устѣ Твоихъ,
Сквозь бездны прошекли несчетныхъ сферъ
громады,
Простерлися луга, възграла шварь на нихъ,
Разумны существа вкусили верхъ ошрады.

*

Ты восхищенный взоръ цвѣтами удивилъ,
Просшеръ кристальной шокъ сребристой влаги
пѣнной,
Кудрявые лѣса и роши насадилъ—
Чертогъ спокойшвія таиншвенной, священной.

*

Ко огражденью буръ Ты горы громозишь,
Цѣлебную спрую изъ ребрь ихъ извлекаешь,
Ты жаждуши поля дождемъ, росой кропишь,
И кропкимъ въшромъ аной паляцій освѣжаешь.

*

Тобой рука Весны коврами красишь долъ,
И Лѣто золотитъ волнующе класы,
И Осень поднитъ свой шедротами престодъ,
Зима дыханіемъ родитъ снѣга и мразы.

*

Тобою въ круги звѣздъ духъ смертнаго проникъ,
 Выпописанія минувшихъ лѣтъ чинишеть,
 Тобой онъ мыслями и славенъ и великъ,
 Тобой и гроба онъ заклепы распоргаетъ.

*

Но кто превознесетъ Тебя, міровъ Творца?
 Само несчастье намъ въ сей жизни къ счастью.
 служишь.

Познай, безбожный! въ семь, Небснаго Ошца;
 Иль шрепещи предъ Нимъ, коль гнѣвъ Онъ обна-
 ружишь.

*

Воззри, померкнулъ день, объемлеть воздухъ
 страхъ;
 Станица мрачныхъ совъ боязненно завывла,
 Гроза свирѣлая ушесы мечеть въ прахъ,
 И цѣлыя лѣса со спрескомъ преклонила.

*

Громады шучь спучають хребтами о хребетъ,
 Изъ сѣрныхъ нѣдръ своихъ огонь быспрый из-
 рыгають,
 Пылають боръ, рѣка разрушивъ брегъ реветъ,
 Левъ, шигръ и крокодилъ шрепещушь, убѣгають.

*

Безбожный! чей въ громахъ и буряхъ гласъ
 речеть?
 Въщай, кто капишь въ слѣдъ за валомъ валь
 пѣнящій?

Громъ, буря, Океанъ ревуть шебѣ въ ошвѣтъ:
 Смирись, кичливый духъ, шо Бога гласъ грозя-
 щій!—

*

Господь! Твои дѣла дерзну я славишь въ
 вѣкъ.

Къ безсилю смертнаго проспри свое вниманье!
 Не осуждай за шо, что слабо онъ изрекъ:
 Тебѣ угоднымъ бышь—есль все его желанье.

*

Когда предстану я предъ свѣтлымъ Твой чер-
 шогъ;
 Мой духъ, сей гражданинъ возвышенный, небес-
 ный,
 Достойно воспоешь Твое величье, Богъ!
 Бесѣдовашь съ Тобой есль нашъ удѣлъ преле-
 сный.

Н. Розенмайеръ.

П Р О В И Д Ъ Н І Е.

(П...лу М.....чу Д.....ти.)

Поля Ливоніи гремяли;
Кругомъ дышало все войной,
И рапи двухъ Державъ опвагою кипѣли,
И небеса, въ глубокой тѣмѣ ночной,
Кровавымъ заревомъ горѣли . . .
И на распутии одна
Краса невинная, полмертва и блѣдна,
Дрожитъ вблизи кипящей бипвы;
Но чистой вѣрою душа полна,
И на устахъ горятъ молитвы . . .
„О Провидѣніе! онъ, свящъ мнѣ швой законъ,
Я вся твоя, не дай въ терпѣнни силу!
Прости невольный сердца спонъ!—
Моимъ рожденіемъ я мать свела въ могилу,
И шолько минулъ дѣтства сонъ,
Опець мой перешель въ свяпую вѣчность:
И съ ними все мое судьба взяла!
Невозвращимую дней юныхъ скоропечность
Подъ чуждой кровлей провела,
И на прекрасный міръ сквозь слезы я глядѣла....

Но вспомнил и меня небесный мой Отецъ,
И радость госпшею нежданую слетѣла . . .

Какъ близко былъ спраданию конецъ!

И бышіе узнала я иное:

Узнала я любви блаженство *неземное!*

Сошла во грудь мою святая пишина,
И что-то въ будущемъ прекрасное, сіяло;

Мнѣ о земномъ ничто не вспоминало,

И я была *небеснаго* полна!

И все то онъ мнѣ далъ, другъ сердца незаб-
венный! . . .

Уже защемилисъ намъ брачныя свѣчи,

И насъ пришепно звалъ олшаръ священный . . .

Вдругъ все зажглося войной, вездѣ звенятъ мечи,

И вопль онъ палъ облишый кровью,

Сраженный дикаго наѣздника рукой!

И я опять осталась сиропой

Съ моею *новою* любовью,

Съ моею прежнею тоской! . . .

И мнѣ спрашна безвѣстная дорога

Непостижимов! куда она ведетъ?—

Нѣмая будущность отвѣща недаетъ!

Но много милости у Бога!

Онъ мнѣ незримаго водителя пошлетъ:—

Предъ нимъ, какъ шайну, я открыла седца
муку.

О, Вышній! сиротѣ подай святую руку;

Прими моихъ обѣтовъ чистоту! . . .

И небо къ ней благоволило,

И безпріютную, забвенну сироту
На верхъ величія земнаго проводило;

И то была не случая игра,
Но шайная, небесь судьбина:

И сирота была Екатерина,
Супруга нашего Великаго Петра.

Ө. Глинка.

ВДОХНОВЕНІЕ.

Я слышу твой священный гласъ,
Живое вдохновенье!
Даруй певцу въ послѣдній разъ
Спраданій упоенье.

Зови въ послѣдній разъ мечты;
Въ послѣдній дай мнѣ слезы —
Я васъ забылъ! мои мечты,
Я васъ забылъ, о слезы!

Шепни о ней, небесный другъ,
Шепни, — молю! — о милой:
И разъ еще мой скорбный духъ
Проснешся надъ могилой! —

Тоскуя, сердце оживешь;
Для боли сердце вспыхнешь!
Ахъ, скоро, скоро все пройдетъ,
Все смолкнешь, все утихнешь!

Тогда безъ грусти встрѣчу день,
Безъ страха ужась ночи —
И, по землѣ пройдя, какъ пѣнь,
Сомкну съ весельемъ очи.

В. Кюхельбекеръ.

КЪ АМУРУ.

(Изъ Геснера.)

Еще въ началѣ Мая
Тебѣ, Амуръ жестокій,
Я жертвенникъ построилъ
Въ домашнемъ огородѣ!
И розами и мирсомъ
Обвивъ, его украсилъ.
Не каждое ли упря
Съ тѣхъ поръ вѣнокъ душистый
Носилъ тебѣ, какъ жертву?
А было все напрасно!
Ужь сыпаясь мятели
По обнаженнымъ вѣшьямъ:
Онажь ко мнѣ сурова,
Какъ и въ началѣ Мая.

- 4 -

МЕНУРА (*) И СОЯ.

Басня.

(Съ Французскаго.)

Соскучивши сноситьъ обиды
Отъ кровожадныхъ пилицъ, летавшихъ по лѣсамъ,
Съ равнинъ безоблачной Флориды
Вдругъ къ Мешашебскимъ берегамъ
Великолѣпная Менура пресѣлилась.

„О чемъ поскуеешь ты? за чѣмъ уединилась?
У странницы залетной сей
Спросила Соя голубая:

„Уже ль нѣтъ здѣсь лѣсовъ, тѣней?
„Иль зелень для тебя не нравится младая?
„Иль не свѣжа вода, не ясень неба свѣшь?

„Иль кормъ со всѣмъ другой, какой у васъ въ
долинѣ?“ ...

Всего довольно здѣсь, Менура ей въ отвѣтъ:
Но, ахъ! — гнѣздо мое осталось въ ясминѣ!

Ял. Дуронъ.

(*) Copraçil — Лунохвостка.

О С В О Б О Ж Д Е Н І Е.

(Подражаніе Матиссону.)

Съ восторгомъ, радостью привѣтствуетъ
Поэтъ
Лазурный небосклонъ, и васъ, поля равнины,
Кристаллы озера, цвѣшущія долины,
Освободивъ себя отъ городскихъ суесть...

Гдѣ справедливый гнѣвъ я Феба заслужилъ,
Гдѣ Йориковъ скворецъ такъ не былъ озабоченъ,
Тамъ миръ души моей не ясенъ былъ не про-
чень;
Вскруженъ безуміемъ я самъ себя забылъ.

Тамъ испаренія помады и духовъ
Въ спѣсненныхъ комнапахъ шягчатъ мое ды-
ханье;
Здѣсь въ чистомъ воздухѣ парить благоуханье,
Зефирами слегка свѣваемо съ цвѣтовъ.

Искусство щипитъ тамъ Природу превзойши
Черезъ дивное цвѣтовъ и красокъ соединенье;
Здѣсь ландышъ приспыдитъ все смертнаго
умънье!
А подражашъ—не есть въ Природѣ ключъ найши.

*

Тамъ вѣтхой прелести услужливый карминъ
 Давно увядшія ланишы освѣжаешь;
 Здѣсь алая заря сводъ неба украшаетъ.
 И здѣсь-шо мыслей, чувствъ я полный властелинъ.

Тамъ скука посреди бесѣды возсѣдичъ,
 И жизнь, онь праздности какъ тягостное бремя:
 Здѣсь молнии съ быстротой лепишь златорое
 время;
 Здѣсь душу общая дѣятельность живишь.

И сердца тайныя сбываются мечты,
 Среди спокойствія и прелестей свободы.
 Поэту ль онь своей наставницы, Природы,
 Бѣжать и кинуться въ градскія суеты?

Н. Розенлейеръ.

С М Ъ С Ъ.

О СОЧИНЕНІЯХЪ

Л О Р Д А Б А Й Р О Н А (*).

Иностраннй Поэтъ, неизвѣстный до сихъ поръ большой части Французскихъ читателей, въ непродолжительное время удивительно прославился между нами. — Нѣкогорыя статьи Журналовъ, написанныя его приверженцами, об-

---

(*) Изъ *Revue Encyclopedique*. — Мы съ сожалѣніемъ привѣщали въ семъ разборѣ какое-то непрощительное недоброхотство Французскаго рецензента къ Англійскому Поэту. Не льзя не пожелать, чтобы особы, одаренныя разборчивымъ вкусомъ и знакомыя со всѣми тонкостями и красотами Англійскаго языка, приняла на себя трудъ познакомиться Русскихъ Императоровъ съ однимъ изъ счастливѣйшихъ любимцевъ Музъ. *Лордъ Байронъ* конечно чловѣкъ необыкновенный. Несчастія, увеличенныя пылкимъ и мрачнымъ воображеніемъ, необузданнымъ сердцемъ, имѣли большое вліяніе на его разумокъ. Влеконый страстями и воображеніемъ, онъ писалъ все, что чувствовалъ и думалъ. Кочующая жизнь его ясно доказываетъ что онъ врагъ всякаго ига. И такъ можно ли удивляться прави-

рашили на него всеобщее вниманіе.—Блестящіе опрыжки, красоты высшей степени, свѣжія мысли, доставили сему Поэту совершенную благосклонность публики, и многія особы, не при- нявъ на себя труда ни прочесть, ни разо- браться его сочиненій, слѣпо повѣрили той славѣ, кою ему приписали другіе. Вскорѣ удивле- ніе превратилось въ совершенное очарованіе: всѣ говорили только о иривосходныхъ творе- ніяхъ Лорда Байрона; появились переводы, и они сдѣлались любимымъ чтеніемъ. Сія слѣпая страсть поставила Англійскаго писателя вы- ше всѣхъ Поэтовъ, которыми Франція гордится.

Между тѣмъ кришика не участвовала въ су- жденіяхъ любопытства и моды; она еще не взвѣсила и не рѣшила, какое мѣсто въ Словес- ности заслуживаютъ сочиненія Лорда Бай- рона. Любители спростихъ Литтературныхъ пра-

---

давъ, въ которыхъ онъ чистосердечно признается? Если во многихъ своихъ сочиненіяхъ Лордъ Байронъ не соблюлъ спростихъ правилъ Словесности, можно его извинить тѣмъ, что онъ, кажется, объявилъ себя врагомъ всякой принуж- денности, и что онъ рѣшительно хочетъ окончить по- прище свое, не бывъ ни подражателемъ, ни подражае- мымъ Единственный его геній доставляетъ ему неоспо- римую славу, и всѣ тѣ, которые примутъ на себя трудъ за- няться произведеніями сего необыкновеннаго человека, найдутъ награду въ удовольствіи, приносимомъ его со- чиненіями.

К. В. П.

виль не примѣнили еще сочиненій сего писателя къ вѣчнымъ законамъ вкуса. Время уже разсмотрѣнь, основательна ли сія слава и справедливы ли сіи успѣхи? Время истинъ — которая не ослѣпляется ни ложными красотоми, ни мнимыми недоспапками — приняла власть свою. Конечно предпріятіе сіе имѣеть свои затрудненія и пребуеть пера опытнаго; но я почпу долгомъ сохранишь въ семъ разсмотрѣннн всевозможное безпристрастіе; и ежели случится мнѣ приняшь иногда мнимое за истинное, то просшупокъ мой будеть безнамѣреннымъ.

Неясность сочиненій Лорда Байрона затрудняетъ сужденіе объ нихъ: мало Англійскихъ Поэшовъ, копорыхъ бы шруднѣ его понимаютъ. Однако сіе затрудненіе касается только красоты подробностей, и посему не препятствуетъ судить о связи и планѣ сочиненій; впрочемъ, если почшупъ дерзостію строгое сужденіе о слогѣ иностраннаго писателя, то можно также назвать нѣкоторымъ просшосердечіемъ (чтобы не скавать больше), когда принимаешь за красоты все то, чего не понимаешь; и сія слѣпая довѣренность, можетъ бышь вреднѣ искусству, нежели несправедливая строгость.

Должно сдѣлать замѣчаніе на неясность сочиненій Лорда Байрона: ихъ многія изъ Англичанъ не понимаютъ; сія темнота составляетъ

настоящій и повсемѣстной его недостатокъ. Великіе писатели вообще очень понятны. Я знаю мало Греческихъ авторовъ, которые были бы яснѣ Омера. Энеида почти вся понятнѣ, чѣмъ прочія сочиненія Виргилія. Мильшонъ пруднѣ сихъ обоихъ писателей; однако слогъ его несравненно вразумительнѣ прочихъ Англійскихъ сочинителей. *Попа* весьма легко переводить. Ежели Шакеспиръ часто неясенъ, это должно приписать древности его языка. Однако множество отрывковъ сего Поэта весьма понятны. У насъ Корнея, въ его лучшихъ мѣстахъ, Расина и Буало легко иностранцы понимаютъ. Но что должно сказать о писателѣ, который не понятенъ и самымъ своимъ соотечественникамъ? —

Ясность вообще происходитъ отъ правильнаго печенія мыслей, отъ чистыхъ выражений и отъ легкой связи рѣчей.—Сихъ совершенствъ нѣтъ въ сочиненіяхъ Лорда Байрона. У него переходы почти всегда скрыты. Онъ даже объ нихъ не намѣкаетъ. Пропустя всѣ пояснительныя рѣчи, онъ всегда полагается на понятливость своихъ читателей. Одинъ взглядъ на переводы его Поэмъ на Французскомъ языкѣ, покажетъ сіи недостатки. Въ нихъ легко можно усмотрѣть эту несвязность, нестерпимую на нашемъ языкѣ, который будучи другомъ определенности, пребудетъ отъ писателей здра-

ваго смысла и точности, какъ первыхъ и необходимыхъ качествъ. Поэмы, неискусные въ соединеніи понятій и въ продолженіи описаній, не могутъ выдержать опыта Французскаго перевода.

Лордъ Байронъ, кажется, имѣеть великія дарованія. Къ нему можно приложить слѣдующее сужденіе Квинтилиана объ Овидіѣ: *nimium amator inginie sue*: — онъ много полагается на свой Геній. — Онъ во зло употребляетъ свое дарованіе, и чрезмѣрная его плодовитость могла бы служить обвиненіемъ его сочиненій, писанныхъ на скорую руку, едва перечитанныхъ, и, пакъ сказать, едва обработанныхъ. Не такъ поступали славные древніе писатели. — Не расточая сокровищъ генія своего на различныя произведенія, они изливали его въ одну только книгу, которая становилась залогомъ ихъ славы и не оспемлемымъ правомъ на уваженіе потомства. Вотъ какъ образуются превосходныя шваренія!

„Прекрасная Поэма, сказала Боало, гдѣ все въ порядкѣ, есть игра своевольства: она требуетъ времени и спаранія.“

Главный недостатокъ Поэмъ Лорда Байрона находится въ ихъ планѣ. Кажется, что сей писатель не очень дорожитъ занимательнымъ сцепленіемъ происшествій, подробностей ихъ, и эпизодовъ, кои поддерживаютъ и усугубляютъ любопытство. Онъ довольствуется тѣмъ, что

разсказываетъ анекдотъ, описываетъ путешествіе, примѣшивая къ своимъ повѣствованіямъ картины и тѣмъ оканчиваетъ, не думавши представить цѣлаго поэпического сочиненія, которое становится полнымъ только тогда, когда заключаетъ въ себѣ начало, средину и конецъ. Я не говорю, что Лордъ Байронъ не знаетъ сихъ правилъ: нѣтъ, кажется, онъ равно свѣдуешь какъ въ древней, такъ и въ новѣйшей Словесности; но мнѣ не извѣстно по какому странному пренебреженію, или по какимъ неблагоприятнымъ правиламъ онъ отвергнулъ образцы Попа, Мильтона? Посему нѣкоторые свѣдущіе Англійскіе крипики и упрекаютъ Лорда Байрона въ томъ, что онъ остановилъ успѣхи Англійской Поэзіи и что даже обезобразилъ ее. Особенно обвиняютъ его въ томъ, что онъ посвятилъ свои дарованія и свое блестящее воображеніе единственно сочиненію повѣстей въ стихахъ, а не истинныхъ Поэмъ.

Мы сказали, что слогъ Лорда Байрона тѣменъ; этого еще мало: иногда у него не достаешь естественности и вкуса. Часто мысли вынужденны и желаніе новости увлекало поэта въ родъ романтической, въ сей ложный родъ, который покрываетъ свои картины неприличными красками, который имѣетъ главнымъ правиломъ наносить, хоть не вѣрные, но сильные удары. Правда, онъ иногда удивляетъ; но

никогда не прогаесть чашателя, и представляеть его воображенію единственно то, что Гораций споль справедливо называетъ сновидѣніемъ больнаго ума: *Velut oegri Iomnia*. Точно такимъ образомъ Лордъ Байронъ, описывая прекрасную женщину, увѣряеть, что на лицѣ у нее есть *музыка!* Онъ еще сравниваетъ слезу, пролипую надъ несчастливымъ, съ чистною жемчужиною, истекшею изъ *руды состраданія* (*): легко было бы увеличить число шаковыхъ примѣровъ.

О характерахъ Героевъ въ сочиненіяхъ Лорда Байрона никакъ не льзя того сказать, что мы говорили о его слогахъ: весь геній стихотворца являенся въ сей части его Поэмъ; живопись его характеровъ сполько же превосходна, сколько оригинальна: она опличаетъ всѣ его сочиненія. Правда, всѣ приемы его въ семь родѣ заняты опъ одной мысли; но мысль сія самая глубокая и новая. Ежели позволено судить о характерѣ Поэта по его твореніямъ, то кажется, что Лордъ Байронъ мизантропъ; кажется, онъ упоменъ зрѣлищемъ челоѣческихъ общесствъ, раздраженъ несправедливостію нашихъ учреждений и съ прудомъ влачить цѣли, налагаемыя на людей гражданствомъ. Во всѣхъ его

(*) „Какая жемчужина упала и блещеть на его цѣпяхъ! Священна ша слеза, которую извлекаеть несчастне другога. Она истекаетъ прекрасною, и чистною изъ руды состраданія.“

сочиненіяхъ оказывается мрачная и дикая меланхолія: всѣ Герои его суть люди, родившіеся добродѣтельными; но будучи раздражены обыкновеніями и несправедливостями общества, сдѣлались врагами онаго. Это мысль Руссо; она только раздроблена въ своихъ послѣдствіяхъ. Сію же самую мысль мы находимъ споль сильно выраженною въ Авторѣ *Калль. Вилліамса*, она-то споль часто одушевляла *Г. Левиса*; ею же воспользовался *Карль Нодіе*. Конечно эта мысль совершенно пропивна общественнымъ учрежденіямъ и слѣдствія оной могли бы сдѣлаться вредными человѣчеству; но мысли сіи могли, только родиться въ душахъ возвышенныхъ; онѣ предполагають силу ума не обыкновеннаго; не смотря на то, что Философія сія угрюма и дика, но привлекательна; она есть достояніе сердець самыхъ чувствительныхъ. Безъ сомнѣнія, сіи-то характеры доставили Лорду Байрону такую славу. Никто не описывалъ споль живо, какъ онъ, мрачныхъ чувствъ души, пораженной несправедливостію. Онъ изображаетъ, на примѣръ, человека, знатнаго роду, кошорый будучи раздраженъ людьми, дѣлается морскимъ разбойникомъ, и нападаетъ на общество; не жадная скупость, не желаніе удовлетворенія гнуснымъ спрасьямъ, нѣшь, ненависть къ сему обществу и мечь вооружающъ его. *Конрадъ*, морской разбойникъ, неприступ-

ный, дикій, не перемѣнилъ въ сей грубой жизни благороднаго своего характера. Воины, низкія орудія его меспи, никогда не удостоиваются дружескаго его обхожденія. Онъ поражаетъ, онъ покоряетъ ихъ возвышенностію своей души; хотя онъ принимаетъ участіе въ ихъ преступленіяхъ, но сердце его не развращено. Эпакарпина не очень нравственна, но она прогательна и занимательна. Его характеръ удивительно какъ смягчается припой женщинъ, копорую онъ любитъ. Жіауръ Селимъ, въ *Абидоской дѣвѣ*, Гарольдъ въ Поэмѣ того же имени, самый Мазепа въ меньшей Поэмѣ, всѣ они имѣють шаковый же характеръ, какъ морской разбойникъ. Судя по сему можно сказать, что Лордъ Байронъ есть одианъ изъ пѣхъ приверженцевъ къ дикой свсбодѣ, копорая негодуешь на малѣйшее иго, даже на иго законовъ.

Кажется, что есть нѣкоторое сходство между дарованіями и между характеромъ Шапобріана и Лорда Байрона: слогъ ихъ имѣеть одни и пѣже недостатки и красоты. Ихъ изобрѣшенія удивительно сходны, и различіе между Шактасомъ и Конрадомъ, Рене и Селимомъ не шоль велико, сколько воображаютъ. Если бы Шапобріанъ послѣдовалъ еще тому плану, копорый онъ предписалъ себѣ въ сочиненіи, изданномъ въ Лондонѣ во время Французской революціи, тогда онъ имѣлъ бы еще болѣе сход-

ства съ Лордомъ Байрономъ. Въ самомъ дѣлѣ все это сочиненіе есть непрерывная криптика на всѣ общественыя учрежденія. Авторъ въ немъ есть мизантропъ, наскучившій свѣтомъ:— онъ вооружается противъ законовъ, какъ противъ несноснѣйшаго ига, которое, по его мнѣнію, шѣснитъ свободу.

„Безпрестанно говорятъ, пишетъ Шамбрианъ, что граждане рабы закона: пустая игра словъ! Чѣмъ за дѣло, Государь или законъ меня притѣсняютъ? Нѣтъ, какъ ни обдумывай и что ни говори, законы и правленіе ограничиваютъ свободу.“ Послѣ, хотя повидимому эпошею авторъ перемѣнилъ свои мысли; однакожь можно примѣнить въ самыхъ проповѣданныхъ сочиненіяхъ первому его шворенію, что мысль Руссо, что мысль Лорда Байрона, его увлекаетъ не вольно, объемлетъ его и показываетъ черты прежней естественной религіи.

Но возвратимся къ нашему предмету. Я скажу, что главное достоинство Лорда Байрона состоитъ въ изобрѣженіи характеровъ. Припомъ, та же мысль, которою онъ руководствовался въ сочиненіяхъ, часто заставляетъ его открывать любопытныя философическія истины. Въ Поэмахъ его разсѣяны прекраснѣйшія мысли о свободѣ; онъ любитъ уединеніе и пустыни; воображеніе Лорда Байрона, недовольствуясь его окружающимъ, съ радостью возвра-

ищется въ прошедшему, но, по ненависти къ его къ обществу и его учрежденіямъ, или въ самомъ дѣлѣ онъ находить у древнихъ народовъ болѣе той свободы, которую онъ постигъ и которой желаетъ; только кажется, что онъ съ удовольствіемъ поправа бы развалины нынѣшнихъ обществъ. Лордъ Байронъ, влекомый ненасытнымъ любопытствомъ и неукротимымъ беспокойствомъ, оставилъ свое опеченство, чтобы переселиться на развалины древней Греціи. Онъ пробѣгалъ сіи мѣста со всѣмъ восторгомъ молодого Поэта. Кажется, что онъ съ удовольствіемъ измѣрялъ то различіе, которое находится между древними и новыми обитателями сей священной земли, гдѣ цвѣла свобода. Онъ искалъ въ немъ опоры ненависти своей къ нынѣшнимъ учрежденіямъ. Сіи мѣста, воспоминаніями своими приносили ему вдохновенія, а дарованіе избрало для упражненія предметъ изъ исторіи тѣхъ странъ, которыя онъ посѣщадъ. Сей выборъ предметовъ покрываетъ свѣжими красками его Поэзію. Однако, читая его Поэмы, нельзя не удивляться тому ужасному противорѣчію, которое находится между описываемыми предметами и родомъ описанія.

Казалось, что Греція должна была быть вѣстна только лирою Омера и что арфы Оссиана предославлены одни вѣчные снѣги и вѣчныя бури Каледоніи. Впрочемъ надобно при-

знать, что воображеніе Лорда Байрона прида-
ло величайшую прелесть его описаніямъ. Аб-
батъ Делиль поже описывалъ и посѣщаль сіи
мѣста; его описанія больше имѣють права на-
зваться классическими, но за то, признайся на-
добно, въ нихъ меньше оригинальности. Онѣ
не дышатъ пѣмъ жаромъ юности, пою живо-
стію, которую мы находимъ въ твореніяхъ
Лорда Байрона: Делиль хладнокровнѣе, исправ-
нѣе и за то менѣе занимателенъ. Впрочемъ
слабость эта слишкомъ малозначаща для ав-
тора, который столько разъ превосходитъ Ан-
глійскаго писателя и который никогда не успѣ-
рашился быть сравненъ съ авторомъ столь
страннымъ и даже чудовищнымъ.

Мы не слѣдовали за Лордомъ Байрономъ во
всѣхъ его твореніяхъ; мы не показали красотъ
и недоспатковъ каждаго порознь. Сіе средство,
которое принимали нѣкоторыя крипики, пока-
залось намъ неудобнымъ для доставленія об-
щаго понятія о писателѣ. Не смотря на то,
что оно слишкомъ легко, мы принуждены бы-
ли бы вступить въ безкончныя подробности.
Тогда надлежало бы усугубить число разборовъ
и чрезъ то покинуть у читателей Лорда
Байрона удовольствіе новости.

Мы разбрали творенія Лорда Байрона каса-
тельно слога, изобрѣшенія, характеровъ; — ес-
таеся шеперь представимъ нѣкоторыя мѣ-

ста изъ его сочиненій, и окончимъ разсужденіемъ о другихъ родахъ Поэзіи, которыми сей авторъ занимался.

Мы обвиняли Лорда Байрона въ принужденности и небрежности слога. Рѣдко случается сему Англійскому Поэту написать безъ ошибочно цѣлой опривокъ; однакожь онъ часто блещитъ истинными красками. Хотя безпредѣльная его старость къ оригинальности доводитъ его до величайшихъ погрѣшностей прошивъ вкуса; въ немъ однако встрѣчающіяся изображенія и движенія, которыя принадлежатъ однимъ великимъ Поэтамъ. Такимъ образомъ въ *двѣхъ Абидоской*, описавъ слишкомъ сильными красками прелести *Цулейки*, онъ сравнилъ ее съ пріятнымъ сновидѣніемъ, которое представляеть другу образъ погибшаго друга: напаянное сравненіе, слишкомъ похожее на одно изъ славнѣйшихъ сравненій Шатобріана! Послѣ сего ему повспрѣчались счастливейшія черты, и превосходныя красоты. Во второй пѣсни сей Поэмы есть сильныя и прекрасныя стихи въ пространный и непонятной рѣчи, гдѣ Селимъ обращается къ *Цулейкѣ*. Вотъ оный опривокъ, въ которомъ Селимъ описываетъ чувства свои, когда онъ освободился отъ неволи и свергнулъ цѣпи, которыми съ юности былъ опягченъ:

„Нѣтъ! напрасно: языкъ не можетъ описать упоенія сердца моего. Когда освобожденные сіи

очи созерцали въ первый разъ землю, океанъ, солнце и небо: мой умъ, казалось, постигаль сокровеннѣйшія чудеса! Одно слово можетъ пояснить тебѣ необычайныя мои чувства. — *Я былъ свободенъ!* — И даже о тебѣ перестала поговаривать; вся подсолнечная — нѣтъ, и самое небо стало моею собственностію.“

Далѣе, Селимъ, желая возвратиться опять къ дикой жизни, уговариваетъ свою любезную за нимъ слѣдовать; вотъ какъ онъ описываетъ ей желанія сердца своего:

„Ахъ, позволь мнѣ, подобно Патріарху *Оксана* (Ною) по морю носиться, а на землѣ знать одни жилища кочующихъ Татаръ! Палатка на берегу, челнокъ на морѣ мнѣ дороже городовъ и серая. На конѣ или подпарусомъ я полечу всюду за своимъ конемъ, или куда поведетъ кормило. — Но ты управляй по волѣ своей аргамакомъ моимъ и кормиломъ; будь звѣздой путеводительницей странника, ты моя *Цулейка!* приди, посѣпи меня и благослови челнокъ мой; будь голубемъ, будь знаменіемъ мира и благоволенія небесному моему ковчегу. — Но суетный миръ нашъ лишень сея надежды! И такъ будь мнѣ радугой посреди бурь жизни! будь зарей вечерней, кою улыбкой, прогоняя тучи пророческимъ лучемъ, предвозвѣщаетъ ясный день.“

Лордъ Байронъ превосходитъ во всѣхъ печальныхъ описаніяхъ; онъ примѣшиваетъ прелестныя изображенія къ самымъ пасмурнымъ предметамъ. *Виргилій* (*) уподобилъ умершаго *Паласа* увядшему цвѣтку, которой не поперялъ еще всей своей красоты. Мѣсто сіе конечно подало мысль Лорду Байрону сочинить слѣдующіе стихи (онъ описываетъ смерть *Медоры* въ *Морскомъ Разбойникѣ*):

„Медора была споль крошка и споль прекрасна, чпо смерть, подѣкая жизнь ея, смягчила свой суровой видъ. Цвѣты охладѣли въ ея рукахъ; казалось она была не безъ чувствъ, а приживлялась спящею.“

Но мѣста самыя прекраснѣйшія, самыя picturesque, которыя, кажется, произошли отъ истиннаго вдохновенія, суть пѣсни, посвященныя имъ Греціи. Лордъ Байронъ, кажется, находилъ собственное свое удовольствіе въ сихъ описаніяхъ; онъ любитъ забываться на сихъ развалинахъ и окружать себя благородными прогашельными ихъ воспоминаніями. Онъ рассказываетъ, чпо съ благоговеніемъ пробѣгалъ каждую область Греціи, чпо посѣщалъ каждое мѣсто, прославившееся именемъ какого-нибудь героя, чпо онъ переплылъ пошъ самый проливъ, которой былъ нѣкогда гибельнымъ возлюбленному дочери *Ситоса*; сіе море слѣдующимъ

(*) Энеида, кн. II.

образомъ изображено Луканомъ: онъ вручаетъ себя жестокимъ симъ волнамъ, опасному сему проливу, но вѣрной любви

A more patatum

Aquoz, et Heroas lacrimon littore turres.

Phars. ch. IXX.

Лордъ Байронъ послѣ Делии старался показать поразительную противуположность, которая находится между древнею и новѣйшею Греціею. — Противуположность сія, единственная можеть быть въ Исперіи, достойна занять Музы. Лордъ Байронъ, прѣзжая новѣйшую Грецію, нашель только мертвый образъ древней колыбели просвѣщенія: напрасно искаль онъ жизни, которая нѣкогда разлипа была въ каждой области сей пространной и свободной земли. Онъ сравнилъ ее съ женщиною, которая лишь только умерла: она сохраняетъ еще свою красоту, не сохраняя жизненнаго жару.

„Кто видѣль мертваго челевѣка, кто смотрѣль на него до испеченія дня его смерти, сего перваго горестнаго дня его разрушенія, но послѣдняго его опасностямъ и несчастіямъ; кто видѣль его прежде, нежели смерть своими губительными перстами изгладила черты угасоющей красоты его . . . тожь можеть еще сомнѣваться въ могущество сего ширана; онъ видѣль, что жертва смерти пребывала прекрасною, спокойною.“

„Вопь Греція, но Греція лишенная жизни! любезная, хопя она охладѣла; прекрасная, хопя умерла; мы препенемъ—въ ней нѣтъ уже души; смерть не уничтожила ея прелестней, онѣ не улетѣли съ послѣднимъ вздохомъ жизни. Но эта красота сохранила ужасный блескъ, энопь ужасный цвѣтъ, копорые преслѣдуютъ ее до гробницы.“

„О, спрана героев! отъ равнинъ пивоихъ до самыхъ ущелинъ горъ, ты была пристанищемъ свободы, или могилой славы. — Святилище властителей! неужели намъ только оспалось отъ тебя? — Приблжсья, ты, о низкой и презрѣнной рабѣ: скажи, не эпо ли Термопиль? Народы, возстаныне! пусть зрѣлица сихъ происшествий, пусть исторія сихъ вѣковъ содѣлаются валею собственностью. Ройтсь въ пеплѣ вашихъ предковъ, чпобъ найши искру огня ихъ воспламенявшато; кпю погибнешъ въ сепъ поискѣ, топъ прибавишь къ ихъ именамъ еще ужасное имя, отъ которато насильсиво запрепещеть: онѣ оспавишь дѣпямъ своимъ надежду, и славное имя; они предпочтушь смерть посрамленію. Когда отецъ, умирающій на брани, завѣщаетъ сыну своему, окончить сраженіе, начатое для защиты свободы; хопя счастье онаго часто подвержено перемѣнамъ, но побѣда всегда увѣчиваетъ окончаніе онаго.“

„О, Греція, живыя твои лѣтописи служатъ доказательствомъ твоего безсмертія. Когда прочіе Цари покояшся во прахѣ, оставивъ по себѣ лишь безмолвную пирамиду,— у твоихъ же героевъ—хотя судьба и разрушила сполнь, воздвигнушый на ихъ могилахъ, — горы опечесственной страны являютъ достойнѣйшій имъ памятникъ. Музы указываютъ странникамъ гробницы твои, которые не могутъ умереть.“

По красотѣ сего опрывка мы не могли его окорошить. Мы можемъ утвердительно рѣшить, что описаніе сіе есть одно изъ прекраснѣйшихъ, какое только предметъ сей могъ вдохнуть, и можетъ быть названо превосходнѣйшимъ произведеніемъ Лорда Байрона.

Поэтъ сей занимался не одними только историческими и описательными Поэмами. Собраніе, о которомъ мы упоминаемъ, содержитъ нѣкоторыя его Оды. Я предпочитаю Оду, писанную Лордомъ Байрономъ, на орденъ почетнаго Легіона, которую онъ весьма пищически назвалъ *Звѣздою Храбраго*.

Прочіе роды сочиненій Лорда Байрона суть Элегіи и Сатиры; онъ въ нихъ равно успѣваетъ. Всѣ знаютъ прекрасную его Элегію подъ названіемъ: *Прости*.—Извѣстно, что произведеніе сіе обязано своимъ началомъ домашнимъ огорченіямъ Лорда Байрона. Намъ нѣтъ нужды входить въ подробности, которыя слишкомъ долгое

время доставляли Англійскимъ Журналамъ оскорбительныя насмѣшки. Мы пакъ же не упоминаемъ о славной сапирѣ Поэпа на своихъ криптиковъ. Это сочиненіе, не помѣщенное въ собраніи его произведеній, напечатанныхъ въ Лондонѣ, прибавлено въ Парижскомъ изданіи. Сапирическая его Поэма подъ названіемъ: *Англійскіе барды и Шотландскіе рецензенты* была янущена досадою Лорда Байрона на издателей *Джамбургскаго пересмотра*. Негодованіе сочинителя показывается въ каждомъ стихѣ. Онъ изливаетъ злобу и ненависть на всѣхъ писателей, которые по несчастію не удивляются исключительно его сочиненіямъ. Читатель можетъ подумать, что мы имѣемъ нѣкоторыя причины не поддерживать этого гордаго и несправедливаго произведенія. Достойнѣе было бы дарованію Лорда Байрона проптивупоставить криптикѣ умѣренность, которая всегда сопровождаетъ истинное достоинство.

Въ заключеніе сего разбора мы скажемъ, что Лордъ Байронъ къ самымъ счастливымъ способностямъ, къ самому богатому воображенію и самой легкой, скорой изобрѣтательности рѣдко присоединяетъ строгую разсудительность, которая пребуетъ осмотрипельности въ расположеніи разныхъ частей сочиненія; пребуетъ терпѣнія и трудолюбія, безпрестанно пересмапривать и переправлять сочине-

ніе, пребуешь разборчиваго вкуса, который отбрасываетъ все что не одобрено пристойностію и зрѣвымъ разсудкомъ. — Лордъ Байронъ одаренъ всѣми способностями, которыя, будучи обработаны, могли бы содѣлать великаго Поэта; но должно опасаться, что слѣдуя по избранной имъ дорогѣ, онъ никогда не дойдетъ до сочиненій, переживающихъ вѣки: никогда не заслужишь себѣ той славы, которая гораздо выше мимоходящей объ немъ молвы.

К. П. Б.

КНИЖНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Изданіе большой Генеалогической, Хронологической и Синхронистической таблицы Россійской Исторіи, на двѣнадцать лиспахъ, напечатанной въ Санктпетербургѣ у А. Плюшара, въ 1818 году, сочиненной Кавалеромъ Филистри и одобренной Россійскою Императорскою Академіею, по благосклонному принятію оной Публичною, вскорѣ разошлось и поному авторъ предпринялъ издать оное вновь, съ рачительнѣйшимъ разсмотрѣніемъ и прибавленіемъ, просирая Исторію до текущаго 1820 года.

Сіе второе изданіе состоятъ будетъ изъ четырехъ таблицъ, подобныхъ нынѣ вышедшей изъ печати, по которой всякой судить можетъ и обо всемъ сочиненіи.

Россійская Исторія раздѣлена будетъ на четыре Періода. Каждый Періодъ заключать будетъ въ одной таблицѣ, а каждая таблица составится изъ трехъ большихъ листовъ, вмѣстѣ склѣенныхъ на веленовой бумагѣ.

I. Періодъ. — Россія до введенія Христіанской Вѣры.

II. Періодъ. — Россія , управляемая Вѣдичими Князьями, отъ Владимира I. до перьваго Царя.

III. Періодъ. — Россія, управляемая Царями.

IV. Періодъ, — Россія подъ державою Императоровъ.

Въ оной заключающься будетъ Хронологія современныхъ Государей Европы отъ Рюрика, перьваго Князя Россійскаго, равно и сокращеніе всеобщей Исторіи, чтобы знашь современность Историческихъ происшествій, такъ что въ сихъ чепырехъ таблицахъ откроецца Историческое зеркало почти тысячи лѣтъ, по естѣ отъ 860 до настоящаго 1820, купно съ таблицею, содержащею въ Алфавитномъ порядкѣ всѣ города и главныя мѣста сихъ Губерній, соспавляющихъ Россійскую Имперію, съ показаніемъ дня ихъ основанія.

Изящность сего втораго изданія, безъ сомнѣнія, удовлетворитъ желающихъ имѣть оное. Соспавляющія оное чепыре таблицы будутъ украшены видами памяшниковъ, изъ коихъ каждый отнѣсится къ Россійской Исторіи; такъже бюстами Россійскихъ Монарховъ, означающихъ великія оной эпохи. Сіи послѣднія рисованы живописцомъ Г. Фреми, изъ Парижа, а виды памяшниковъ начертаны живописцемъ, Испаліанцемъ Тозелли, въ числѣ 16, въ каждой по чепыре; какъ видно на таблицѣ IV Періода, вышедшей нынѣ изъ писненія. Она печатана

прежде для того, что заключаетъ въ себѣ новѣйшую Исторію Россійской Имперіи, столь любопытную по знаменитымъ царствованіямъ, оплотившимъ оную и по великимъ происшествіямъ, случившимся въ наши времена и приобрѣтшимъ безсмертную славу Россійскому воинству, народу и несравненному Монарху, Августѣйшему Императору и Отцу.

Изъ вышесказаннаго видно, что четыре таблицы, составляющія сіе Историческое зеркало, могутъ быть переплечены въ видѣ Географическаго атласа, если что угодно будетъ, или, по желанію другихъ, могутъ вставляться въ рамы, подобно эстампамъ для украшенія комнатъ.

Подписка принимается

У издашеля, Типографщика и книгопродавца Плюшара, въ большой морской, No 84.

У книгопродавцевъ, братьевъ Слѣниныхъ, на Невскомъ проспектѣ, близъ Казанскаго моста, въ домѣ Кусовникова.

Въ книжной лавкѣ ихъ же Слѣниныхъ, въ Гостиномъ дворѣ, No 57.

Въ большомъ Англійскомъ магазинѣ, въ малой Милліонной, на углу Невскаго проспекта.

И, у сочиншеля, живущаго въ большой Мещанской, въ домѣ Глазунова, противъ Ломбарда, No 35;

Во всѣхъ сихъ мѣстахъ можно также видѣть и вышедшую изъ печати, таблицу IV Періода.

За подписку платится 7 руб. 50 коп. ассигнаціями за каждую таблицу; т. е. 30 рублей за полное изданіе четырехъ таблицъ на 12 листахъ.

Особы подписавшіяся получаютъ прежде таблицу IV Періода, внося 15 рублей, а остальные 15 рублей, за три прочія таблицы, при выдачѣ оныхъ вмѣстѣ.

Подписка принимается въ печеніи четырехъ мѣсяцовъ, начиная отъ времени изданія о семъ Проспекта.—По прошествіи сего срока выдѣтъ полное изданіе, а подписка прекратится и цѣна изданія назначена будетъ въ 40 рублей.

П Р О З А

О ПРЕБЫВАНІИ КОРАБЛЯ СУВО- РОВА ВЪ НОВОЙ ГОЛЛАНДІИ (*).

31го Июля, въ полдень, мы были на Югозападной сторонѣ въ 114 миляхъ отъ Вандименской земли; почему надѣясь въ слѣдующій день ее увидѣшь, мы легли на ночь въ дрейфъ подъ малыми парусами.

Ночью, на 1^ю Августа, поднялась ужасная гроза съ сильнымъ проливнымъ дождемъ и жестокими шквалами. Спрашнѣйшій громъ раздроблялся по тучамъ въ необъяснмомъ пространствѣ Океана и пламенная багровая молнія освѣщала весь горизонтъ. Къ утру вѣтръ началъ стихать, и хотя дождь пересталъ, но небо покрыто было облаками. Въ 6 часовъ мы снялись съ дрейфа; въ 10 часовъ увидѣли Югозападный мысъ Вандименской земли и лежащій по близо-

(*) Выписка изъ Журнала штурмана, *Алексѣя Россійскаго*, путешествовавшего на корабль Суворовъ вокругъ свѣша, подъ командою Капитанъ-Лейтенанта М. Лазарева, въ 1814 году. Ч. XII. Кн. XI.

~~они онаго-камень~~ *Мю-стонъ*. Нельзя вообразить, какъ пріятно было увидѣшь берегъ, ибо прошло 50 дней сряду съ того времени, какъ мы не видали не только земли, но даже и признака оной; припомъ же непрерыванно продолжавшіеся пасмурные, дождливые и бурные дни столько уже намъ накучили, что всякой съ неперпнїемъ желалъ скорѣе пристать къ берегу и отдохнуть.

Въ полдень, по сдѣланному наблюденію, мы находились подъ $43^{\circ} 58' 5''$ Южной широты и $145^{\circ} 58'$ Восточной долготы, по хронометру; камень же *Мю-стонъ* лежалъ тогда осьъ насъ въ 13 миляхъ къ Юговостоку.— Въ половинѣ 2 часа увидѣли еще два камня: *Эдистонъ* и *Свилли*; первый изъ нихъ издали весьма походитъ на корабль, идущій подъ полными парусами. Въ 3 часа мы миновали оные на праверзѣ въ разстояніи 12 миль и направили курсъ къ Сѣверовостоку. Чѣмъ болѣе подвигались къ Сѣверу, тѣмъ болѣе погода становилась пріятнѣе, и теплый климатъ ощущительнѣе. До 10го числа, по причинѣ переменныхъ вѣтровъ, мы должны были цѣлые шесть дней лавировать. Сего числа достигли мы до $34^{\circ} 41' 17''$ Южной

широты и $152^{\circ} 15'$ Восточной долготы, слѣдовательно отъ Портъ-Джаксона находились не болѣе, какъ въ 60 миляхъ. И въ самомъ дѣлѣ, по утру съ восхожденіемъ солнца, помощію зрительной трубы мы усмотрѣли берегъ Новой Голландіи, называемый Англичанами (Neu-South Walis) *Новою Южною Валлійскою землею*. — Въ полдень онъ открылся намъ совершенно. На Южномъ мысѣ, вдавшемся въ море, мы увидѣли маякъ и флагшпокъ, на коемъ развѣвался Англинскій флагъ. Въ семь часовъ показался намъ на семь мысѣ сверкающій огонь и носившіяся облака дыму въ разстояніи 8 миль S. S. W. Во всю ночь яростныя волны Южнаго Океана не преспавали дробиться съ шумомъ о высокіе гранишныя скалы сего мыса. Между пѣмъ машпрозы спокойно доставали изъ шрюма канашы и шоропились привязывать къ якорямъ.

На утру 12го числа погода была прекраснѣйшая, и видъ берега Новой Голландіи предшавился прелестнѣе прежняго. Вътръ былъ отъ Запада тихій, брамсельный, отъ чего мы не ранѣе, какъ въ восемь часовъ, могли подойти къ Южному мысу, гдѣ при

пушечномъ выстрѣлѣ подняли на форъ-
 брамъ-спенгѣ флагъ для требованія лодмана.
 Въ 12 часу изъ Порпъ-Джаксонскаго залива
 вышла идущій на жишовый промыселъ Ан-
 глинскій купеческій брикъ, съ кошораго при-
 ѣхалъ къ намъ лодманъ. Какой живопис-
 ный видъ открылся, когда мы прошли меж-
 ду высокихъ каменныхъ скалъ: въ одной
 споронѣ берегъ Новой Голландіи представ-
 лялся какъ мраморъ; съ другой зеленыя рав-
 нины разшилялись надъ дикими ушесами,
 и взоръ терялся среди множества остро-
 вовъ, одинъ другаго прелестнѣе, закрывае-
 мыхъ съ моря деревьями и кустарниками;
 вдаль бурный шумъ Океана, тихій плескъ
 волнъ въ спокойномъ заливѣ, кошораго го-
 лубыя воды позлащались лучами солнца,
 свѣжестъ и прохлада отъ сосѣдственныхъ
 лѣсовъ, пѣніе разнообразныхъ птицъ, копо-
 рыхъ тысячи порхали на вѣтвяхъ деревь,
 кружились надъ берегомъ или надъ водами и
 плескались въ струяхъ: все для насъ было
 какимъ-то очаровательнымъ зрѣлищемъ.

Вскорѣ изъ Порпъ-Джаксона приѣхалъ
 къ намъ посланный отъ Губернатора офи-

церь съ инструкціею, копорая даеся всѣмъ
иноспраннымъ судамъ во время пребыванія
въ семь портѣ. — Между тѣмъ онъ спа-
радся узнатьъ ошъ насъ политическія но-
вости о военныхъ обстоятельствахъ въ
Европѣ, копорыхъ они давно не получали,
ибо изъ Англи пакетботы съ извѣстіями
приходишь въ Новую Голландію только
одинъ разъ въ годъ; а такъ какъ у насъ
были взяты изъ Англи и Рио-Жанейра га-
зеты, то мы и отдали ему оныя для достав-
ленія Губернатору.

Въ 2 часа пришедь въ Сиднейскую гу-
бу, ошкуда виднѣ городъ Сидней, стоя-
щій на возвышенномъ мѣстѣ съ прелестно-
выспроенными дачами и красивыми камен-
ными домами, мы салютовали городской
крѣпости и выспрѣлами, а между тѣмъ
убирали паруса и становились на якорь на
опредѣленномъ мѣстѣ для всѣхъ приходя-
щихъ иноспранныхъ судовъ. — Мы стали
на якорь на глубинѣ 8 сажень, гдѣ грунтъ
илъ съ пескомъ. Въ началѣ четвертаго ча-
са, на нашъ салютъ отвѣчали съ крѣпости
13 выспрѣлами; замедленіе же въ отвѣтѣ
происходило, какъ мы послѣ узнали, ошъ

шого, что посылали спрашивать приказанія Губернатора, который и велѣлъ отвѣчать двумя боѣе. — Въ четыре часа прѣѣхалъ опять прежній офицеръ отъ Губернатора съ уведомленіемъ, что нашему кораблю позволено перейти на то мѣсто, гдѣ стоятъ Англичскія суда. Сія привиллегія здѣсь чрезвычайно рѣдко дается иностраннымъ судамъ, и почти никогда. Мы очень удивились и обрадовались сему лестному случаю; но такъ какъ печеніе въ сіе время было прошивное, то и оспались до утра на прежнемъ мѣстѣ. На другой день, на самомъ разсвѣтѣ, прѣѣхалъ къ намъ лоцманъ, и при сдѣланномъ попушномъ шеченіи мы свядисъ съ якоря, а къ 10 часамъ перешли къ самому городу *Сидни* и спали на якорь къ Н. отъ Губернаторскаго дома. Пока мы переходили и становились на мѣсто, то на пристани собралось великое множество народа, который съ любопытствомъ смотрѣлъ на нашъ корабль и удивлялся прибытію; ибо съ того времени, какъ Портъ-Джаксонъ населенъ Англичанами и пришелъ въ цвѣтущее состояніе, то это еще впо-

рый корабль, подъ Россійскимъ флагомъ (*), посвящаетъ сей далекий поркъ пятой части свѣда, опдаленный оцъ насъ двумя великими Океанами.

Радость народа при извѣстїи о взятїи Парижа. Обѣдъ у Губернатора. Заботы объ исправленїи корабля. Выбранное мѣсто для поѣрки хронометровъ. Приятныя посѣщенїя.

Лишь только мы успѣли спать совершенно на мѣсто, какъ громъ пушекъ изъ всѣхъ крѣпостей возвѣстилъ полученное оцъ насъ радостное извѣстїе о взятїи Парижа. Всякой спѣшилъ узнать пому причину; суешились и бѣгали по улицамъ. Наконецъ послѣ полудня се извѣстїе было торжественно обнародовано. Тогда-шо надобно было видѣшь, съ какимъ восторгомъ радо-

(*) Первый корабль былъ *Нева*, отправленный Россійско-Американскою Компанїею въ 1808 году, подъ командою Лейтенанта, нынѣ же Капитана Лейтенанта, *Гагн-мейера*.

они встрѣчали насъ, и съ какимъ уваженіемъ принимали всякаго, связжающаго съ нашего корабля на берегъ: мапировъ насильно пащили въ шинки и подчивали по братски, приговаривая: *Рушенъ добра! Рушенъ добра! а Френтъ но еудъ*. Въ вечеру всѣ городскія улицы были иллюменованы; предъ каждымъ домомъ горѣли плошки; даже въ самомъ бѣдномъ посщавлено было на окнахъ по три и по четьре свѣчи, а въ другихъ и болѣе, смотря по досщашку. Во многихъ мѣсщахъ пускали ракеты. Домъ Генераль-Губернашора, Макварія, освѣщенъ былъ великолѣпно, и сожженъ превосходной фейерверкъ. Въ сіе время народъ толпами собирался на площадь; въ одномъ мѣсщѣ гремѣла полковая музыка, въ другомъ хоръ пѣсельниковъ, а индѣ разноголосный крикъ подхмѣльвщихъ весельчаковъ. Словомъ сказашъ, весь городъ казался въ сіе время счастливымъ въ свѣщѣ. Капитанъ нашъ съ прочими офицерами приглашенъ былъ Губернашоромъ къ обѣду, гдѣ находилось множество Англинскихъ чиновниковъ. Обѣдъ былъ роскошнѣйшій; поокончаніи же сщюла поданы персики, ананасы, абрикосы и другіе фрук-

пы, укладенные горою на серебряныхъ и фарфоровыхъ блюдахъ. Вины были чрезвычайныя. Во время стола и по окончаніи онаго музыка гремѣла безпрестанно. Князь бавианскій могъ вообразить, что на другой день нашего прибытія, мы проведемъ время съ такими удовольствіями! 14го числа Канцлеръ приказалъ ловить рыбу весь пакедаль и франгоушу, а между тѣмъ старался приискать конопатчиковъ и другихъ мастеровыхъ, необходимыхъ для исправленія корабля. Сильныя бури, бывшія во время нашего плаванія, нѣсколько повредили палубу и корабельныя бѣршы; при этомъ же нѣкопорые паруса были изорваны, а другіе и во все негодились. Также нужно было перестроить бывшую на корабль провизию, а особливо солонину, которая начинала уже поршиться. Моя же должность состояла въ повѣркѣ хронометровъ, для чего и выбрали намъ мѣсто, именуемое *Venlonge point*, которое по своему положенію можетъ называться романтическимъ: съ одного края поднимаются уступами морскія скалы, у коихъ плещутъ волны, разбиваясь съ пѣной о камни; съ другаго проспираются цвѣшущія долины, осе-

венныя благовонными рошницами, откуда не-
сепся восхитительное пѣніе птицъ. Послѣ
нашихъ упренныхъ наблюдений, мы сѣдлись
обыкновенно на мягкую правую, подъ шѣнь
какого нибудь кустарника, укрывающаго
насъ отъ солнечныхъ лучей, и спокойно
наслаждались созерцаніемъ предѣльныхъ ок-
рестностей. Съ сего мѣста видна большая
часть города, гавань и спящія въ ней
корабли. Здѣсь всегда много гуляющихъ.
Многія Англиянки, изъ любопытства,
приходили къ намъ и смотрѣли на наши
занятія. Мы знакомимся, и были щакъ
счастливы, что насъ не забывали своими
посѣщеніями. *Benelongs point* было мѣстомъ
свиданія. Какъ десело тогда проходило вре-
мя! Окончивъ наблюденія, мы играли и бѣ-
гали здѣсь, по предѣльному мѣсту, до са-
мага вечера. Вечеромъ же снова должны
были приниматься за скучныя астрономи-
ческія наблюденія, по окончаніи которыхъ
возвращались съ инструментами на корабль.

Балъ, данный кораблю Англическимъ Офицерами. Сраженіе дикихъ. Удивительная ихъ ловкость. Орудія ихъ. Пристрастіе Англичанъ къ русскимъ боямъ.

16го числа всѣ находящіеся здѣсь армейскіе и морскіе офицеры согласились сдѣлать нашему кораблю угощеніе, для чего еще наканунѣ, присланы были каждому изъ насъ порознь приглашительныя письма. Кажется они ничего не пощадили, чтобы только блеснуть по обыкновенной гордости Англичанъ. Обѣдъ былъ великолѣпный: вино лилось рѣкою, и одинъ за другимъ предлагали и возобновляли *тосты* (*) Императора Александра, Короля Георга, Веллингтона, Кузцова, Вишгенштейна, Платова и проч. Въ вечеру былъ блистательный фейерверкъ, и музыка безпрестанно играла.

20го числа узналъ я, что въ сей день будетъ происходить сраженіе между дикими на назначенномъ для сего мѣстѣ. Сей случай сполько показался мнѣ любопытнымъ, что я никакъ не хотѣлъ его упустить, и рѣшился даже оставить сего числа повѣрку

(*) Пить за здоровье.

хронометра. Получивъ на сіе позволеніе
опъ Капишана, въ 9 часовъ ушра собрался
выйти на то мѣсто съ Г. Де-Сельве и по-
мощникомъ Супер-карга, Красильниковымъ.
Когда мы пришли, то еще никого не бы-
ло, но спустя нѣсколько времени множес-
тво народа начало собираться, ибо Англи-
чане имѣють особенную спрасъ къ боямъ
всякаго рода. Въ 11 часовъ увидѣли мы
около тридцати бѣгущихъ вооруженныхъ
дикарей, копорые были совсемъ натіе. Каж-
дый изъ нихъ имѣлъ при себѣ три копья,
щипъ и дубину; всѣ сіи орудія сдѣланы изъ
самаго крѣпкаго дерева, называемаго Англи-
чанами *жельзымъ* (Iron-wood). Наконецъ
прибѣжало еще человекъ съ двадцать, и по
данному имъ знаку они начали расходиться
на разныя парши; пошомъ вдругъ поднялся
спрашный шумъ, и мгновенно съ обѣихъ спо-
ронъ полетѣли копья (*), опъ копорыхъ, съ

(*) Ихъ копья бывають дмною въ 4, 8 и 10
фушовъ. Сіи послѣднія бывають прехъ-ко-
денныя: два колѣна изъ простаго дерева, а
шрепте изъ *жельзаго*. Конецъ оныхъ завостр-
рень и сдѣланы зазубрины. Сіи копья бро-
сають изъ рукъ, но только посредствомъ

чрезвычайнымъ искусствомъ, они умѣютъ увертываться и закрываться своими щипами.—Между шѣмъ непримѣнно со всѣхъ споронъ начало скопляться ихъ болѣе и болѣе, шакъ что на послѣдокъ собралось около ста дикарей. Сраженіе частю ошъ часу спановилось уиорнѣе; на конецъ перебросавши всѣ свои копья, начали драпьяса сагайями (*), ошъ копорыхъ шакже съ удивительною ловкостію они умѣютъ защищаться, заспораниваясь щипами, што ошспушпая, шо подаваясь впередъ, шо уклоняясь въ спорону. Въ шо время бѣда непровор-

---

крючка, копорый вкладываютъ въ задній конецъ конья, чтобъ придать больше силы. Щипы дѣлаются изъ коры желѣзнаго дерева; они бываютъ овальные и нѣсколько выпуклы; сзади придѣлана къ нимъ ручка. Длинною бываютъ въ $2\frac{1}{2}$, а шириною въ $1\frac{1}{2}$ фуша; толщиною же около дюйма, и разнелеваны разными красными и бѣлыми фигурами.

- (*) Дубины называются *Сагайями*. Рукоятка ихъ снизу тонка; но чѣмъ далѣе къ верху, шѣмъ толще, и наконецъ оканчивается бакляшкою изъ самаго крѣпкаго дерева. Длина ихъ въ 3 и $3\frac{1}{2}$ фуша.

ными: пощасъ дубиною ударяють прямо по головѣ, опъ чего съ перваго раза убивають до смерти. Нельзя даже вообразить, съ какою свирѣвостію и опчаяніемъ нападають они другъ на друга, бьютъ и опбиваются; если же кто лишившись силъ упадетъ, то мгновенно, съ звѣрскою радостію, добивають его до смерти, ударяя по виску сею дубиною. Трескъ щитовъ, лешящіе опломки копьевъ, дикій крикъ побѣдителей, жалосный вопль раненныхъ, окровавленные лица, разбиые члены . . . признаюсь! эчимъ только Англичане могутъ любоваться.— Сраженіе продолжалось болѣе двухъ часовъ и кончилось, когда уже многіе пришли въ безсиліе; я остался на мѣстѣ побойца еще нѣсколько минутъ, чшобъ посмотреть раненныхъ! . . . видѣлъ — и ужаснулся! Кровь лилась ручьями! у кого изъ головы, у кого изъ груди или плеча; у одного глазъ былъ выколошъ, у другаго во лбу шорчалъ конецъ копья; словомъ сказать, всѣ почти были переранены ужаснѣйшимъ образомъ. Всякой бы чувствительный человекъ содрогнулся при сей звѣрской бишзѣ; но Англичане, вмѣсто того, чшобъ опшращать ди-

кихъ, стараются еще болѣе раздражать ихъ другъ противъ друга. Спрашно подумавъ, до какой степени не щадятъ человѣчества! Смопрѣшь на мученія себѣ подобныхъ—сдѣлалось уже увеселительнымъ (эфилищемъ). Впрочемъ, это проиходишь не отъ злаго сердца: надобно только дивиться, до чего иногда простирается привычка самаго степеннаго народа.

Неожиданное посѣщеніе дикихъ. Любопытство ихъ. Мѣна на орудія. Образъ ихъ жизни.

На другой день, по утру, поѣхалъ я съ Г. Де-Сильве на Venelongs point для повѣрки хронометра, гдѣ случилось съ нами любопытное происшествіе. Лишь только успѣли мы сдѣлать нѣкоторыя наблюденія, какъ увидѣли идущихъ къ намъ пятерыхъ дикарей, въ числѣ которыхъ была одна женщина. Имѣя при себѣ астрономическія орудія, мы нѣсколько побоялись, чтобъ ихъ не пронули, но послѣ успокоились, думая, что дикіе насъ

не замѣляшь. Напрощивъ того, они шли прямо къ намъ, и подойдя, сѣли вблизи на правѣ, повторяя часто слова, копорыя они переняли у Англичанъ: *How do you do* (гоу дунду) и *Very well*, что значить: *какъ поживаешь?* и *очень хорошо*. Они съ удивленіемъ глядѣли на декстанъ, хронометръ, и аршифиціальный или искусственный горизонтъ (*). Женщина была любопытнѣе всѣхъ, и шакъ близко начала размашривать аршифиціальный горизонтъ, что увидѣвъ свое изображеніе въ ршущи, нѣсколько испугалась, но на конецъ, посмопрѣвъ снова на оный, закричала чрезвычайно громко; на сей крикъ всѣ бросились ближе къ ящичку. Надобно было посмопрѣшь, какъ это ихъ удивило, и какія дѣлали они странныя шѣлодвиженія. Но сего еще мало; женщина всячески просила, показывая знаками, чтообъ я приподнялъ сей ящичекъ, что и исполнилъ, выливъ ршущъ въ нарочно сдѣ-

---

(*) Аршифиціальный горизонтъ есть не большой ящичекъ длиною въ 6, а шириною въ 3 дюйма, куда вливается ршущъ и закрывается стеклянною кровелькою для защиты ошъ вѣпра.

ланный для того пузырекъ. Не видя ничего въ ящичкѣ, они сдѣлались печальны, но любопытство возгорѣлось въ нихъ еще болѣе. Пока я выливалъ ртуть, а Г. Де-Сильве убиралъ секстанъ, одинъ изъ нихъ между тѣмъ началъ открывать хронометръ, и съ удивленіемъ показывалъ другимъ на переходящую секундную стрѣлку. Тогда всѣ присупили къ хронометру, и сколько я ни спарался ихъ опогнать, они пакъ убѣдительно настаивали показатъ имъ оный, что даже начали насъ спрашивать, указывая на свои орудія.—И пакъ, чпобъ удовлетворишь ихъ любопытству, я принужденъ былъ вынуть мои часы, кошорыя пакже были съ секундами и показатъ имъ внутренность оныхъ. Нельзя предсавишь, сколь они были удивлены маешникомъ, кошорый сверкалъ въ ихъ глазахъ. Они съ воспоргомъ передавали часы другъ другу, и наконецъ я совсемъ не примѣшилъ, какъ одинъ изъ нихъ взялъ маленькой пруттикъ и всунулъ между колесами, опъ чего они оспановились. Эпо меня пакъ разсердило, что я опнялъ часы и началъ ихъ опгонять; но Г. Де-Сильве совѣщовалъ мнѣ бышь обходи-

Ч. XII. Кн. XI.

шельнѣе, пошому что ихъ было пятеро, а насъ только двое. Постоявъ нѣсколько минушь, дикіе громко захохотали и пошли прочь.

Опошедши ошъ насъ, они развели огонь, набрали на берегу, ракушекъ, и поджаривъ оныя, начали ѣсть, не говоря ни слова почти цѣлый часъ. По прошествіи сего времени, они начали разговаривать, сначала тихо, но пошомъ чрезвычайно шумно, а о чемъ, того мы понять не могли; однакоже по догадкамъ заключили, что они вѣрно хвастались вчерашнимъ сраженіемъ, пошому что безпрестанно показывали то на свои орудія, то на раны, какъ будто бы каждый старался увѣрить другихъ, что онъ былъ храбрѣе.

Мнѣ очень хотѣлось достать нѣкоторыя изъ ихъ орудій въ число собираемыхъ мною рѣдкостей (*), для чего я подошелъ къ

(*) Должно замѣтить, что весь берегъ Новой Голландіи изобилуетъ красивѣйшими раковинами и другими рѣдкими произведеніями Природы. Между собранными мною раковинами, есть много перламутровыхъ, съ острыми шипами; иныя же съ превос-

нимъ и, сколько могъ, изъяснилъ знаками мое желаніе, что они поняли очень хорошо, и съ удовольствіемъ предлагали мнѣ свои сагаи и щипы; но такъ какъ я ничего не имѣлъ при себѣ, что бы имъ за оныя дать, то и велѣлъ приѣзжать къ намъ на корабль, что они и исполнили.—Послѣ полудня около 3 часовъ пристали къ намъ двѣ лодки съ чепырьмя дикими, въ помѣ числѣ было двое, кошорыхъ я прежде не видалъ, и привезли мнѣ свои орудія. Я выбралъ себѣ три копья, щипъ, двѣ сагаи и одинъ головоломъ, подаривъ имъ нѣсколько изъ поношеннаго плащя, зеркальцо, немного бисеру и бупылку рому, но они плащя отдали назадъ, а просили другую бупылку, что показывало ихъ страхъ къ пьянству; и такъ какъ они иначе никакъ не соглашались, то я и принужденъ былъ удовлетворить ихъ желаніе.

ходнѣйшими узорами, и уподоблялись Англинскому ситцу. Я собралъ также множество окаменѣлыхъ растеній и наполнилъ нѣсколько пакетцевъ семенами прелестнѣйшихъ цвѣтовъ, распуцкихъ въ Новой Голландіи.—

Сии дикари были почти все довольно молоды; ростомъ высоки и сухощавы. Они черныѣ Африканскихъ Негровъ; волосы длинные и прямые; лице красящъ бѣлыми чертами и другими фигурами, а носы красною краскою, отъ чего видъ ихъ кажется спрашенъ; иные же въ носу носятъ палочки длиною въ чепыре дюйма. — У нихъ есть обыкновеніе при свадьбахъ, что ежели кто женился, то выбиваютъ тому по два переднихъ зуба, отъ чего многіе почти совсемъ безъ зубовъ. Старики лицемъ угрюмы и кажутся печальны, и почти все черны ихъ показываютъ что-то подозрительное, жестокое и лукавое. Женщины также ходятъ совершенно нагія, и маленькихъ дѣшей своихъ носятъ за плечами, привязывая широкимъ плетешкомъ, сдѣланнымъ изъ травы. Онѣ не меньше любятъ щеголять и нравиться мужьямъ своимъ, для чего также красящъ какъ лице, такъ и груди красною, желшою и бѣлою краскою.

Лодки дикихъ сдѣланы изъ коры дерева, называемаго Англичанами Beef-Wood *ш. е. мясное дерево*, которое дѣйствительно походитъ на цвѣтъ мяса. Они гребутъ

на нихъ руками, а иногда лопашкою, сдѣланною шакже изъ древесной коры. Сии лодки ходящъ довольно скоро, но шолько ненадежны.

Дикіе Новой-Голландіи еще споль необразованы, что никакъ не могутъ привыкнутьъ къ ношенію плащя. Часпо случалось, что Англичане одѣнутъ дикаря съ ногъ до головы и спараюцца всячески увѣришь, что въ плащѣ гораздо лучше и красивѣе, но его убѣдишь ни чемъ нельзя; и лишь шолько выйдешъ онъ изъ города, шо потчасъ раздѣнешся и бросишь плащѣ на дорогѣ. Они совершенно безпечны и ни о чемъ впередъ не думаютъ; спятъ на открытомъ воздухѣ; пишатся ракушками и морскими растеніями; кромѣ щипа, сагайя, копья, ничего не знаютъ дѣлать; даже рыбы не умѣютъ ловишь, да и не заботятся о щомъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ). 3

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОХОДНЫХЪ
ЗАПИСОКЪ РУССКАГО ОФИ-
ЦЕРА. 1815.

Г. Дерптѣ, 9 Марта. Живя здѣсь, воображаю, что не разспавался съ благословенною Германіею: пакъ сходень съ обычаями и нравами ея жишелей образъ жизни Дерптскихъ обывателей! Порядокъ, чистота, трудолюбіе, искусства и здѣсь достойны подражанія. Пріятно жить въ городахъ Лифляндіи и Эстляндіи; пріятно путешествовать отъ одного къ другому: въ городахъ здѣшнихъ наслаждаешься всѣми общесивенными удовольствіями; на дорогахъ (кромѣ дорогъ) имѣешь всѣ выгоды, какія можешь путешественникъ найши между народами образованными. Здѣсь особенно (въ Дерптѣ) средоточатся веселости и науки Лифляндскаго края; здѣсь — можно сказать — сердце ихъ. Тутъ не соскучишь любитель большаго свѣта, ученый найдетъ для себя

богатую пищу, ремесленникъ и художникъ не оскудѣють; пустьъ богатство сыщеть множество предметовъ для пріятнаго и полезнаго употребленія своихъ источниковъ; посредственностъ можешь ограничиться своимъ кругомъ, гдѣ не позавидуютъ никому и никого не отвергнутъ; бѣдностъ будешь принята, утѣшена и обласкана. Я провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Дерпшѣ, и не помню, чтобы гдѣ и когда нибудь сколько наслаждался жизнью. Никогда не забуду я ласокъ почтеннѣйшаго Генерала *Кнорринга*, украшающаго свои сѣдины умомъ основательнымъ и добрымъ сердцемъ. Всегда помнишь буду съ удовольствіемъ о вечерахъ, проведенныхъ въ здѣшнихъ клубахъ (*Благородноиъ, Академическоиъ* и *Мѣщанскоиъ*), гдѣ всякой между соими веселился по своему. Будешь для меня иногда пріятно воспоминаніе о веселостяхъ, оживлявшихъ такъ часто домъ Барона *Левинштерна* — веселостяхъ, съ которыми сливались пышностъ, вкусъ и блескъ шумнаго свѣта сіверной Пальмиры. Волшебною кистью перенесенный съ однимъ изъ сихъ блистательныхъ собраній въ альбомы, надѣюсь увидѣть

себя на шуалешъ какой нибудь милой Московщианки — и тысячи предмешовъ повшоряпся въ душѣ моей, и много любезныхъ мнѣ особъ опзовушся на ея голосъ. Домъ Графа *Мантейфеля*, Графини *Менденъ* и *Виллебау* будущъ для меня незабвенны по Граціямъ, въ нихъ обишающимъ — Граціямъ не числомъ, но прелеспями. Забуду ли шебя, примѣрный *Петерсонъ*, оригиналь добра и справедливости? Всегда съ воспоргомъ сердечнымъ буду, рассказывашъ, какъ шы, вооружась громами Капонова краснорѣчія, бросаль ихъ на враговъ испины и добродѣшели; съ невольнымъ смѣхомъ прибавлю къ симъ рассказамъ осаду швоего дома новыми Тишанами въ образѣ здѣшнихъ спуденшовъ, спукъ разбишыхъ спеколь, крикъ осаждающихъ, спрахъ швоихъ домашнихъ и наконецъ шебя самага подъ защишою — двухъ перинь! . . . Вспомнивъ о шебѣ, вспомнишь о золопомъ вѣкѣ, въ кошоромъ истина — какъ говоряшь — ходила безъ покрывала и носила сердце на рукѣ своей. Незабвенна будешъ для меня бесѣда, сосшавленная мною для извѣшнаго нашего Липшерапора А. Ѳ. *Воейкова* — бесѣда, въ кошорой дѣти *Мар-*

совы угощали *по своему* Русскаго Поэта. За то, какъ часто, какъ пріятно угощаль насъ *по своему же* Александръ Федоровичъ и на кафедрѣ, на кошорой ходили его слушають наши Генералы и простые офицеры, и въ кругу его любезнаго, почтеннаго семейства, гдѣ дарили насъ ласками и пріязнью, равнявшеюся даже съ красотой стиховъ самаго Жуковскаго (кошораго любяють здѣсь — и вездѣ читають). Записанъ въ сердце моему день, когда я узналъ и сего скромнаго, несравненнаго пѣвца *нашего* — поэта, котораго гевію покланялся я съ самаго малолѣтства! Опнесу дань воспоминанія и шебѣ, прелестный вечеръ, мною учрежденный и данный Генераломъ *Полуктовыми* въ здѣшней *обсерваторіи*. И наблюденія луны милыми обипашельницами нашей планеты, и шихая, сладкая гармонія, снисходившая — будшо бы — съ лучами ночнаго свѣтила изъ другаго дальняго, неизвѣснаго намъ міра, и восторгъ любезныхъ гостей, и ясныя, умныя сужденія молодаго Профессора Машемашики, *Штруве*: все будешъ памятно сердцу моему, пока оно не переспанешъ бишься.

Дерпшъ очень красивый городокъ. Онъ имѣешь порядочную площадь. Гранитный мостъ его чрезъ рѣку Эмбахъ, построенный по повелѣнію Императрицы Екатерины II и стоившій казнѣ 60.000 рублей, можешь почестся однимъ изъ лучшихъ его украшеній. Зданіе Университета величественно; оно стоитъ на древней городской площади, на копорой была Шведская церковь. Прекрасна, живописна высока, обладающая городомъ, съ ея *обсерваторією*, въ видѣ храма построеною, и съ развалинами древней *соборной церкви*, въ копорой помѣщена нынѣ Университетская библіотека, съ большимъ вкусомъ и умѣньемъ расположенная!

Выгодное положеніе Дерпша между Ригю и Пепербургомъ, частое посѣщеніе его путешественниками, спеченіе въ немъ окружнаго дворянства, выгоняемаго изъ деревень своихъ суровою зимою и привлекаемаго въ городъ различными веселостями, съ копорыми знакомитъ его сосѣдняя столица; бывающая въ Январѣ ярмарка, куда сливаются богатства Пепербурга, Москвы, Риги, Ревеля и Бѣлоруссін, и къ копорой

удовольствія приглашаютъ Нѣмцевъ и Русскихъ; наконецъ украшающій его храмъ Лифляндскихъ и Эспляндскихъ Музъ, покровительствуемыхъ Великимъ Монархомъ: все сіе дѣлаеть Дерпшъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ городовъ Россіи.

Г. Дерптѣ, 12 Марта. Въ пребываніе мое здѣсь, В. А. Жуковскій и А. Ѳ. Воейковъ изъявили желаніе имѣть Исторію города сего, достойнаго примѣчанія по мѣсту, занимаемому имъ въ лѣтописяхъ наукъ и полирики. Я трудился тогда надъ сею Исторією; но хозя и обѣщались сіи знаменитые Лишперашоры бытъ снисходительными, я не смѣлъ показашъ имъ трудовъ моихъ, по робости, свойственной молодымъ писателямъ, не надѣющимся на знанія и способности свои. — Предлагаю здѣсь не большой отрывокъ вступленія въ Исторію города Дерпша и крапчайшую выписку изъ самой Исторіи: занявъ нѣсколько страниць въ моей записной книгѣ, они не обременятъ ее.

. . . . Историкъ одного города, дѣйствуя на такой пѣсной сценѣ, копорой предѣлы не осмѣливается ни распротранить, ни перешагнуть, не менѣе того дѣйствуешь для пользы согражданъ и заслуживаешь хотя не большаго ихъ вниманія. И у него являюся геніи — хранители челоувѣчества — неизмѣнная любовь и уваженіе народовъ; и у него встрѣчаюся сильныя злодѣи — мгновенное пугалище современныхъ и вѣчная ненависть потомства! Пользуясь опшчаспи правомъ наславлять людей, онъ сверхъ того дославляешь намъ любопытныя свѣденія объ уголкѣ земли, извѣстномъ намъ, можешь бышь, по одному слуху; говоришь о бурныхъ и счастливыхъ происшествіяхъ, въ немъ случившихся и для насъ еще новыхъ; рассказываетъ намъ о нравахъ и обычаяхъ его жиптелей, намъ совершенно незнакомыхъ. По возложеннымъ на себя обязанностямъ бышописателя, окруживъ себя испочниками, въ копорыхъ почерцашь ему легче и способнѣе нежели другимъ, опш нихъ болѣе удаленнымъ, онъ бросаешь, съ своей стороны, свѣтъ на Историю цѣлой обласпи и даже Государства, пригошов-

ляеть для нее матеріалы очищенные разборомъ и прудомъ, и служишь ей вѣрнымъ помощникомъ въ обширныхъ и важныхъ занятіяхъ ея также, какъ и сія служишь помощницею Исторіи всемірной.

При начертаніи Исторіи Дерпта были мнѣ пушеводителями Лифляндскіе лѣшписцы, изъ копорыхъ наиболѣе слѣдовала *Ленцу*, уроженцу Дерптскому. И кому могъ я смѣлѣе повѣришься, какъ не быпописателю города, въ спѣнахъ копораго видѣлъ онъ колыбель свою, возросъ и получилъ счастливѣйшее образованіе ума и сердца? . . . , Истина всегда и повсюду возьмешь дань ей должную.

. . . . Дерптъ занималъ нѣкогда въ Исторіи доспойное и, нѣкопорыми періодами, блестящее мѣсто. Основаніе его Русскимъ Государемъ—основаніе, исполненное дальновидной и мудрой политики; временное владычество сего города надъ Лифляндією; смѣлость, съ копорою онъ неоднократно принималъ и велъ войну съ пограничными державами; связи его съ Ганзою, гордившеюся имѣть его въ союзъ своемъ, и цвѣшущее состояніе его торговли; права имѣть вышнее

судилище и битъ собственную монету; на-
 родонаселеніе его во время Епископскаго
 правленія; твердость и великолѣпіе его зда-
 ній, копорыхъ слѣды видны еще въ разва-
 линахъ и въ основаніяхъ ихъ при поспрое-
 ній новыхъ домовъ; наконецъ любимое въ
 немъ приспанище Лифляндскихъ и Эсплянд-
 скихъ Музъ: всѣ сіи предметы заслужива-
 ютъ того, чшобы говорить о нихъ согра-
 жданамъ своимъ. Они достойны пера Ис-
 торика—хотя не шакого, копорый вели-
 кими подвигами на поприщѣ Словесности
 обратилъ уже на себя общее вниманіе, но
 по крайней мѣрѣ шакого, копорый *хочетъ*
 на семъ поприщѣ испытать свои силы, и
 шествуя издали за исполиномъ, приучать
 младенческія, робкія стопы свои шагать
 ему подобно.

Въ Истории Дерпта видны также мрач-
 ные промежутки нѣсколькихъ лѣтъ, въ ко-
 торые городъ сей представлялъ единст-
 венно груды пепла и совершенное опустѣ-
 ніе. Обладаніе имъ было предметомъ пяши
 сильныхъ Державъ. Онъ выдержалъ четыр-
 надцать осадъ и одиннадцать разъ былъ взятъ
 присшупомъ. Во время Епископскаго пра-

пленія чума опустошила его. Часто судьба его придавала новый блескъ вѣнцу Государей, или помрачала счастливую звѣзду ихъ; не рѣдко увлекала она въ стремленіи своемъ учась сосѣднихъ народовъ: — шакъ нѣкопорые опрывки, опъ грозной скалы опдѣлившіеся, ускоряють ея паденіе; шакъ присоединеніе нѣсколькихъ камней утверждаеть прочность цѣлаго зданія. . . .

Краткая выписка изъ Исторіи
города Дерпта.

Дерптъ есть древнѣйшій городъ въ Лифляндіи. Самая Рига должна уступитъ ему сшаршинство 170 лѣтъ. Ярославъ, или *Юрій Владиміровичъ*, Великій Князь Новгородскій и Кіевскій, усмиривъ Лифляндію, сбросившую было съ себя владычество Русскаго вѣнца по смерти Свяшаго Владиміра, заложилъ Дерптъ въ 1030 году, почему онъ получилъ названіе *Юрьева*, кошорое и нынѣ носятъ. Симъ основаніемъ желалъ конечно Русскій Вѣценосець обезпечить пріятія свои на обладаніе цѣлой Лифляндіи,

и въ сосѣднихъ ей земляхъ со временемъ болѣе и болѣе утвердисься. Полишика Ярослава въ семь случаѣ ознаменовалась не одною силою; покоренная обласшь видѣла въ немъ всегда своего благодѣшеля и справедливаго, мудраго судю. Послѣ него владычество Русскихъ Князей надъ симъ краемъ—владычество легкое и благошворное, не возмущаемое внутренними раздорами и внѣшними непокойствами—сохранилось посполно близъ спа лѣшь. За симъ долговременнымъ спокойствіемъ послѣдовали беспрепятанныя возмущенія, чему причинами были или новый образъ правленія новыхъ владыкъ, или дикіе нравы жишелей. Знамя бунша часто развѣвалось надъ спѣнами Дерпта. Крестноосцы, наводнившіе попомъ Лифляндію для обращенія язычниковъ на путь истины, завоевали сей край. Основашель Риги, претій Епископъ Ливонскій, ошважный и прозорливый *Албертъ*, овладѣвъ Дерптомъ, сдѣлалъ его Епископствомъ и подарилъ ему въ окружности земли. 29 Епископовъ Дерптскихъ, изъ кошорыхъ первый былъ *Германъ Апелдеренъ*, а послѣдній *Германъ Вейландъ*, въ продолженіе 314 лѣшь

возвели управляемый ими город на самую блестящую степень величія и богатства. Могущество *Иоанна Васильевича* предославлено было сокрушить сей колоссъ, дѣлавшійся опаснымъ и для Русскаго вѣнца. Дерпшъ покорень послѣдному въ 1553 году *Петромъ Ивановичемъ Шуйскимъ*. Плененный въ сіе время Епископъ *Вейландъ* былъ отвезенъ въ Москву, гдѣ кончилъ жизнь свою и прекратилъ собою существованіе Епископства. — Въ 1560 году послѣдній Орденмейстеръ, *Готтардъ Кеттлеръ*, уступилъ свои владѣнія Королю Польскому *Сигизмунду Августу* и принялъ свѣтскій санъ съ достояніемъ Герцога Курляндскаго и Лифляндскаго. Съ нимъ кончилось правленіе ордена Рыцарей меча. Съ сего времени началось, что раздоръ бросилъ яблоко свое между тремя сильными Державами. Эстляндія и Ревель находились уже давно во владѣніи Шведовъ; бывшее Епископство Дерпшское, съ нѣкоторыми другими округами, принадлежало еще Россіи; вся остальная часть Лифляндіи была во власти Польши. Ошъ сего раздѣленія произошла кровопролитная и продолжительная война,

успѣхи коюторой переходили изъ рукъ въ руки, а послѣдствіемъ было опустошеніе земель, занимаемыхъ перемѣнными побѣдителями. — Въ 1682 году Дерпшъ уступленъ Россією Польшѣ по договору, заключенному въ деревнѣ Кивергогоркѣ (*), между Псковомъ и Пороховомъ. — *Густавъ Адольфъ*, Король Шведскій, наслѣдовавъ войну отъ отца своего, кончилъ ее завоеваніемъ всей Лифляндіи. Дерпшъ взятъ былъ при штурмѣ въ 1626 году. Сей великій Государь, соединявшій въ себѣ качества Героя и мудраго Правителя, приложила попеченія своя о внутреннемъ благоденствіи побѣжденныхъ имъ земель. *Скитте*, бывшій Гофмейстеръ его, одаренный глубокою ученостію и рѣдкими познаніями, назначень былъ Генераль-Губернаторомъ Лифляндіи. Вѣра, правосудіе, земледѣліе, торговля и науки приведены имъ въ цвѣтущее состояніе. Дерпшъ сдѣлался средоточіемъ власши судебной и просвѣщенія цѣлаго края.

(*) Такъ называется ее Ленць. См. Намертаніе его Исторіи города Дерпша, посвященное Государю Императору.

Въ 1630 году *Скитте* основаль въ семь городъ Гимназію, соспоавшую изъ восьми училелей, получившихъ въ послѣдствіи шипуль Профессоровъ, изъ которыхъ прославились познаніями своими: *Самсонъ* въ Богословіи, *Гевельнъ* въ Философіи и *Штруберъ* въ Физикѣ. Въ 1632 году училище сіе переименовано было въ Университетъ. Дѣспойный Намѣшникъ Лифляндіи начерпалъ оному планъ, а Гуспавъ Адольфъ ушвердилъ и подписалъ его въ Нюренбергѣ 30 Іюля тогожь года, посреди грома войны, которою онъ тогда занимался. 15 Октябрия былъ Университетъ торжешественно освященъ. — Королева *Христина*, дочь Гуспавъ Адольфа, вопреки извѣспной ея любви къ наукамъ и спаранію покровительствовати имъ, не только что мало излила милоспей на сіе ученое заведеніе; но побуждаема будучи непомѣрною роскошью, исчерпавшею государшвенныя сокровища, продала земли, принадлежавшія Университету. Въ послѣдствіи времени былъ онъ возстановляемъ наслѣдниками ея и снова нѣскольکو разъ уничтожаемъ до прочнаго, блистательнаго ушверженія его Императоромъ

*

Александромъ I. — Въ царствованіе Алексѣя Михайловича Дерпшъ увидѣлъ подъ стѣнами своими многочисленное войско Русское; мужественное сопротивленіе не спасло его, и городъ сей въ 1656 году принужденъ былъ сдаться побѣдителямъ. Въ 1661 же году сей самый Царь, въ селеніи Кардисъ, помѣстїи одного Ревельскаго дворянина, заключилъ со Швеціею миръ, копорымъ уступалъ ей Дерпшъ со всѣмъ его округомъ. — Явился Карль XII на кровавомъ горизонтѣ Швеціи; и за нимъ послѣдовали всѣ бѣдствїя войны, ведомой не для охраненїя и блага подданныхъ, но единственнo изъ жажды завоеванїй. Между швѣмъ, какъ мнимый Герой шумѣлъ сраженїями своими въ Саксонїи, Петръ Великій гремѣлъ побѣдами въ Лифляндіи. Нарва и Дерпшъ были первые города, осажденные въ 1704 году симъ Государемъ. Дерпшскїй Комендантъ, Полковникъ Скиште, защищался цѣлый мѣсяць, но принужденъ былъ на конецъ сдать городъ Генералу Шереметьеву. Хотя побѣдоносный Монархъ, при сдачѣ Дерпша, возвратилъ ему всѣ права; но подозрѣвая житейскїе его въ измѣнѣ и шайной перепискѣ со

Швецією, приказаль въ 1708 году сослать большую ихъ часть въ глубину Россіи, уничтожишь укрѣпленія и разрушишь до основанія нѣкопоруя зданія. Полиплика требовала, можешъ бышь, сего ошъ Государя, знавшаго, что Рига и большая часть Лифляндіи принадлежали еще Швеціи, и что Карль содержаль въ Польшѣ многочисленную армію. Поля Полпавскія не гремѣли еще славою Русскихъ — и Петръ Великій не былъ увѣренъ удержашъ за собою забранные въ Лифляндіи города. Нишпедшскій миръ положилъ конецъ бѣдственному сосоянію Дерпша. — Назначено было укрѣпиль городъ сей въ царствованіе Екатерины II, надъ совершеніемъ чего и шрудились уже съ 1763 до 67 года по плану (Фельдцейгмейстера Вилебуа. Одинъ бастіонъ былъ почти опдѣланъ, другія крѣпостныя части заложены были. Но какъ многія окружныя высоты обладають городомъ, то и нашли мѣстоположеніе Дерпша невыгоднымъ для крѣпости; повелѣно было прекратишь начашыя работы, а совершенныя оставишь на будущее время безъ вниманія. Въ послѣдствіи, опдѣланныя укрѣ-

пленія подарены были Университету Государемъ Павломъ I и назначены подъ различныя ученныя заведенія. Желаніе сего Государя было воспановить Университетъ. Разсмошрѣвъ представленный Ему планъ сему ученому заведенію, онъ назначилъ сто Лифляндскихъ десятиныхъ на содержаніе его, 26,000 рублей на поспроеніе зданія и подъ оное городскую площадь, на которой находилась прежде Шведская церковь. Лифляндское, Эспляндское и Курляндское дворянство обязалось, въ теченіе прехъ лѣтъ, выдавать каждый годъ на успроеніе Университета по 40,000 рублей. Но это была только заря счастья для Дерптскихъ Музъ; полдню его назначено было сіять при Александрѣ. Первые шаги Его на Престолю ознаменованы были милоспями къ Дерпту. Его Императорское Величество повелѣлъ нарядить Коммиссію, кошорая должна была положить новое и совершеннѣйшее основаніе Университету. Сія Коммиссіа составлена была изъ особъ, извѣстныхъ Россіи своими познаніями и любовію къ ошечеству. Между ними засѣдали призваны были два Лифлянца: Сенаторъ Графъ

Манштейфель и Тайный Совѣтникъ Финшгофъ. Представленный Государю Императору планъ ученому сему заведенію былъ Имъ благосклонно принятъ, и утверждень въ 1802 году. Между лучшими дарами, сдѣланными Императорскою Фамиліею, сущь безъ сомнѣнія: прекрасный Натуральный кабинетъ и библіотека, подаренные Его Высочествомъ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Сей примѣръ возбудилъ многихъ частныхъ особъ къ различнымъ пожертвованіямъ, чрезмѣрно послужившимъ къ украшенію и увеличенію Университета. Попеченіями Профессора *Паррота*, Кабинетъ Физики приобрѣлъ многія драгоценности; но что болѣе всего занимаетъ, что приноситъ болѣе славы сему ученому заведенію, то это безъ сомнѣнія Военный кабинетъ, надъ устройствомъ котораго трудился почтенный Профессоръ Такшики, Полковникъ *Эйлснеръ*. — Русскую кафедру украшаетъ нынѣ А. Ѡ. Воейковъ. —

Государь Императоръ, посѣщая Дерптскій Университетъ 22 Мая 1802 года, сказалъ: „Я возьму здѣшнихъ Музъ подъ Мои

покровительствую.“ — Сказалъ и даровалъ
 Университету Успенъ благодѣтельный и
 великій. Пускай гений опечествленный гор-
 дится имъ, поставивъ его на оларьъ без-
 смертія!

И. Лажетниковъ.

МАРМОНТЕЛЕВЫ ОПЫТЫ ПО ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ (*).

Вольтеру желательнѣе было видѣть мою трагедію *Аристотель*, прежде нежели она будетъ кончена; и я читалъ ему чешыре дѣйствія, коими онъ былъ доволенъ. Но послѣднее, которое я предполагалъ еще сочинить, приводило его въ нѣкоторое безпокойство, что было не безъ причины: въ чешырехъ актахъ, имъ уже прослушанныхъ, дѣйствіе казалось полнымъ и доведеннымъ еще начала до конца. „Какъ! сказала онъ, вы уже думаете вторюю вашу трагедію пресшупить общія правила? Когда я сочинилъ *Смерть Кесаря*, въ трехъ дѣйствіяхъ, то это именно для училища, и имѣлъ въ оправданіе свое необходимость, въ слѣдствіе которой обязанъ былъ не вводить туда, какъ только лица мужчинъ; а вы распо-

(*) Изъ сочиненія Мармонтеля: Памятныя записки опца, служація къ наставленію его дѣтей.

лгашь дашь, на большомъ театръ, при
 всей свободѣ, такого содержанія искажен-
 ную въ чешырехъ дѣйствіяхъ, снранной
 формы піэсу, чему примѣра не было! Такая
 вольность, въ ваши годы, грозитъ опасно-
 стію, кошорой, не знаю, какъ вы избѣжи-
 ще.—Да я, ошвѣчалъ ему, совсемъ не имѣлъ
 намѣренія опваживаться на сію вольность;
 у меня въ головѣ піэса расположена на нѣшь
 дѣйствій, и надѣюсь всѣ наподнишь.—Какимъ
 образомъ? спросилъ онъ меня; я слышалъ
 уже послѣдній актъ; всѣ другіе идущъ по-
 сшепенно; и вы не думаете ли взятъ на-
 чало дѣйствія гораздо выше?—Не думаю,
 ошвѣчалъ я; дѣйствіе начнешь и кончип-
 ся, какъ вы уже видѣли; оспаднее же есшъ
 шайна. Соображенія мои, можетъ быть, глу-
 пы; но какъ бы ни было опасно мое пред-
 пріятіе, мнѣ надобно опважипсь на оное;
 и ежели вы ошнимите у меня бодрость,
 що весь трудъ мой будетъ пошерянь. Хо-
 рошо! другъ мой, ошвѣчалъ онъ; продолжай,
 не робѣй, опваживайся: ашо всегда быва-
 ешъ добрымъ признакомъ. На семъ поври-
 щѣ, какъ и на военномъ, почаству смѣлая
 дерзно венность шоржешвуешъ: величай-

шія трудности вознаграждаются величайшими красотою.”

Во время пераго представленія, онъ разсудиль сѣспь позади меня въ моей ложѣ; и я обязуюсь сказать съ признащельностію, что онъ также, какъ и я самъ, чувствоваль препешъ и содроганіе. „Теперь скажи мнѣ, спросиль онъ, прежде нежели подняди занавѣсъ, откуда взяли вы цѣлой актъ, котораго у васъ не было? Я ему напомнилъ, что въ концѣ вѣпораго сказано было о жень и сынѣ Аристомена, которыхъ будущъ судить, а въ началѣ прешьяго узнали, что они уже осуждены. „И щакъ, продолжалъ я, эщо осужденіе, которое предподагалъ я происходящимъ въ междодѣйствіи, вывелъ его на сцену.—Какъ! уголовный судъ на шепрѣ, вскричалъ онъ; вы меня приводите въ препешъ.—Такъ, опивчалъ я ему; это неизбѣжный подводный камень; одна Клеронъ можетъ спасти меня ошъ кораблекрушенія.

Аристотелъ столько же хорошо принялъ, какъ и *Діонисій*. Вольшеръ, при каждомъ рукоплесканіи, пожималъ у меня руку. Но больше всего удивило и привело его

въ восторгъ дѣйствіе шретьяго акта. Когда онъ увидѣлъ Леониду въ оковахъ, какъ преступницу, которая явившись среди судей, предстоить величественно, поражаетъ собою сцену и сердца зрителей, обращаетъ свое заищеніе въ обвиненіе, указываетъ между Сенаторами добродѣтельныхъ друзей Аристомена и вѣроломныхъ его злодѣевъ; нападаешь на сихъ послѣднихъ и укоряешь ихъ въ малодушіи, тогда, при шумѣ рукоплесканій и кликъ: *Браво, Клеронъ!* Вольперъ громко вскричалъ: *maeste animo, generose puer!*

Подлинно, никто болѣе меня не чувствовалъ, сколько со споровы моего таланта я былъ недостойнъ сдѣлаться предметомъ его зависти. Впрочемъ успѣхъ былъ такъ великъ, что онъ могъ бы завидовать, ежели бы имѣлъ сію слабость. Нѣтъ, Вольперъ имѣлъ такое чувствіе собственнаго превосходства, что не опасался обыкновенныхъ дарованій. Спастся можешь, что новый Корнель, или новый Расинъ, возбудили бы въ немъ досаду; но не такъ легко повѣрить, чтобы они нарушили спокойствіе

творца *Заиры, Альзиры, Мерапы и Магомета.*

При первомъ представленіи *Аристомена*, я опять принужденъ былъ показаться на сценѣ; но, при послѣдующихъ, друзья мои сами мнѣ совѣповаали не показываться болѣе при вызовахъ публики.

Одно происшествіе подорвало мой успѣхъ и возмутило спокойствіе. Акшеръ, Розелли, игралъ роль Арсира, друга Аристоменова, и игралъ ее съ искусствомъ и жаромъ. Онъ не былъ ни красивъ, ни снпашень; а въ произношеніи имѣлъ даже заикливостъ довольно ощушительную. Впрочемъ онъ совершенно прикрывалъ свои недоспапки приличіемъ дѣйствія и израженіемъ полнымъ ума и души. Ему-то приписываю я весь успѣхъ развязки узла моей трагедіи; и въ самомъ дѣлѣ, вошь какъ онъ его разрѣшилъ, когда въ послѣднемъ явленіи, говоря объ опредѣленіи Сенаша, онъ сказалъ:

Theonis le défend et s'en nomme l'auteur;
шо примѣшивъ, что въ публикѣ возсшаешь
негодование, шопчасъ уснвремившись къ пар-

перу, съ самымъ сильнымъ напряженіемъ, какъ бы желая успокоить его, произнесъ:

Je m'élançai, et lui plonge un poignard dans le
cœur.

Казалось, что при такомъ усилии и шло-движеніи, съ каковымъ выразилъ онъ сіи слова, видѣли пораженнаго Феониса; а сіе впечатлѣніе, произвело въ зрителихъ восшоргъ радости.

Послѣ шестнаго представленія, среди самаго моего торжества, меня извѣстили, что Розелли спрдаешъ просудую въ груди, и предлагали, для занятія его роли, другаго неспособнаго актера. Я считалъ великимъ предубѣжденіемъ подорвать къ себѣ расположеніе цѣлой публики, — а унизишь предъ нею собственное швореніе, признавалъ величайшимъ зломъ. А потому просилъ отсрочить представленіе до выздоровленія Розелли; и *Аристоменъ* не прежде, какъ уже въ слѣдующую зиму, опять явился на театрѣ.

Послѣ того, въ первое его представленіе, публика была такъ довольна онымъ, что опять вызывала сочинителя. Я рѣшился не показываться на сцену и сидѣлъ, припаясь, въ углу ложи. Одинъ зритель изъ

партера, замѣшивъ меня, закричалъ: *вотъ онъ!* Ложа находилась прошивъ амфитеатра; потчасъ весь партеръ лицомъ оборотился ко мнѣ; и я долженъ былъ показаться и оцѣвѣшествовать поклонами шакой новой благосклонности.

Человѣкъ который изъ глубины своей ложи вывелъ меня за руку, чшобъ показать публикѣ, займешь въ сихъ *палатныхъ запискахъ* значительное мѣсто, во первыхъ пошому, чшо онъ мнѣ сдѣлалъ зло, желая мнѣ добра; во вторыхъ, чшо товарищество его имѣло привлекательныя и вредныя для меня пріятности. Это былъ Г. Поплиньеръ. Со времени успѣховъ *Дюжиса*, онъ меня совершенно привязалъ къ себѣ. Впрочемъ, въ ту эпоху, о которой я говорю, имѣшь смѣлость открыть мнѣ свой сельскій домъ вмѣсто убѣжища, значило подвергаться гнѣву сильнѣйшаго человѣка, котораго я оскорбилъ. Сіе-то гостепріимство заставило меня ошмѣнно полюбить благороднаго хозяина. Опасность, ошъ кѣпорой онъ меня избавлялъ, была слѣдствіемъ одного изъ проясшеній въпреной моей молодости, описаніе коего послужитъ урокомъ

для моихъ дѣшей—бышь благороднѣе ихъ
родителя.

Тогда, какъ я квартировала еще въ Люксембургской часши, спарая актриса комической Оперы, Дарима, пріятельница дѣвицы Клеронъ, и вышедшая за мужъ за Дюранси, актера провинціальной труппы, разрѣшилась отъ бремени въ Парижѣ и убила мою актрису бышь, по ея случаю, у ней воспріемницею, а меня воспріемникомъ. Въ слѣдъ за симъ крещеніемъ, моя кума, Дюранси, бывъ со мною вмѣстѣ у Клеронъ и слышавъ мои сужденія объ искусствѣ декламированія, сказала мнѣ однажды: „Кумъ, хотише ли, чшобы я вамъ доставила молодую и прекрасную актрису для обученія оному? Она крайнѣ желаетъ явиться въ первой разѣ въ трагедіи, и заслуживаетъ то, чшобы вы взяли на себя трудъ дать ей нѣсколько уроковъ. Это дѣвица Верриеръ, одна изъ любимыхъ и ближайшихъ особъ Маршалу Саксонскому. Она вамъ сестра; умна, живетъ очень скромно съ матерью и сестрою. Маршалъ, какъ вамъ извѣстно, отправился къ Прусскому Королю; и выишь желательнѣе доставишь ему, по возвра-

щенія, удовольствіе видѣть свою куклу на театрѣ, представляющую лица *Заирь* и *Ифигеніи* лучше самой дѣвицы Госсень. Ежели вы согласны принять на себя эту обязанность, то завтра я васъ ей представлю: мы обѣдаемъ у ней вмѣстѣ.

Похожденія мои съ дѣвицею Наварръ не совсемъ опдалили меня ошъ Маршала Саксонскаго; напрошивъ онъ изъявилъ мнѣ свою благосклонность; и прежде нежели *Аристоменъ* поступилъ на театрѣ, онъ просилъ меня прочиташъ его предъ нимъ. Чтеніемъ симъ онъ занимался съ удовольствіемъ; роль *Аристомена* ошвѣдно его распростала, а роль *Леониды*, по мнѣнію его, была подлинно трагическая. „Но, Боже мой! сказалъ онъ, какая дурная голова у этой женщины! Я бы ни за что не хотѣлъ имѣть ее.“ Вошъ въ чемъ соспохла вся его критика. Всемъ прочимъ онъ оспался доволенъ, что доказалъ мнѣ своею благородною ошкровенностію, кошорая показывала въ немъ ироя.

И шакъ я восхищался ошъ радости, что мнѣ представился случай сдѣлать для него вѣчто угодное, и со всею невинностію, хо-

шия впрочемъ весьма неблагоразумно, принялъ сдѣланное имъ предложеніе.

Покровительствуемая особа Маршаломъ была одна изъ его любовницъ, представленная къ нему на семнадцатомъ году. Онъ прижилъ съ нею дочь, сдѣлавшуюся послѣ извѣстною и вышедшую за-мужъ подъ именемъ Саксонской Авроры. При рожденіи сего дитяти, онъ упрочилъ мащери ея доходу около ста луидоровъ, и кромѣ того ежегодно давалъ ей по пяти сотъ на прожитіе; послѣ же любилъ ее не болѣе, какъ дружески, пощому что ея пріятность, просподушіе и природная робость потеряли въ глазахъ его свою приманчивость. Извѣстно, что Маршалъ сей при благородной и вмѣстѣ гордой душѣ, имѣлъ веселой нравъ. По склонности, равно какъ и по принятой системѣ, хотѣлъ и въ самой арміи жить всегда среди забавъ, говоря, что Французы охотнѣе идутъ на сраженіе, когда бывають веселы, и что они всего болѣе во время войны опасаются скуки; а пощому въ лагеряхъ у него всегда находилась Комическая Опера. Среди таковыхъ-то зрѣлищъ онъ давалъ приказанія вступать въ битву, — и,

во время представленія, между двухъ піесъ; первая актриса извѣщала: „*Где. завтрашній день театръ закрытъ, по причинѣ сраженія, которое налѣвчается дать Г. Маршалъ; послѣ завтра: Сельской Пѣтухъ, Рѣзвые Амурь и проч.*“

Двѣ актрисы сего театра, Шанпилья и Боменаръ, были двѣ любимыя его особы. ихъ соперничество, капризы, ревность, *болѣе всего беспокоили*, какъ онъ говаривалъ, *нежели Гусары Венгерской Королевы*. Сии-то актрисы поселили въ немъ холодность къ дѣвицѣ Наварръ. Онъ находилъ въ ней слишкомъ много важности, и недовольно угодливости и преданности. Дѣвица Верриеръ, большепростодушная и безхитростная, не имѣла гордости его оспаривать у своихъ соперницъ; она, кажешся, полагаясь на свою красоту, не домогалась нравиться, выдерживая одинаково любезность характера и беззаботность быть любимую.

Мы повшоряли первыя сцены Заирь и Оросмана. Ея осанка, голосъ, чувствительныя взгляды, чистосердечный и скромный видъ, совершенно соотвѣтствовали ролю; я же въ собственной своей употреблялъ

весь жаръ и все усиліе. При вѣпоромъ нашемъ урокѣ, слова: *Заира, ты слезы проливаешь!* были камнемъ прешкновенія для моей мудрости.

Способность моей ученицы содѣлала меня самаго опшѣнно прилѣжнымъ, что впрочемъ не умедлили перешолковать злонамѣренно въ худую спорону. Маршаль, находившійся тогда въ Пруссіи и увѣдомленный о нашей связи, жестоко разгнѣвался, что впрочемъ совсемъ неприлично было великому челоуьку. Въ слѣдствіе чего, ошпановивъ ежемѣсячную ей выдачу пшшдешапи луидоровъ, приказаль объявить, что онъ съ того времени не хочеть болѣе видѣть ни матери, ни ея дочери. Слово сдержано; и не прежде, какъ по смерти его и при нѣкошоромъ моемъ посредствѣ, Аврора была признана и воспитываема въ монашпырѣ, въ качествѣ дщери сего ироя.

Ошпавленная моя Заира и я, мы оба раздѣляли свою горешть. Я просиль ея принять сорокъ луидоровъ, накопленныхъ мною ошъ продажи новой шрагедіи. Дѣвица Клеронъ и всѣ друзья мои совѣшовали намъ разлучишься, по крайнѣй мѣрѣ, на нѣкошорое

время. Мы послѣдовали ихъ совѣту; но разлука сія какихъ намъ стоила слезъ!

Маршалъ возвратился. Я со всѣхъ споронъ слышалъ, что онъ весьма негодуешь на меня. Послѣ узналъ я отъ Маршала Левендаля и двухъ другихъ его пріятелей, Сурдуса и Флавакура, что имъ немалого стоило труда успокоить первое движеніе его гнѣва. Въ собраніяхъ, при Дворѣ, при самомъ Королѣ, не смѣлся онъ говорить, что эпостъ мадой, негоднѣй-спихотворецъ, переманилъ отъ него всѣхъ любовницъ; доказывалъ письмо, украденное у Верриеръ въ-родомнымъ ея лакѣмъ. Къ счастью, въ семъ письмѣ, я прописывая о своей трагедіи *Клеопатра*, между прочимъ упомянулъ, что Антоній былъ *иной въ любовныхъ и военныхъ дѣлахъ*. „А! говорилъ Маршалъ, сего Антонія вы конечно понимаете, кто онъ таковъ.“ Сіе примѣненіе, о которомъ я совсемъ не думалъ, ему польстило и вѣсколько успокоило.

Между тѣмъ я имѣлъ такую опчаянную предприимчивость, что даже рѣшался, хотя бы то стоило мнѣ жизни, опмстить ему, ежели только онъ сдѣлаешь мнѣ ка-

кую нибудь обиду. Въ семь зашруднипельномъ положеніи Г. Поплиньеръ предложилъ мнѣ удалиться къ нему въ деревню; а съ другой стороны Принць Тюрень облегчалъ мою печаль по случаю неизбѣжной разлуки съ несчастною моею Заурою.

Сей Принць, встрѣясь со мною однимъ вечеромъ во Французской комедіи, сказалъ: „Вы виною, что Маршалъ бросилъ дѣвицу Верриеръ: дайте мнѣ слово болѣе съ нею не видашься; ея положеніе поправится.“ Это предложеніе изъяснило мнѣ шайну нашего послѣдняго свиданія въ Булонскомъ лѣсу и ея слезъ при расставаніи со мною. „Хорошо, Принць, ошвѣчалъ я: даю вамъ слово, котораго вы шребуеште. Пусть дѣвица Верриеръ будетъ благополучна съ вами; соглашаюсь болѣе не видѣться нею.“ Онъ взялъ ее къ себѣ; а я выполнилъ вѣрно свой обѣщъ.

Возвратившись въ сельской домъ, совсемъ не похожій тогда ни на то, что онъ былъ, и ни на то, чемъ онъ послѣ сдѣлался, я имѣлъ все время предаваться размышленіямъ о себѣ самомъ. Я обращалъ взоры на пропащъ, окрещъ кошорой блуж-

даль задумчиво. Ирой Фоншенейскій, обожа-
 емый армією и цѣлою Францією, человекъ,
 къ которому всѣ высшія сословія были ра-
 сположены съ наилучшимъ уваженіемъ, и
 котораго самъ Король принималъ со всѣми
 почестями опличія, сей человекъ былъ шопъ,
 котораго я оскорбилъ, не имѣя даже изви-
 ненію своему заблужденія слѣпой любви.
 Сія неосторожная и слабая дѣвица не скры-
 вала предо мною, что она ему принадлежа-
 ла за его милосши и какъ опцу ея дочери.
 Я шакъ хорошо зналъ, и шакъ былъ увѣ-
 ренъ объ угрожавшей намъ опасносши, что
 когда не во время къ ней прокрадывался,
 всегда обнималъ меня препенъ. Ее самую
 шакже находилъ и осшавлялъ въ ужасномъ
 безпокойствіи. Не знаю, за какое бы дру-
 гое удовольствіе мы согласились плашпшь
 очевидною опасносшію бытъ поиманными и
 избличенными. И ежелибы Маршаль, увѣ-
 домленный о моей дерзосши, самъ не удосто-
 ивъ меня лишпшь жизни, приказалъ шоль-
 ко одному изъ своихъ слугъ меня опшоп-
 чивашъ какъ должно, шо я знаю, на что
 шогда рѣшался, чего и шеперь предшавилъ
 не могу безъ ужаса. „Ахъ! дѣши мои: пре-

нещипте подобно мнѣ и избѣгайте опасностей пылкой молодости, которая на все опиваживается для случайной и минувной связи, имѣя въ виду одну приятность и наслаждение. Я указываю вамъ подводный камень, чтобы предохранить васъ отъ кораблекрушенія.“

Спустя нѣсколько времени Маршалъ умеръ. Онъ подь конецъ уже сдѣлался ко мнѣ великодушень, какъ баснословный левъ къ мышонку. При первомъ предспавленн *Клеопатры*, онъ выходя изъ ложи своей и прямо встрѣтясь со мною въ корридорѣ (тутъ я весь измѣнился въ лицѣ), явилъ особенную милость сказать мнѣ: *Очень хорошо, Сударь, — очень хорошо!* Послѣ я искренно сожалѣлъ объ немъ, какъ о защитникѣ моей опчизны и о благородномъ человекѣ, которой меня просили; и, чтобы почтить его память, сочинилъ ему слѣдующее надгробіе:

A Courtray Fabius, Annibal à Bruxelles,
Sur la Muse Condé, Turenne sur le Rhin,
Au Léopard farouche il imposa le frein,
Et de l'aigle rapide il abbattit les ailes.

Д. Вороновъ.

ЦАРСТВОВАНИЕ И СМЕРТЬ СЕРВІЯ ТУЛЛІЯ.

(Изъ книги *Титта-Ливія*, Гл. 39 — 48.)

... Въ сіе время случилось при дворѣ чудо, по виду и происшествію необыкновенное, удивительное. Сказываютъ, что у спящаго опрока, именемъ Сервія Туллія, загорѣлася голова въ присутствіи многихъ. Самъ Царь и супруга его, встрѣвоженные крикомъ свидѣтелей сего чуда, прибѣжали въ спальню опрока. Одинъ изъ придворныхъ принесъ было воды для потушенія пламени; но Царица, удержавъ его за руку, повелѣла всѣмъ умолкнуть и дожидаться пробужденія опрока. Онъ проснулся, и пламя изчезло. Тогда Танаквилъ отводилъ супруга въ уединенные покои и говоритъ ему: „Понимаешь ли ты сего юношу, такъ низко доселѣ нами воспитаннаго? Знай же, что онъ будетъ намъ нѣкогда свѣпильникомъ въ емушныхъ обстоятельстввахъ и подид-

рою нашего дома въ несчастіи! Попшчимся же воспишашь его какъ юношу, имѣющаго бышь украшеніемъ нашего двора и нашей Имперіи — Съ сего времени Сервій былъ свободнымъ. Его воспишывали какъ опрока, предназначеннаго къ высокому сосшоянію, и сами боги явно благоволили сему предназначенію. Молодой человекъ дѣйствительнѣ имѣлъ всѣ царскія достшюинства; и когда Тарквиній искалъ себѣ зятя, шо ни въ комъ изъ Римскихъ ювошей не могъ найти достшюинѣшаго, какъ въ Сервіи, за кошораго и опдалъ дочь свою. Сіе предпочшеніе, Сервію Царемъ оказанное, совершенно опровергаешь плѣ слухи, что будшо Туллій проишошелъ опъ рабы и самъ былъ рабомъ. Я наиболѣе держуся мнѣнія шѣхъ, кошорые повѣствуюшъ, что, по взятіи Корникула, взяша была между плѣнными беременная — супруга Сервія Туллія, Князя сего города, въ сраженіи павшаго; что по особенной знашности уволена была опъ рабства Римскою Царицею, и въ домъ Тарквинія разрѣшилась опъ бремени. Младенець, по дружескимъ связямъ между его машерью и благодѣшельницею, Танаквиллою, опъ колы-

бели воспитывался при дворѣ царскомъ, и пользуясь ласками Царицы, а послѣ уваженіемъ самаго Царя, составилъ такимъ образомъ и счастье своей матери. Вошь почему думаешь, что онъ произошелъ отъ невольницы!

На тридцать восьмомъ году царствованія Тарквиніева, Сервій не только снискалъ себѣ уваженіе отъ Государя, но и отъ самихъ Паприціевъ и черни. Между тѣмъ, двое сыновей Анка Марція уже и прежде весьма досадовали на Тарквинія, копорый съ помощію опекунства лишилъ ихъ опцовскаго наслѣдія, и будучи пришельцемъ, не только чуждымъ для Римлянъ, но и вообще для Италіанцевъ, царствуетъ въ Римѣ: теперь еще большею воспылали злобою, видя, что и по смерти Тарквиніевой скипшрѣ Римскій не къ нимъ возвратится, но перейдетъ въ руки раба недоспойнаго; что послѣ сна лѣпш, шѣмъ самымъ народомъ, надъ копорымъ царствовала Ро-муль, отъ бога происшедшій, и самъ по кончинѣ жизни учинившійся богомъ, шѣмъ народомъ управлять будешь рабъ, рожденный рабою — и тогда, когда мужеское

поколѣніе Анка еще существуесть! Какое безчестіе для имени Римскаго, для дома Царскаго? Не только пришельцамъ, но и рабамъ отккрытъ престоль Римскій!! — Они рѣшились омышь пачно сіе кровію. Но ихъ злоба напаче искала погибели шеспя, нежели зяпя. Они видѣли, что умерщвленный Сервій оставишь за себя мстителемъ Государя, а не частнаго челоуѣка: припомъ, Тарквиній найдешъ себѣ другаго зяпя и сдѣлаешъ наслѣдникомъ престола. И такъ вознамѣрились уловишь въ сѣпи свои Тарквинія. Къ сему злодѣянію подговариваюшь они двухъ паспуховъ самыхъ отважнѣйшихъ; вооружаюшь обоихъ обыкновенными ихъ орудіями. Паспухи прямо идушь въ передніе дворца покои, заводяшь между собою жестокою ссору и привлекаюшь къ себѣ царскихъ служителей. Оба хопяшь лично Царю жаловаться; крикъ ихъ доходитъ до внутреннѣхъ комнатъ; ихъ призываюшь къ Царю; оба начинаюшь кричать предъ нимъ вмѣстѣ, заглушая другъ друга. Наконецъ Ликторъ повелѣваетъ каждому говоришь по рознь, и одинъ изъ нихъ начинаешъ свою

нарочно выдуманную жалобу. Между тѣмъ какъ Тарквиній обратился къ разкащику, другой заноситъ сѣкиру, поражаетъ его въ голову и, оставивъ орудіе въ ранѣ, бросающа оба изъ покоевъ.

Умирающій Тарквиній падаетъ на руки окружавшихъ его служителей. Ликторы схватываютъ злодѣевъ. Народъ волнуется. Съ изумленіемъ спрашиваютъ другъ друга о случившемся во дворѣ приключеніи. Между тѣмъ Танаквилъ повелѣваетъ заперѣть чертоги царскіе. Высылаетъ зрителей. То приготавливаетъ нужныя для умирающаго пособія, если шолько пособить можно; то выдумываетъ другія средства на случай его смерти. Призываетъ Сервія, указываетъ ему на окровавленнаго супруга и, схвативъ его за руку, молитъ: „да отмстишь смерть своего тещя; да не оставитъ на посмѣяніе злодѣямъ свою пещу. Сервій, говоритъ она: пресполь швой, если ты мужъ, а не пѣхъ, которые совершили сіе злодѣяніе чуждыми руками. Возспанъ, о Сервій! послѣдуй за руководствующими тебѣ богами. Они явственнo предвозвѣспили будущую славу главъ швоей, окруживъ ее нѣ-

когда огнемъ божественнымъ. О! да подвигнешъ себя нынѣ огнь сей! Теперь-шопробудися Сервій! и мы царствовали, бывъиноземцами. Что нужды, къмы шы рождень? помни, кто шеперь шы! Если сія нечаянностьъ зашрудняешъ швою рѣшимость, шо слѣдуй моей!“—Между шѣмъ, волнующійся народъ выходилъ изъ повиновенія и Танаквилъ изъ верхней части дворца, открывши окна, къ новой улицѣ обращенныя (ибо Царь жилъ прошивъ Юпитера Спашора), говоритъ къ народу, повелѣвая успокоиться; увѣряешъ его, что внезапный ударъ привелъ Царя шолько въ безпамятство, и желѣзо не далеко вонзилось въ шѣло; что онъ уже пришелъ въ себя; что по обмышии крови нашли рану несмертельную; что на другой же день увидяшъ его самого; что онъ повелѣваетъ между шѣмъ повиноваться Туллію, которому поручаетъ судопроизводство и прочія царскія должности. Въ сіе время Сервій, съ шолопою Ликпоровъ, являешся народу въ Трабсъ, и занявъ Царское сѣдалище, иное рѣшишъ самъ, иное оспавляешъ, какъ бы до свиданія съ самимъ Царемъ; и подъ видомъ вре-

меннаго правителя, до того утвердился на престолѣ, что когда вопль двора обнаружилъ истинное положеніе Дома царскаго, онъ окруженный сильною стражею, первый, безъ согласія народнаго, но по единой шолько волѣ Паприціевъ, началъ царствовать въ Римѣ. Дѣти Анковы, услышавъ о захватеніи своихъ повѣренныхъ, о смерти Царя, о могуществѣ Сервія, удалились въ Свессу Помешію.

Сервій хотѣлъ оградить престолъ свой не шолько обществеными, но и домашними постановленіями. Опасаясь, дабы Луцій и Арунсъ, дѣти Тарквинія, не питали такой же злобы и къ нему, каковую дѣти Анка Марція къ Тарквинію, выдалъ за нихъ дочерей своихъ. Однако сіи человѣческія мѣры не могли преодолѣть необходимости рока. Чесплобіе скоро посѣяло раздоръ въ его семействѣ и породило ужаснѣйшія злодѣянія между кровными. Весьма кспзати, при наспоющемъ спокойствіи Римлянъ, случилась война съ Веннами и прочими Эпрускими народами, съ коими кончилось время перемирія. Ибо Сервій шолікимъ ознаменовалъ себѣ въ ономъ мужествомъ и сча-

спіемъ, что по низложеніи великаго множества непріятелей вступилъ въ городъ какъ настоящій Царь, признанный шаковымъ опъ Патриціевъ и черни. Послѣ сего приступилъ онъ къ самому важнѣйшему занятію — мирному. Какъ Нума былъ учредителемъ правъ Божескихъ, такъ и Сервія будетъ славить попомство основателемъ всякаго въ гражданствѣ различія состояній, которое прежде всего зависѣло опъ степени достоинства и богатства каждаго. Онъ первый завелъ перепись (census) — установленіе самое полезнѣйшее для шаковой Имперіи, какова нынѣ Римская! Послѣ сего военныя и гражданскія повинности не на всѣхъ уже поголовно были полагаемы, но по состоянію имуществъ каждаго. По сей переписи онъ раздѣлилъ гражданъ на классы и ценсурии (сопни) — порядокъ весьма нужный какъ для мирнаго, такъ и военнаго времени. (*)!

Хотя Сервій дѣйствительно царствовалъ въ Римѣ, однако слыша неоднократно упреки младшаго Тарквинія, что онъ

(*) Здѣсь нѣсколько главъ опущено, которыя большую имѣютъ занимательность въ цѣлой исторіи, нежели въ ошривкѣ.

царствуетъ безъ согласія народнаго, хотѣлъ оправдать себя и въ ономъ. Дабы вривлечь къ себѣ чернь Римскую, онъ раздѣлилъ по ней завоеванныя земли у непріятелей и пошомъ спросилъ: желаюшь ли и повелѣваюшь ли ему царствовать? — и народъ съ шолікимъ единодушіемъ объявилъ его Царемъ своимъ, каковаго еще ни одинъ изъ предшественниковъ не получалъ себѣ! Но Тарквиній — сей пылкій, безпокойный юноша, подспрекаемый своею супругою, Тулліею, все еще не шерялъ надежды овладѣть пресоломъ. Онъ примѣшилъ, что раздѣлъ земли по черни весьма не нравился черни, и шѣмъ ревностнѣе началъ опорочивать Сервія предъ Сенаторами и спарашься объ ушверженіи себя въ Куріи. Такимъ образомъ и Римская Имперія увидѣла у себя прагическій примѣръ ужаснаго преступленія, которое было знакомъ созрѣвшей ея свободы; ибо сіе царствованіе, злодѣйствомъ приобрѣшенное, было послѣднее. Сей Л. Тарквиній (хотя я слѣдуя большому числу писателей, и называю его сыномъ) имѣлъ брата Арунса Тарквинія, юношу крошकाго нрава. Имъ-то обоимъ, какъ выше сказано, были

опданы въ супружество объ Туллин, дочери царскія, сполько же какъ и мужа ихъ во нравахъ несходныя. Вѣроятно — къ счастью народа Римскаго, не соединились злые: иначе бы Сервій не царствовалъ никакъ долго, и граждане не получили бы таковой прочности во нравахъ. Злобная Туллія, не находя въ супругѣ своемъ ни любочестія, ни гордоспи, съ горестію обратилася къ другому Тарквинію: ему единому удивлялась, его единого называла мужемъ, ему лишь приписывала царское достоинство и происхождение; сестру же свою, которая шакого имѣя мужа, не имѣла ему подобной дерзости, презирала, ненавидѣла. Но какъ зло всего приличнѣе злу, то скоро сблизились оныя изверги. Женщина положила начало сему смѣшенію. Въ шайныхъ бесѣдахъ съ зятемъ, она не щадила ни какихъ ругательствъ, понося то мужа предъ брашомъ, то сестру предъ мужемъ. „Легче бы для нее было, говорила она, видѣть себя вдовою, а его вдовымъ, нежели жить въ шакомъ неравномъ супружествѣ и спрадать ошъ чужой безпечности. Еслибы даровали ей боги достойнаго сунруга, она

бы скоро увидѣла у себя тѣ же почести, которыя теперь видишь у отца своего.“ Сія продерзость женщины немедленно сообщила ся и духу юноши. Л. Тарквиній и младшая Туллія, скоро одинъ за другимъ умершіе, доставили имъ свободу вступить въ новое между собою супружество, копорому Сервій хотя не хотѣлъ препятствоватьъ, но не могъ и радоваться.

Съ сего времени и старость Туллія со дня на день спановилась бѣдственнѣе и царствованіе безпокойнѣе. Женщина уснарялась оцъ пресупленія къ пресупленію; день и ночь швердитъ своему супругу: да соберешь плоды учиненныхъ ими убійствъ!., Чтобы только быть за-мужемъ, говорила она, и работавать въ неизвѣстности, для сего имѣла я много жениховъ!.. Мнѣ пошребень супругъ, копорый бы почиталъ себя достойнымъ престола царскаго, копорый бы помнилъ, что онъ сынъ Приска Тарквинія, копорый бы сей часъ хотѣлъ имѣть, а не дожидаться короны. Если я не ошиблась въ моемъ выборѣ, то поздравляю себя и супругомъ и Царемъ!.. Если же нѣтъ... то участь моя горше прежней!

буду оплакивать и преступление и беспечность. — Что же медлишь? — Ты не Коринтеянинъ, не Тарквиніецъ, чтобы подобно своему родителю домогаться престола иноплеменнаго. Тебя призываютъ и боги Пенаты и боги Рима, и образъ своего родителя и домъ царскій, и царское въ домѣ сѣдалище и самое имя Тарквинія. Если уже и сего мало, для чего же щебѣ обманывать и надежды гражданъ? ... для чего именоваться и царскимъ сыномъ? ... Въги лучше въ Коринте или въ Тарквинію; возвратися паки въ первобышнее предковъ состояніе! Нѣтъ — ты не Прискъ Тарквиній! Ты сущій братъ — Арунсъ!“ Таковыми-то упреками воспламеняла она духъ юноши. Мысль, что ежели Танаквилъ — женщина чуждаго поколѣнія, два раза сряду отдавала корону Римскую, сперва мужу, а потомъ зяблю; что колыми паче она — дочь царская, отдавать и опшнмать оную можешь по произволу — эта мысль шерзада ее поминуютно. Тарквиній, увлекаемый бѣшенствомъ жены своей, начинаетъ прежде ласкаться къ Сенаторамъ *низшаго поколѣнія* (*);

(*) Такъ назывались Сенаторы Тарквиніевы.

числелъ. предъ ними благодаренія своего родителя; напоминаелъ имъ о благодарности; молодыхъ людей привлекаелъ къ себѣ подарками, пышными обѣщаніями; всюду поносилъ Сервія. Наконецъ, увидѣвъ, что пришло уже время дѣйствовать, сопровождаемый полною вооруженныхъ, вшоргался на площадь; при всеобщемъ смятеніи возходилъ на царское сѣдалище и повелѣвалъ глашатаю собрать къ себѣ Сенаторовъ. Они приходилъ, одни напередъ уже къ себѣ пригласенные, другіе изъ опасенія подпасъ гнѣву за ослушаніе, — всѣ изумленные необыкновенностію происшествія, и почти увѣренные въ кончину Сервія. Здѣсь Тарквиній начинаелъ свое злословіе отъ самаго рожденія Сервіева. „Рабъ, говоришь онъ, и рабъ, рожденный рабою, владелъ вами — Римляне, послѣ моего родителя, и что всего постыднѣе — не во время междуцарствования, не при всеобщемъ собраніи, не головами народа, не по волѣ Сената, но по единой хитрости женщины на престолю возшедшій. И каковъ былъ въ пеленахъ, шаковъ и въ порфирѣ. По природной наклонности, особенно любя низшее людей сослоліе и

ненавидя знаменитость другихъ, ошнлль у васъ земли и роздалъ оныя самой подлбйшей черни. Всѣ шяжести, кои доселѣ были общими, возложилъ на первбйшихъ гражданъ; учредилъ перепись, дабы выпсавипь на позорище завидное сослоянїе богашбйшихъ, и на всякой случай имбшь оное въ готовності для раздачи ббднбйшимъ. “

При сихъ словахъ приходилъ въ Курїю Сервій, избвщеннй дрожащимъ отъ страха вбспникомъ, и еще въ преддверїи взываешъ къ яшю: „Что сіе значилъ Тарквинїй? Какъ дерзнулъ ты при моей жизни собирать Сенащоровъ и возсбдать на моемъ мбспб?— Сей же грозно ему опвбщсшвуешъ: „Я занимаю мбспю моего родителя, и не какъ рабъ, но какъ законный сынъ Царя и наслбдникъ царства. Ты уже слишкомъ долго позволялъ себб издбвашься надъ владыками Рима.“ Тупъ приверженцы ихъ поднивають вопли. Народъ спремилъ къ Курїи. Казалось, что корона останешся за поббдишелемъ, и Тарквинїй, побуждаемый сею необходимостїю, рбшаешся на послбднее злодбянїе. Будучи моложе

дѣлами и крѣпче силами, схватываетъ поперегъ пшеница, выносите его изъ Куріи, бросаешь съ лѣшницы, и возвратившись къ Сенаторамъ, принуждаешь ихъ провозгласить себя Государемъ. Служники и спражки царскіе разбѣгаются. Окровавленный Туллій, поддерживаемый шрепещущими служителями, возвратился домой; но сообщники Тарквиніевы настигли несчастнаго на Ципрійской улицѣ и умерщвили на мѣстѣ. Говорятъ, что и сіе убійство учинено по совѣщу Тулліи, и доказываютъ оное слѣдующимъ ея злодѣйствомъ. Извѣстно, что она пріѣхавши въ колесницѣ на площадь, безъ всякаго уваженія къ собранію мужей, вызвала супруга изъ Куріи и первая поздравила его съ царскимъ достоинствомъ. Но какъ Тарквиній повелѣлъ ей удалиться изъ среды еще не успокоившагося народа, она возвращалася по той же Ципрійской улицѣ. — Здѣсь — прошиву древняго храма Діаны, при поворотѣ въ право на холмъ Эсквилларскій, испуганный возница ссыгиваетъ бразды, оспанавливаетъ коней, указываетъ господа на умерщвленнаго Сервія. Теперь-то слѣдуешь самый ужасный, безчеловѣчный

послупокъ Тулліи, въ память кошорато названа и самая улица *злѣдѣйскою* (*Vicus sceleratus*). Туллія, преслѣдуемая фуріями сестры и мужа, проѣхала колесницею по шѣлу опца своего, и съ кровію родительскою, кошорою сама и колесница ея были обрызганы, опцеубійца — предстала Пенашамъ своего дома!! Но сіе царствованіе, во гнѣвъ боговъ злѣдѣніемъ начавшееся, злѣдѣніемъ и кончилось.—Тулліи царствовалъ сорокъ чешыре года, и съ шоликою мудросшію, что и самый лучший, умѣреннѣйшій наслѣдникъ, едвали бы успѣлъ сравниться съ нимъ. Къ его славѣ и по опнеспи можно, что онъ былъ добрымъ и законнымъ Государемъ. Даже ушверждаютъ нѣкошорые, что, если бы не злѣдѣніе дочери, Сервій Тулліи самъ хотѣлъ опрещися самодержавію, сколько оно ни было крошка и умѣренно, и дошавишь свободу опечешпу.

ПРОЩАНІЕ.

(Изъ сочиненій Лорда Байрона.)

„Увы! Они были друзьями въ юности; но клевета отправляетъ истину; постоянство обитаетъ только на небесахъ; жизнь усъяна терніемъ, а молодость суетна. Ненависть къ тому, кого мы любимъ, терзаетъ все наше существо, подобно сумасшествію.

„Никто изъ нихъ не нашелъ себѣ друга, который освободилъ бы отъ доски опустѣлое сердце. Подобно опторгнушымъ одинъ отъ другаго утесамъ, они разлучены; но сады опустошенія оспались: ужасное море ихъ разлучаетъ; но ни зной, ни хладъ, ни громы (я увѣренъ!) не изгладятъ изъ памяти прошедшаго.“

Колерджисъ Кристабель.

Проси — хошя бы на вѣки — проси!
Сердце мое не можетъ извинить шебя; не

можешь также и воспласть пропивъ тебя. Какъ бы я желалъ опкрышь тебѣ грудь свою, гдѣ голова швоя шакъ часшо покоилась, когда ты вкушала шихой сонъ, котораго никогда ужъ не узнаешь! Какъ бы я желалъ, чшобы душа моя, оживленная швоимъ присуствіемъ, излила предъ тобою всѣ шайныя свои мысли! Ты бы узнала, чшо сердце мое достойно любви. Свѣшь одобряешь тебя — онъ любитъся нанесеннымъ шобою мнѣ ударомъ; но похвала сія должна оскорблять тебя: она ушвердила несчастіе другаго. Я имѣю много недоспащковъ: но не могла ли другага рука — не ша, которая меня прежде ласкала — нанести неизцѣлимую мнѣ рану? Ахъ, не обманывайся! Любовь, мало по малу, можешь изчезнуть; но, вѣрь мнѣ, сердца не могутъ бышь оторваны другъ отъ друга сподъ внезапнымъ потрясеніемъ. Твое собственное сердце сохраняетъ еще жизнь; мое, хоша окровавлено, не пересшааетъ еще бишься: но самая мучительная и никогда не умирающая мысль есть ша, что мы уже никогда не свидимся. Сіи слова производящъ больше скорби, нежели спенанія умираю-

щаго. Мы оба будемъ жиши: но всякое утrophозаришь наше вдовство. Когда ты захочешь искать своего утrophенія въ первомъ лепешаніи нашего младенца: научишь ли ты его выговаривать слово: *отецъ*, котораго ласки онъ на вѣки лишень? Когда онъ обоймешь тебя; когда уста его къ твоимъ коснутся: вспомни того, который мольбами своими тебя благословляетъ; вспомни того, котораго бы твоя любовь сдѣлала счастливымъ! Если черты нашей дочери будутъ похожи на тѣ, которыхъ ты уже никогда не увидишь, сердце твое невольно содрогнется и забьется вѣрностію ко мнѣ. Ты, можешь быть, знаешь всѣ мои прощупки; но никто не можешь знать перешняго моего безумія. Всѣ мои надежды поблекли, но безпрестанно къ тебѣ обращающа. Каждое мое чувство было потрясено. Гордость, которую бы вся вселенная не могла унижить, передъ тобою унижилась и тобою презрѣна. Самая душа теперь меня покидаетъ. Но свершилось! Всѣ слова напрасны — а мои слова еще напраснѣе: но мыслей обуздашь не возможно; онъ проливъ воды открываютъ себѣ путь. Прости! Мы

разлучены: я ошорванъ опъ всего мнѣ близкаго; болѣнъ сердцемъ, одинокъ, презрѣнъ... что можешь бышь ужаснѣе сего — и смерть ничто!

Съ Анг. К. П. Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

О В И Т Е Л Ъ С Н А .

(Подражаніе Овидію.)

Въ горахъ Киммеріи въ черпогъ его надъ вхо-
домъ,

Скала угрюмая сложилась мрачнымъ сводомъ;
Гдѣ, мхомъ увѣнчанныхъ пещеръ во глубинѣ,
Безпечный дремлетъ сонъ въ пустынной тишинѣ;
И отъ созданія, огнисты Феба очи
Не позлащали спѣнь сего владѣнья ночи;
Лишь съ влажнымъ сумракомъ сомнительный
разсвѣтъ —

Въ туманахъ блѣдное мерцаніе ліеть. —
Тамъ пѣтель никогда не пробуждалъ денницы,
И никогда лай псовъ и голосъ вѣщей пшпцы
На Капитоліи возникнувшій спѣнахъ —
Не разливали тамъ смяшеніе и спрахъ;
Ни коней ржаніе, ни вой волковъ, отъ вѣка,
Ни бранный звукъ трубы, ни пѣсни человѣка,
Ни мимолѣпный вѣпръ, свистя въ ущельяхъ
скаль,

И пучная земля Тосканы обновленной,
Тоскану древнюю трудамъ ихъ ошдаеть.

О Римъ! къ себѣ лепишь воспоргъ воспла-
мененной. . . . .

Но вопъ священный градъ предъ нами пред-
спаеть,

Пустыней гробовой печально окруженной.

И шрепетъ путника при видѣ семъ разишь.

Властншеля градовъ сокрылося сiянье,

Молчанiе на снхъ обломкахъ возсѣдншь;

Но поршнковъ, дворцовъ поверженное зданье

Велнчье прежнее въ развалинахъ гласншь.

Вопъ своды, времени рукою изможденны,

Внсьли нѣкогда здѣсь шоки быспрыхъ водъ,

И въ яростномъ своемъ печенн неизмѣнны,

Клубнлись съ шумомъ внзъ чрезь шрепетный

оплошь.

Сей храмъ украшенъ былъ добычами вселенной,

И чрезь сн врата со славой шрепекли

И легионовъ сонмъ и сонмъ вождей побѣдной.

Вопъ Капншолн, суднлнще земли!

Отсюда гордый Римъ металь перуны месшн!

Здѣсь разныхъ странъ Царн, челошъ склоннв-

шнсь въ прахъ,

Заложннкн побѣдъ, забвенные, безъ чесшн,

Вннчаннн узннкн, Сената при дверяхъ,

Свободннн странн пншомцевъ шрепешалн.

И знака Лнхшора для входа ошдалн.

Тамъ площадь вижу я, гдѣ въ пламени заботъ
 Кипѣль, подобясь съдымъ волнамъ Ефрапа,
 Сей честолобія исполненный народъ:
 Тиранъ вселенныя и узникъ Трибунапа.
 Вели... и, посреди обломковъ и гробовъ,
 Воображеніе въ призваніяхъ священныхъ
 Представитъ сонмъ шѣней Баллоновыхъ сыновъ.
 Ты зришь ли ихъ полетъ съ небесъ воспламе-
 ненныхъ?
 Смощри... лепящъ толпой, распоргнувъ смер-
 ти павъ:

Вотъ града Марсова воинственные дѣды,
 Совѣтовъ красота, опора гордыхъ спѣвъ,
 Орашаи полей, власпищели побѣды!

Дл. Меньшеманъ.

К Ъ Ш У Л Ъ Г И Н У.

Прощай приятель! Отъ Поэта
Возьми на память пукъ стиховъ,
Богъ вѣсть, враждебная планета
Въ какой закинетъ уголь свѣща
Его, съ младыхъ еще годовъ,
Привыкшаго изъ кабинета
Не выставлятъ своихъ очковъ?
Богъ вѣсть, увидимъ ли разлуку,
Перекрестясь, мы за собой?
Какъ обнимусь погда съ побой!
Рука сама опыщеть руку,
Чтобъ съ той же чистою душой —
Но, можетъ быть, испившей муку —
Схватить ее и крѣпко сжать!
Какъ дружныхъ словъ просному звуку
Мнѣ будетъ весело внимать!
Ты, можетъ быть . . . . но что мечтами,
Что неизвѣстнымъ мучить насъ?
Мнѣ ль спорить дерзко со слезами,
Попечь гошовыми изъ глазъ?
Что будетъ — будетъ! съ небесами
Не лзя бороться милый другъ!
Останься жъ съ этими стихами
До перваго пожатья рукъ. —

Э Л Е Г И Я.

Ясныя грезы ошь васъ, о бессмертныя жител
ли Неба!

Не опнимайте, — молю! — райской мечты у
меня:

Нѣтъ оскорбленія вамъ, когда безнадежный спра
далецъ,

Чарами ночи плѣнень, счастливъ обманчивымъ
сномъ.

Сладостный голосъ ея, небесныя, свѣтлыя очи, —

Прелесть — улыбка и взоръ, прелесть — вол
шебная грудь —

Такъ! я видѣлъ Элизу! Въ прекрасномъ видѣнн
Элиза

Руку сжимала мою: Боги! скажу ль? на меня

Нѣжно взглянувъ: „Я чистою дружбой утрашу
любви,

Бѣдный! шебъ замѣню!“ мнѣ говорила она. —

В. Кюхельбекеръ.

СНОВИДѢНІЕ ПЕТРАРКА.

Зеленымъ лавромъ Капитолій
Чело Петрарка увѣнчалъ;
Но въ горести пѣвецъ мечталъ;
„Увы! моей злосчастной доли
Ничто, ничто не усладить;
Ни время быспрыхъ наслажденій,
Ни вихрь любовныхъ упоеній
Минувшаго не возвратить!“

Его предчувствіе шягчило;
Онъ дни въ печали провождалъ;
Подъ небомъ яснымъ онъ спрадалъ,
Бывъ оплученъ опъ Лоры милой. —
И шщетно думалъ онъ въ мечтахъ,
ш о время исцѣлить мученье:
Увы! несчастному терпѣнье
Удѣломъ было въ шѣхъ мѣсцахъ.

Однажды мракомъ окруженный,
Во снѣ онъ милую узрѣлъ
И къ ней съ любовью лешѣлъ
При блескѣ молній разъяренныхъ;
Призывный гласъ ея внималъ,
Встрѣчая Лоры взоръ унылой;

Уже онъ разставался съ милой
 И вздохъ прощальный принималъ.
 Власы грудь Лоры прикрывали;
 Печальный другъ, сосѣдь могилъ —
 Ихъ мрачный кипарисъ обвилъ;
 Въ рукѣ ея часы сверкали:
 Песокъ капился съ быстротой,
 И угасающи прелестной Лоры
 Стрѣмились къ небу томны взоры
 Съ послѣднею на нихъ слезой.

Увидя призракъ драгоцѣнный,
 Петраркъ отъ сна былъ пробужденъ;
 Любви восторгомъ упоенъ,
 Одной надеждой оживленный,
 Онъ Лору зрѣть еще желалъ:
 Умчались съ призракомъ надежды,
 Ея на вѣкъ сомкнулись вѣжди
 Въ ту ночь, какъ онъ объ ней мечталъ.

Ал. Дуропъ.

ДИОИРАМЪ.

Други, пусть года несутся,
О годах не намъ пужить!
Не всегда и грозды вьются —
Такъ скорѣй и пить и жить!

* * *

Громкій смѣхъ надъ докторами!
При плесканьи полныхъ чашъ —
Вѣрьте мнѣ — Игея съ нами,
Самъ Лей, цѣлитель нашъ!

* * *

Свѣтлый Мозель восхищенье
Изливаетъ въ нашу кровь!
Пейте жъ съ нимъ вы утѣшенье
И болшливую любовь.

* * *

Выпили? — еще! — кругами
Рдѣетъ радость на щекахъ —
Порхъ Амуръ — забилъ крылами
И — мы дремлемъ на цѣвшахъ.

— 4 —

С М Ъ С Ъ.

О ФИНСКОЙ ЛИТТЕРАТУРѢ.

Прошло десять лѣтъ, какъ Финляндія соединена съ Россією, но у насъ, до сихъ поръ, никто еще не писалъ о ея ЛиттературѢ. По сей причинѢ, почтенный Андрей Давидовичъ Гиппингъ, урожденный Финляндецъ, желая изъяснить вамъ, Мм. Гг., благодарность свою за избраніе его въ Сочлены вашего Общества, предложилъ мнѢ перевести его сочиненіе о семъ предметѢ. Руководствуясь тѢмъ же намѣреніемъ, я въ приятную обязанность вмѣняю себѢ представить вамъ переводъ онаго.

Подъ именемъ Финской Литтературы разумѣются не только сочиненія на опечесшвенномъ, но также на Латинскомъ и Шведскомъ языкахъ, изданныя въ Финляндіи. По соединеніи сей области со Швецією, языкъ Шведскій принялъ въ ней, какъ языкъ ученый: его стали употреблять въ разговорахъ образованные люди, и преподавали на немъ въ училищахъ; по сему на языкъ природномъ, предоставленномъ

единственно простому народу; писали весьма не многие; однакожь занимались изслѣдованіемъ свойствъ его. Уже въ XVI столѣтіи *Петреусъ* и *Мартиниусъ* сочинили Финскую Грамматику (а), и въ то же время изданы Словари (b). Но произведенія сіи весьма неудовлетворительны, и могутъ бысть почитаемы одними только опытами. Первая изъ всѣхъ Грамматикъ, заслуживающихъ вниманіе, сочинена *Валемъ* (*Vael's Grammatica Fennica*) и издана уже по смерти его въ 1733 году въ Або. Впрочемъ и ее нужно было исправить, почему Пробытъ *Штральмакъ* объявилъ, что онъ намѣренъ издать *Учебную книгу Финскаго языка* (*Finnische Sprachlehre für Finnen und nicht Finnen*); однакожь, едва появилось сіе сочиненіе (въ 1817 году), какъ начали различно судить о достоинствѣ его. Инымъ не нравилось то, что онъ ввелъ новыя названія (*nomenclaturam*); а другимъ, что въ сочиненіи своемъ руководствовался правилами, преимуще-

-
- (a) *Institutio linguae Fennicae, auctore Petreo. Aboe; 1649. Мартиниусъ, исправивши сіе сочиненіе, надалъ подь названіемъ: Hodegus fennicus, auctore Martino. Holmia; 1689.*
- (b) *Lexicon latino-suevicum, quo quatuor idioms, scil. latin. svec. germ. et venedicum, sive fennicum, proponuntur, auctore E. Schrödero. Upsal.-Holmia; 1632.—А неизвѣстный сочинитель надалъ въ 1644 году: Variar. rerum vocabula latina, cum svec. et fennonica interpretatione, и въ 1663 году: Nomenclatura rerum latin. svec. fennonica. Aboe; auctore Henr Fluctio, которая во второй разъ вышла въ Стокгольмѣ, въ 1733 году.—*

ственно Карельскому нарѣчію свойственными. Адъюнктъ *Беккеръ* напечаталъ на сію Грамматику основательныя замѣчанія, но въ тонѣ, неприличномъ молодому писателю (а).

Хотя сія Грамматика и имѣеть недостапки; однако мы обязаны ей тѣмъ, что она побудила многихъ ученыхъ издать свои изслѣдованія о Финскомъ языкѣ. По сему *Якобъ Юденъ* (b), давно уже извѣстный своими стихопворческими сочиненіями и любимый всѣми писатель, издалъ въ 1818 году *Новую Финскую Грамматику*, которая до сихъ поръ еще не разсмотрѣна. Преимущественно же заслуживаютъ вниманіе два разсужденія *Ривалла* (c): одно о правописаніи, а другое о падежахъ Финскаго языка. Изслѣдовавъ остроумно предметъ сей, и распространивъ чрезъ-то новыя познанія о языкѣ, онъ обращаетъ на себя вниманіе тѣхъ, которые занимаются изслѣдованіями о Финской Словесности. Жаль только, что сіи раз-

-
- (a) См. Журналъ: *Mnemosyne*, 1819 года. Онъ теперь занимается сочиненіемъ Грамматики Финскаго языка, которая выйдетъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ.
- (b) Онъ издалъ болѣе 20 отрывковъ, которые съ удовольствіемъ читають знашюки.
- (c) *De Orthoëpia et Orthographia linguæ Fennicæ*. Абоѣ; 1810. стр. 64. in 4.—И *De signis relationum nominalium in lingua fennica*. Абоѣ; 1815. 112 страм. in 4.—Прежде писалъ *Гильденъ*: *De declinatione nominum, imprimis fennicorum*. Абоѣ; 1797. in 4.

сужденія, хотя недавно изданы, но опыскашь ихъ весьма шрудно.

Кромѣ Грамматикъ есть еще и другія сочиненія о Финскомъ языкѣ. Въ то время, когда начали разсуждать о происхожденіи Финновъ, и когда нѣкоторымъ приходило на мысль, что они, можеть бысть, попомки Евреевъ, вышедшихъ изъ плѣна Вавилонскаго въ Сѣверныя земли, и что, безъ сомнѣнія, и языкъ Финскій произошелъ отъ Еврейскаго—*Калнусъ* (а), *Юслениусъ* (б) и *Веманъ* (с) писали о сходствѣ сихъ языковъ. Но хотя и легко замѣтишь, что Финскій языкъ ни съ однимъ изъ Европейскихъ не имѣеть сходства: однакожь изъ того не слѣдуетъ, чтобъ онъ происходилъ отъ Еврейскаго; ибо въ семъ послѣднемъ употребляющя предъударенія (раеѣха, ш. е. буквы, для означенія падежей въ началѣ словъ къ онымъ прибавляемыя), и нѣтъ въ немъ двогласныхъ, которыя находящяся въ Финскомъ языкѣ, имѣющемъ 14 падежей. Къ тому же въ Финскомъ

-
- (а) *Dissertatio de convenientia linguæ fennicæ et hebrææ. Auctore Er. Sajano. Aboæ; 1697.*
- (б) *Oratio inauguralis de convenientia linguæ Fennicæ cum hebræa et græca. Auctore Daniel Juslenio. Aboæ; 1712.*
- (с) *Dissertatio de convenientia linguæ fennicæ et hebrææ. præsid. C. G. Weman. Aboæ; 1767.*—Также находишь рукопись въ библиотекѣ Абовскаго Университета, подъ заглавіемъ: *Voces fennicæ a lingua hebræa derivatæ.* 345 страницъ in 4. Сочинитель ся неизвѣстенъ.

языкъ не рѣдко встрѣчаются разныя гласныя буквы вмѣстѣ, чего въ Еврейскомъ бытъ не можеть, поному что въ семь языкѣ, послѣ каждой гласной, необходимо должна слѣдовать согласная буква. Пробѣтъ *Идманъ* своимъ разсужденіемъ о сходствѣ Финскаго языка съ Греческимъ обратилъ общее вниманіе. Разсужденіе сѣ заслуживаетъ чтенія; хошя предположенія въ немъ и не довольно основательны, но доказываютъ, что сочинитель весьма хорошо зналъ Греческую Словесность. *Г. Жене* (*Genet le fils*) перевелъ оное на Французскій языкъ (а).

Сверхъ сего, поелику въ Финляндіи упопрѣбительны чешыре разныхъ нарѣчій, каковы: *Абовское, Остботнинское, Тавастландское и Карельское* (б), по многіе ученые, приписывая одному которому нибудь исключительную древность, спорили, какое изъ нихъ принять должно за языкъ, способный для письма. Одни почитали шакowymъ шомъ, на которой переведена Библия (онъ составленъ изъ чешырехъ вышепомянутыхъ), основываясь на томъ, что уже за 200 лѣтъ прежде онъ сдѣлался всѣмъ извѣстенъ

(а) Подъ заглавіемъ: *Recherches sur l'ancien peuple finois, d'après les rapports de la langue finoise avec la langue grecque;* par Mr. Idman. Strasburg; 1778. in 8; 149 страницъ. Подлинникъ вышедъ въ Або двумя годами прежде.

(б) *Dissertatio de præcipuis dialectis linguæ fennicæ.* prælo Н. С. Porthan: Або; 1801. —

чтениемъ Св. Писанія (а); другіе же, особенно новѣйшіе, утверждаютъ, что надобно писать на нарѣчїи *Тавастландскомъ* (Емьскомъ), по мнѣнію ихъ, менѣе прочихъ испорченномъ, или же на *Саволакско - Карельскомъ*, о коемъ поже самое полагають. Припомъ хотѣли исключить изъ Финскаго алфавита буквы: d, g, c, x, z(b), и новѣйшіе всегда вмѣсто x пишутъ ks, а вмѣсто z - ts.

Кромѣ вышепомянутыхъ Финскихъ Словарей, кои теперь очень рѣдки, болѣе прочихъ употребителенъ сочиненный Епископомъ *Данїиломъ Юлениусомъ* (с) на Финскомъ, Лапинскомъ и Шведскомъ языкахъ, безъ фразіологіи; при концѣ онаго приложена роспись Шведскимъ словамъ. Въ немъ находится также много погрѣшностей: дороговизна печатанія не позволяла предпринять новое, исправленное изданіе. Посему Пробствъ *Хрїстіанъ Ганандеръ* принужденъ былъ оставить въ рукописи прекрасное свое сочиненіе, подъ названіемъ: *Thesaurus linguæ fennicæ* въ 9 томахъ in 4, а Профессоръ *Портанъ* свое: *Собраніе словъ, опущенныхъ въ Словарѣ*

-
- (а) О семъ писалъ *Данїилъ Гирнъ* (Hirn): *Observationes in versionem Sacr. Bibl. fennicam.* Абож; 1774.
- (б) Исакъ Юденъ: *Kritik öfver Länbokstäfverne i finska språket* Viborg. 1813 in 8.
- (с) *Fennici Lexici Tentamen, Dei auxilio, prolixo labore, longo tempore, multorum consiliis, linguæ fennicæ honori congestum a Danielo Juslenio.* Stockholm; 1745. —

Юслениуса. Однакожь, Покровишель наукъ, Графъ Н. П. Румянцовъ, узнавши, что объ сіи рукописи хранятся въ библіотекъ Абовскаго Университета, поручилъ въ 1818 году ученому *Ренвалю* составить изъ нихъ полный Словарь Финскаго языка, который выдешъ въ скоромъ времени.

Ревность, съ кою нынѣ большая часть молодыхъ ученыхъ Финляндцевъ занимается ошечественнымъ языкомъ, даешъ право надѣяться большихъ успѣховъ. Но поелику Финны, кромѣ Финляндіи, Эстляндіи, Лифляндіи, обитающъ и въ Россіи, ибо Черемиссы, Вошяки, Мордва, Вогулы и пр., безъ сомнѣнія, одного съ ними происхожденія; — хотя языки ихъ, смѣшавшись съ словами Русскими, Татарскими и, можетъ быть, еще съ другими, потеряли первоначальное свойство: то надобно бы еще заняться рѣшеніемъ сѣдующихъ весьма важныхъ вопросовъ: Какимъ образомъ и сколь много уклонились сіи языки отъ своего кореннаго ш. е. Финскаго? Сохранили ли сіи народы характеръ древнихъ Финновъ? Были ли они въ древности образованнѣе нынѣшнихъ и ш. д. — Желательно, чтобы знающіе Русскій, Финскій и Татарскій языки могли найти случай и способы къ предпринятію путешествія для шаковыхъ розысканій (а).

(а) На Русскомъ языкѣ напечатаны Грамматикки: Вошякская, Черемисская и Чувакская въ С. Петербургѣ, въ 1776 году

Сверхъ сего, я намѣренъ упомянуть о разныхъ переводахъ Библии на Финской языкъ; но прежде позвольте мнѣ, Мм. Гг., сообщить вамъ нѣкоторыя извѣстія о состояніи учености въ Финляндіи до Реформаціи или до XVI столѣтія. Еще въ среднемъ вѣкѣ славились нѣкоторыя училища въ оной, а особенно: Абовское, Раумовское и Выборгское. *Портанъ* упоминаетъ о письмѣ Кардинала *Іоанна Улик-Бонискизо*, который описываетъ (въ 1412 году) хорошее состояніе училищъ въ Финляндіи, обѣщая при помѣ на сто дней отпущеніе грѣховъ шѣмъ, кои окажутъ онымъ пособіе. Въ иностранныхъ Университетахъ находились многіе Финляндцы, знаменитые ученостію, какъ напр.: въ Парижскомъ былъ прежде въ видѣ Прокуратора Англинской націи Каноникъ Абовскій, *Конрадъ*; а *Олавъ Великій* (Olaus Magnus † 1460) былъ Лекторомъ Нравственной Философіи, Бакалавромъ Богословіи и потомъ Ректоромъ Парижскаго Университета; но никто изъ сихъ ученыхъ не занимался переводомъ Св. Писанія на отечественный языкъ. Таковая заслуга принадлежитъ единственно Епископу *Михаилу*

но отыскашь ихъ, хотя онѣ и мало употребительны, весьма трудно. Слова же всѣхъ сихъ нарѣчій помѣщены въ Собраніи Р. И. *Миллера*, св. III Части стр. 382; въ Сибирской Исторіи *Фишера*, Ч. I стр. 161; въ Сѣверной Исторіи *Шлецера*, стр. 308 и въ Путешествіи *Палласа* Ч. III. стр. 67.

Агриколь. Онъ напечаталъ въ 1548 году въ Стокгольмѣ въ 4^о переводъ Новаго Заѣва; въ 1551 Псалмы Давида; въ 1552 Пѣснь, воспѣшую по переходѣ Чермнаго моря (Исходъ VI), Пѣснь предъ кончиною Моисея (Второз. XXXII), Пѣснь Пророчицы Анны (Сам. гл. 2.) и нѣкоторыя другія изъ книгъ Самуила и Паралипоменонъ; также нѣсколько главъ изъ чепырехъ высшихъ Пророковъ, девять главъ изъ низшихъ; попомъ, въ слѣдующемъ году, изъ прехъ прочихъ Пророковъ. Полное изданіе Библии не могло выйши въ то время попому, что народъ не въ соспоиіи былъ покупати иначе, какъ по часпямъ; оно появилось уже въ царспованіе Королевы *Христины* въ 1648 году, въ Стокгольмѣ, въ листъ; и хопя стоило весьма дорого, но разобрано вскорѣ. Посему Епископъ *Гецелиусъ* началъ помышлять о новомъ изданіи, на что получилъ пособіе и отъ Правительсства. Сіе препіе изданіе, свѣренное съ подлинникомъ и исправленное въ слогъ, вышло въ 1685 году въ 4, и также въ непродолжительномъ времени раскуплено; ибо охота къ чтенію Слова Божія ежедневно во всѣхъ возраспала; каждый крестьянинъ издерживалъ послѣднюю копѣйку, чтобы имѣть Библию. Война, возгорѣвшаяся въ XVIII спольпії (при Петрѣ Ввеликомъ) между Шведами и Россіянами, препястствовала предпринять четвертое изданіе Библии; а по заключеніи мира, въ 1721 году, Финляндцы были столь бѣдны,

что уже не прежде, какъ чрезъ 20 лѣтъ послѣ сего, Епископъ Юслинцъ могъ побудить ихъ оказать пособіе для напечатанія оной; къ сожалѣнію однакожь, онъ умеръ въ 1755 году, и наслѣдовавшій ему Епископъ Менандеръ окончилъ трудъ его въ 1758. Изданіе сіе состояло изъ 4500 экземпляровъ, но не смотря на сіе, вскорѣ начали жаловаться на недостатокъ Библии. Почему Абовская Консисторія въ 1776 году напечатала пятое изданіе въ 9000 экземплярахъ, которое теперь также сдѣлалось дорогимъ и рѣдкимъ. — Впрочемъ, осмѣливаемся надѣяться, что щедротами благопвораго Государя и попеченіемъ Библейскаго Общества и самыя бѣдные люди будутъ въ состояніи покупать Библию.

Вы желали бы, Мм. Гг., имѣть обстоятельныя извѣстія о Финляндской Исторіи; но я, къ сожалѣнію моему, долженъ признаться, что сія опрaслъ Финской Липшерапуры, весьма мало обработана. Многіе ученые занимались только изслѣдованіемъ частныхъ предметовъ, относящихся къ Исторіи, и посему, кромѣ нѣкоторыхъ оспривковъ, ничего полного не написали. Важнѣйшія къ сему пособія, умалчивая о многихъ другихъ, суть: Aboa Litterata Шермана, многія разсужденія Гг. Скарина, Гаселля, Вильмарка и Гада. Примѣчательнѣйшее же по сему предмету сочиненіе есть Исторія Мессе-

ниуса (а), въ коей помѣщена также и Шведская Исторія, и лѣтопись *Юстениуса* о Епископахъ Финляндскихъ. На сію послѣднюю писалъ примѣчанія Проф. *Портанъ*, содержація все то, что только имѣетъ отношеніе къ Финляндской Исторіи средняго вѣка (b). Подъ его руководствомъ издаваемы были также и первыя *Абовскія Извѣстія* (*Zeitungen*); которыя не менѣе служатъ важными источниками для сего предмета; онѣ продолжаются и по нынѣ. Обстоятельствва не позволяли ему издашь полной Финской Исторіи; и по смерти его, кажется, перестали заниматься ею Финскіе ученые. Напротивъ, иностранецъ, Проф. *Рюсъ*, пользуясь только тѣмъ, что уже было напечатано, и не находя никакихъ архивовъ для справокъ, издалъ сочиненіе: *Финляндія и ея жители*, которое съ удовольствіемъ каждый читаетъ; оно переведено на Шведскій языкъ. Нельзя не удивляться, что въ семь первомъ опытѣ онъ помѣстилъ столь много хорошаго, хотя и не могъ избѣгнуть нѣкоторыхъ погрѣшностей при столь недостаточныхъ средствахъ. Не рѣдко почиталъ онъ характеристическою чертою то, что случайно

(a) *Messenii Scandia illustrata*, Stockholmæ, 1700 г. три тома in folio.

(b) Онъ издалъ сіи примѣчанія въ видѣ разсужденій: все сочиненіе состоитъ изъ 812 страницъ, не включая въ сіе число реестра; вскорѣ оно будетъ причислено къ рѣдкимъ книгамъ.

*

замѣчено шокмо въ отношеніи къ нѣкоторымъ частнымъ лицамъ. Остаётся посему ожидать полной Финляндской Исторіи. Таковую обѣщала намъ Профессоръ Абовскаго Университета *Радловъ*; но какъ обстоятельства его нынѣ перемѣнились, то должно надѣяться, что кто нибудь другой исполнитъ его намѣреніе (а). При семъ я не могу умолчать о заслугѣ Академика нашего, *Лерберга*: онъ первый основательно доказалъ, сколь полезны Лѣтописи Россійскія для древней Финляндской Исторіи.

Выше уже мы замѣтили, что образованные Финляндцы употребляютъ въ разговорахъ Шведскій языкъ, и что нѣкоторые изъ оныхъ начали уже издавать свои сочиненія на Шведскомъ языкѣ. Исчислить всѣхъ таковыхъ сочинителей не позволяетъ здѣсь мѣсто; надобно упомянуть только о томъ, что въ Исторіи Шведской Литтературы многіе изъ нихъ знамениты. — Докторъ *Францъ* (уроженецъ Естербоппа) почитается въ числѣ отличныхъ Шведскихъ Спихотворцевъ новѣйшаго времени. *Келлеренъ*, отецъ истиннаго Шведскаго Спихотворства, онъ же и сочинитель оперы *Густавъ Ваза*, и *Кореусъ*, любимый всѣми пѣснопѣвецъ, были также Финляндцы, живущіе въ сердцахъ признательныхъ соотечественниковъ!

(а) Здѣсь не хотѣши приводить всѣ малыя разсужденія, касающіяся о Финляндской Исторіи; ихъ можно видѣть въ библиотекѣ *Вармгольца* (Bibliotheca Svio-Gothica.)

Нельзя не согласиться, что Швеція весьма много содѣйствовала успѣхамъ Липшерапуры въ Финляндіи; однакожь она не могла доставить всѣхъ необходимыхъ къ сему средствъ.— Число Профессоровъ въ Университетѣ Абовскомъ всегда было недоставочно; жалованье имъ, судя по настоящей дороговизнѣ, маловажно; сумма для библіотекъ отпускалась незначительная; а молодые люди, отличившіеся познаніями предъ другими, не могли оставаться долго при Университетѣ, не имѣя собственнаго состоянія, и не получая отъ Правительства достаточнаго содержанія.

Финляндцы и въ самыя позднѣйшія времена будутъ приносить съ благодарностію Имя Александра. Присоединивъ къ Россіи обитаемую ими страну, Монархъ Нашъ съ Отеческими попеченіемъ освѣдомился о нуждахъ жителей, увеличилъ число Профессоровъ, прибавилъ имъ жалованье, опредѣлилъ значительныя суммы для библіотекъ и умножилъ степендіи, положенныя на содержаніе тѣмъ изъ учащихся, кои отличаютъ себя познаніями въ наукахъ. Между тѣмъ, сверхъ того, Его Высочество В. К. Николай Павловичъ принялъ подъ особенное свое покровительство Абовскій Университетъ, дозволивъ заведенію сему избрать Его Канцлеромъ онаго.. Нынѣ здѣсь Профессорами: по Богословскому Отдѣленію, *Густ. Гадолинъ*, *Іак. Бонсдорфъ*, *Снелъманъ* и *Мелартинъ*; по Юридическому, *Мюринъ* и *Авцеліусъ*; по Медицинскому,

Архидоръ (естествоиспытатель) *Бондорфъ*, *Торнгрень* и *Вассеръ*; по Философскому, *Ив. Гадолинъ* Профессоръ Химіи, *Гельстрёмъ* Проф. Физики, *Валлеціусъ* Проф. Краснорѣчія, *Лагусъ* Проф. Практической Философіи, *Ион. Бондорфъ* Проф. Греческой Литтературы, *Палаандеръ* Проф. Теоретической Философіи, *Фаттенборгъ* Проф. Восточной Литтературы, *Авелланъ* Проф. Исторіи, *Альстедтъ* Проф. Математики, *Пиппингъ* Проф. Исторіи Литтературы, *Сальбергъ* Проф. Естественной Исторіи. Сверхъ сего еще находишся 20 Адъюнктовъ, два учителя Россійскаго языка, одинъ Французскаго, одинъ Нѣмецкаго и одинъ Англинскаго; также учитель Пѣнія, Рисованія, Фехтованія и Танцмейстеръ.

— По присоединеніи Финляндіи къ Россіи, многіе молодые Финляндцы начали учиться языку ея. Однако долгое время недоставало нужныхъ для сего пособій; ибо хотя *Гронингъ* издалъ Россійскую Грамматику для Шведовъ еще въ 1750 году, но ее невозможно было болѣе отыскать въ книжныхъ лавкахъ. Посему А. Д. *Гиппингъ* напечаталъ: Опытъ Шведскихъ и Россійскихъ разговоровъ, въ С. Петербургѣ 1810 года, который хотя и недоспачочень, однако нынѣ, когда языкъ Россійскій сдѣлался необходимымъ, служишь главнымъ для изученія онаго пособіемъ, и въ два года уже раскупленъ. Сверхъ сего Правительствъ Россійское весьма много

содѣйствуетъ образованію Финляндцевъ: ибо въ 1812 году Высочайше повелѣно: чѣшбы изъ нихъ принимаемы были въ гражданскую службу тѣ только, кои по предварительномъ испытаніи окажутся имѣющими достаточное познаніе въ Русскомъ языкѣ. Во всѣ училища Финляндскія опредѣлены Русскіе учителя, и изъ числа ихъ *Г. Манницевъ* оказалъ уже важную услугу Финнамъ, изучившись въ скоромъ времени Шведскому языку, и издавъ въ 1813 году на Русскомъ книгу для чтенія (*Russisches Lesebuch*) съ нужнымъ для сего Россійско-Шведскимъ Словаремъ. Книга сія признана учебною.

Въ слѣдующемъ 1814 году *И. С. Френкель* перевелъ на Шведскій языкъ книгу *Крейля*: Русскій толкователь для Нѣмцевъ (*Krey's Russischer Dolmetscher für Deutsche*). На иждивеніи Его Императорскаго Величества отправлены были два молодые Финляндцы, *Ерстрёмъ* и *Оттелинъ*, въ Московскій Университетъ, для образованія себя и для усовершенствованія въ Русскомъ языкѣ. По возвращеніи своемъ изъ онаго, издали они въ томъ же 1814 году Россійскую Грамматику (а). Желательно, чѣшбы пруду сочинителей, изслѣдовавшихъ основательно свойства языка, была оказана должная признательность: каженся однако, что Докторъ Таппе имѣлъ прошивное ему намѣреніе, утверждая въ пре-

(a) *Erstr. Ryska språklära för begy. na e. S. Petersburg; 1814—296. S. in 8.*

дисловіи къ 4 изданію своей Русской Грамматики, что она лишь подала поводъ Гг. *Ерстрёму* и *Оттелину* къ сочиненію сей книги. Онъ ссылается даже на одно мѣсто въ оной, будто бы Гг. *Ерстрёмъ* и *Оттелинъ* сами поже ушверждаютъ. Напротивъ сего, если кто знаетъ Шведскій языкъ, пошъ можеть удосповѣриться въ прошивномъ; припомъ и планъ ихъ въ оной совсѣмъ иной. Скоро выйдеть изъ печати Русская книга для чшенія (Ein Russisches Lesebuch), составленная сими же Гг. *Ерстрёмомъ* и *Оттелиномъ*: первый началъ шакже въ прошломъ году сочиняшь Шведско-Россійскій Словарь, который, въроятно, года чрезъ два будеть изданъ.

Въ заключеніи сего разсужденія, я намѣренъ упомянуть о типографіяхъ и объ издаваемыхъ нынѣ въ Финляндіи журналахъ. До присоединенія ея къ Россіи была одна только во всей спранѣ типографія, а именно, находящаяся при Абовскомъ Университетѣ; вскорѣ, послѣ присоединенія, заведена другая въ Выборгѣ въ 1813 году и еще одна въ Або собспенно для Библейскаго Общества; въ ней, кромѣ Св. Писанія, можно печатать и другія сочиненія. Пошомъ основалась еще одна въ Гельсинфорсѣ въ то время, когда въ оный переведень изъ Або Финляндскій Сенатъ. Нынѣ находится всѣхъ ихъ чешыре, ошъ коихъ мы и можемъ ожидать значительныхъ успѣховъ опносительно Лип-

пературы, судя по счастливому началу оныхъ. Единственнымъ Литтературнымъ и Политическимъ Журналомъ въ Финляндіи были предъ симъ Абовскія Вѣдомости. (*Aboische Zeitung*), издаваемая съ 1772 года; а собственно такъ называемыя Ученыя Вѣдомости (*Litteratur Zeitung*), появившіяся въ 1803 году въ Або, должны были въ то же время прекратиться, ибо не нашлось для оныхъ читателей. Но едва заведены вышепомянутыя типографіи, какъ показались еще при периодическія сочиненія и именно: 1) Мнемозина (*Mnemosyne*), или Журналъ Литтературный; 2) Финляндскія Всеобщія Вѣдомости (*Finlands allmänna Tidning*), которыя для Финляндцевъ то же, что С. Петербургскія Академическія Вѣдомости для Россіянъ. Оба сіи Журнала издаются на Шведскомъ языкѣ. 3) *Turun Wiiko Sanomat*, или Абовскія еженедѣльные Извѣстія, издающіяся на языкѣ Финскомъ, которыя по причинѣ употребляемому въ оныхъ новому правописанію, возродили новыя прѣнія ученыхъ о семъ предметѣ.

В. Брайксвичъ.

Н Ъ Ч Т О О Р О С Ъ (*).

Роса оказываешь одно весьма замѣчательное явленіе, которое почти цѣлое спользіе привлекаешь вниманіе Физиковъ. Доказано множествомъ опытовъ, неоднократно повпоренныхъ Мушенброкомъ и Дюфаемъ, что роса падаетъ не на всѣ шѣла, и что находятся такія, которыхъ она, кажется, избѣгаетъ самымъ примѣшнымъ образомъ: таковы суть *полированные* металлы, на коихъ никогда не видали ни одной капли росы.

Сіе явленіе казалось столь удивительнымъ, что нашелся, какъ кажется, одинъ только Физикъ, осмѣлившійся изъяснить его. Онъ полагаетъ причиною сему *теплоту*, которую металлы сохраняють долѣе, нежели другія шѣла, и которая преципитуешь парамъ, находящимся въ воздухѣ, сгущаться на поверхности металловъ.

Но множество изслѣдованій прошиворѣчатъ сему объясненію. Во первыхъ спрашивается: по чему одни только *полированные* металлы имѣ-

---

*) Изъ *Lettres à Sophie*. Tome IV. См. les notes.

юсть свойство оппалкивать росу, между тѣмъ какъ поверхность *неполированныхъ* покрывается ею почти столько же, какъ и другихъ тѣлъ. Во вѣпорыхъ, извѣстно, что самая обильная роса падаетъ по утру, и конечно металлическія дощечки, положенныя съ вечера для сего опыта, довольно имѣюшь времени лишашься своей шеплошы.

Въ шрепъихъ: было доказано опытами Дюфая, Мушенброка и многихъ другихъ Физиковъ, что если металлы и всѣ проводники электричества оппалкивають росу, то напротивъ вещества спекловатыя, жирныя и смолистыя, ш. е. непроводники электричества, привлекаюшь ее въ большемъ количествѣ. Сіи разительныя опыты не позволяюшь, каженіся, сомнѣвашься, чтобъ сіе явленіе не зависѣло отъ электричества.

Для убѣжденія въ семъ положеніи вспомнимъ нѣкоторыя законы, принятыя всѣми Физиками:

1. Разныя тѣла могушь содержашь въ себѣ два рода электричества: одно электричество *положительное* или съ *плюсомъ*; другое *отрицательное* или съ *минусомъ*, слѣдуя ученію Франклина; или электричество стекла и смолы, какъ называетъ ихъ Дюфай.

2. Два тѣла, одинаково наэлектризованныя, оппалкиваются; а наэлектризованныя различно привлекаются.

3. Наконецъ, два тѣла привлекаются, когда

одно изъ нихъ наэлектризовано отрицательно, или положительно, а другое находится въ естественномъ состояніи покоя.

Теперь, для изъясненія предложеннаго явленія, надлежитъ только изслѣдовать, какое обыкновеннѣйшее электричество атмосферы, паровъ, въ ней находящихся, и шель, вліянію ее подверженныхъ.

Электричество атмосферы (въ ясную погоду, т. е. когда образуется роса) бываетъ всегда *положительное*, что доказано многочисленными опытами двухъ славныхъ мужей: Соссюра и Вольфы.

Съ другой стороны, Соссюръ увѣрился, что электричество водяныхъ паровъ бываетъ всегда отрицательное (и сіе, можетъ быть, есть главная причина ихъ восхожденія въ атмосферу, куда они привлекаются положительнымъ электричествомъ воздуха, котораго сила умножается по мѣрѣ удаленія отъ земли).

Сей же Физикъ, столь хорошо разсматривавшій предметы въ большомъ видѣ, предположилъ, весьма согласно съ обыкновеннымъ ходомъ Природы, что электричество постепенно нисходитъ съ высоты атмосферы, проникаетъ въ нѣдра земли и замѣняетъ электричество, уносимое безпрестанно парами; и что посредствомъ сего *вѣчнаго обращенія* восстанавливается равновѣсіе (или почти такъ; ибо нѣтъ ничего покойнаго въ Природѣ).]

По сему должно почитатьъ восходящія пары наэлектризованными отрицательными; а низходящія отъ сгущенія ихъ въ капли, наэлектризованными положительными.

Посмотримъ теперь, что происходитъ съ тѣлами, подверженными вліянію росы: тѣла металлическія, будучи превосходными проводниками электричества, легко поглощаютъ его изъ окружающаго воздуха; и такъ въ нихъ электричество положительно; слѣдовательно онѣ должны опшадкивать капли росы, которыя также наэлектризованы отрицательно.

По противной причинѣ *нижняя* поверхность сихъ же самыхъ металлическихъ тѣлъ, повѣшенныхъ на малое разстояніе отъ поверхности земли, покрывается росой, полагая, что пары, образующіе сію восходящую росу, были наэлектризованы отрицательно, и слѣдственно должныствовали быть притягиваемы тѣлами наэлектризованными съ плюсомъ.

Выше замѣчено противорѣчіе, что тѣла, имѣющія поверхность *неполированную*, принимали нѣкоторое количество росы, хотя и были *металлическія*; но многочисленные опыты доказали Физикамъ, что тѣла, коихъ поверхность покрыта малыми неровностями, бывають всегда наэлектризованы различно отъ тѣхъ же самыхъ тѣлъ *наполированныхъ*; такимъ образомъ неполированные металлы, будучи наэлектризованы отрицательно, должныствовали, какъ и

всѣ другія тѣла, имѣющія сіе же электричество, привлекають пары наэлектризованные положительно; и такъ прошиворѣчіе уничтожается.

Такъ какъ тѣла стекловатыя и смолистыя электризуются только напираниемъ, опниудь не сообщениемъ, и пакъ какъ онѣ пребываютъ въ состояніи ихъ естественной неподвижности, то существуетъ между ими и тѣлами наэлектризованными какимъ бы ни было электричествомъ, припязненіе болѣе или менѣе сильное; и дѣйствіемъ сего припязненія капли восходящей или нисходящей росы равномерно привлекаются въ верхней и нижней поверхности тѣлъ сего рода.

Дл. Меньшенинъ.

ПАМЯТНИКЪ ГЕТЕ:

Во Франкфуртѣ, гдѣ родился авторъ Вертера, положено воздвигнуть въ честь его памятникъ. Даннекеръ, одинъ изъ лучшихъ Скульпторовъ нашего времени, прудился будеть надъ колоссальною статуею Гете. Г. Торвальдену поручено приготовить барельефы, которыми украсится пьедесталь. Предметы для оныхъ заимствованы изъ Германа и Доропей, поэмы Гете, въ коей многія мѣста имѣють отношенія къ жизни Поэта. Мыслию такого памятника, который сколько же приноситъ чести чувствованія въ Франкфуртскихъ жителей, сколько и знаменитому Поэту, почитаемому и любимому ими, преимущественно обязаны Г. Морицу Бемману.

(Изъ *Révue Encyclopédique.*)

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА.

1.

Во исполнение § 22 второй части Устава, Общество долгомъ считаетъ извѣстить почтенныхъ читателей *Соревнователя* о поступившихъ суммахъ, причисленныхъ къ кассѣ, на благотвореніе опредѣленной:

Ошь Гг. Членовъ Корреспонденцовъ:

Петра Герасимовича Воскресенскаго	15	руб.
Павла Александровича дю Брукса	10	—
— Г. Совѣтника Иркутскаго Губ. Правленія Михайлы Евграфовича Кузнецова	5	—
— — — — — Неизвѣстнаго, чрезъ Г. Секретаря Общества А. А. Никипина для Пансіонера Общества Г. Новосе- лова	75	—

И того 105 руб.

Общество обязанностію поспавляетъ означеннымъ Гг. Членамъ Корреспонденцамъ, равно какъ Г. Кузнецову и Неизвѣстному изъявить совершенную благодарность за принесенныя ими пожертвованія въ пользу бѣдныхъ.

II.

На основаніи §§ 15 и 17 второй части Устава, выдано Пансіонерамъ Общества за Ноябрь мѣсяць:

Г. Новоселову	50 руб.
Г. Аникину	25 —
Г. Захарову	15 —

И того 90 руб.

III.

За представленныя сочиненія и переводы, Обществомъ одобренныя, по существу § 26 Устава принять въ Дѣйствительные Члены:

Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго полка Поручикъ Александръ Александровичъ Безспужевъ.

На основаніи § 33, избраны въ Почетные Члены:

Г. Вице-Адмиралъ Николай Семеновичъ Мардвиновъ и Г. Генераль-Маіоръ и кавалеръ Александръ Александровичъ Писаревъ.

IV.

Во исполненіи §§ 44 и 45 первой части Устава, избранъ, по балопированію, на сіе текущее полугодіе, Секретаремъ Цензуры и Комитета И. А. Гарижскій, а исправлявшій предъ симъ должность сію Г. Дѣйствительный Членъ Ф. Ф. Мапковичъ оставленъ въ званіи Члена Цензур-Комитета.

Общество, имѣвъ честь получить для биб-

лющеки своей отъ Совѣща Императорскаго
Московскаго Университета 2 экземпляра рѣ-
чей, произнесенныхъ при торжественномъ отъ-
крытіи и освященіи новыхъ въ Москвѣ Инсти-
тутовъ Медицинскаго и Клиническаго, долгомъ
считаешь изъяснить сему почтеннѣйшему Со-
словію истинную благодарность.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

О подпискѣ на Журналъ Благонамѣ- ренный.

Для Журнала: *Благонамѣренный*, на будущій 1821 годъ, предназначены слѣдующія чепыре опдѣленія:

I. *Изѣщная Словесность.* — 1) *Стихотворенія*, какъ по: Оды, Романсы, Пѣсни, Элегіи, Посла- нія, Идилліи, Басни, Сказки, Эпиграммы, и проч. — также опрывки изъ Поэмъ, Трагедій и Комедій. 2) *Проза*: Рѣчи, Повѣсти, Разговоры, небольшія Комедіи, Письма, Апологи и Басни (заимспвованныя у лучшихъ Фабулистовъ) — опрывки изъ историческихъ сочиненій, живо- писныхъ пушешествій, и ш. п.

II. *Литтература, Науки и Художества.* — Теорія Словесности, Наукъ и Художествъ — раз- сужденія о разныхъ ученыхъ предметахъ.

III. *Критика.* — Разборъ нѣкоторыхъ новыхъ книгъ и образцовыхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ.

IV. *Смѣсь.* — 1) Биографіи знаменитыхъ му- жей. 2) Иностранныя и опечесственныя анекто-

лны. 3) Разныя замѣчанія *). 4) Извѣстія о новыхъ важнѣйшихъ открытіяхъ въ ученomъ свѣтѣ. 5) Извѣстія о новыхъ иноспранныхъ и Русскихъ книжкахъ. 6) Извѣстія о бѣдныхъ и Благошвореніяхъ. 7) Любопытныя новости.

Многіе извѣстные Литтераторы обѣщали принять участіе въ трудахъ Издашеля, кошорый упошребитъ всѣ зависящія отъ него способы сдѣлать Журналь свой сколь возможно занимательнѣе и разнообразнѣе.

Хотя Издашель не имѣеть недоспашка въ матеріалахъ для своего Журнала; но съ удовольствіемъ и съ благодарностію помѣщать будетъ въ ономъ доставляемыя къ нему отъ постороннихъ особъ сочиненія и переводы, если шолько найдеть ихъ по содержанию и по слогу соопвѣщающими плану его изданія.

Каждый мѣсяць выходишь будетъ, какъ и прежде, по два номера; шесть номеровъ составляють часть, а чешыре части годовое изданіе. При нѣкоторыхъ книжкахъ приложены будутъ гравированныя изображенія, какъ по; чершежи, виды и пр. и.

Подписка на Журналь: *Благонамѣренный* принимается въ С. П. бургѣ у Издашеля Кол. Сов. *Александра Ефимовича Измайлова*, живущаго на Пескахъ противъ Бассейна въ каменномъ.

*) *Алекдонъ* и *Разныя замѣчанія* печатаемы будутъ съ 1821 года въ каждой книжкѣ *Благонамѣреннаго*.

прехъэтажномъ домѣ Моденова подѣ N 283; въ Газетной С. П. бургскаго Почтамта Экспедиціи, копорая приняла самыя вѣрныя мѣры къ исправному доставленію сего Журнала иногороднымъ подписчикамъ, и у всѣхъ здѣшнихъ книгопродавцевъ; а въ Москвѣ у Содержателя Университетской типографіи *А. С. Ширлева*. Цѣна за годовое изданіе, ш. е. за 24 книжки, здѣсь въ С. П. бургѣ, на любской бумагѣ 35 *), а на простой 30 рублей; за полугодовое же, или за 12 книжекъ въ половицу менѣе. За пересылку въ другіе города и за доставленіе на домъ прилагается въ годъ по 5 р., а за полгода 2 р. 50 к. Для всѣхъ вообще казенныхъ и частныхъ училищъ дѣлается уступки отъ каждаго экземпляра въ годъ по 10 р. Начальники, Правленія, или Содержатели оныхъ, благоволяшь относиться съ требованіями своими къ самому Издателю.

У Издателя *Благонамереннаго* можно еще получать сей Журналь за 1818, 1819 и 1820 годы. Цѣна первому 25, а послѣднимъ по 30 р. безъ пересылки на простой бумагѣ. Если же кому изъ подписавшихся на слѣдующій 1821 годъ угодно будешь взять у *самаго Издателя* Журналь сей и за прежніе три года; въ шакомъ

---

*) Желающіе получать Журналь сей на любской бумагѣ благоволяшь подписаться на оный заблаговременно, ш. е. до 1 Января 1821 года.

случаѣ имѣеть бытъ сдѣлано уступки отъ каждаго годоваго экземпляра по 10 р. На пересылку прилагается за каждый годъ по 5 р.

А. Измайловъ.

2.

Басни и Сказки Александра Измайлова (Члена Общества любителей Словесности, учрежденныхъ при ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскомъ и Казанскомъ Университетахъ, также С. П. бургскаго Общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ и Вольнаго Общества любителей Россійской Словесности) напечатаны уже прѣмъ изданіями. Первое, содержащее въ себѣ 24 Басни, вышло въ 1814 году и тогда же все было раскуплено. Второе, раздѣльное на три книги, изъ коихъ въ каждой помѣщено по 15 Басень, напечатано въ 1816 году. Наконецъ прѣше въ 1817, подъ названіемъ: *Новыя Басни* (числомъ 22) *А. И.*, съ присовокупленіемъ *мѣлкихъ стихотвореній и Опыта о Разказѣ Басни*. Сии два послѣдніи изданія также почти всѣ уже разошлись, и оныхъ, особенно впрочемъ, оспается теперь самое малое число экземпляровъ. Сочинитель, написавшій между темъ нѣсколько новыхъ Басень и Сказокъ и выправивъ съ раче-

нѣмъ прежнія, рѣшился нынѣ приступитъ къ четвертому изданію, которое состоятъ будеть изъ трехъ отдѣленій. Въ первомъ помѣщены будеть собственно такъ называемыя *Басни*, или *Апологи* (*fables morales et mixtes*); во второмъ *Притчи* и *Сказки* (*fables raisonnables et contes*); въ третьемъ *Опытъ о Разказѣ Басни* и *Разборъ нѣкоторыхъ образцовыхъ Басенъ лучшихъ нашихъ фабулистовъ*.—Книга сія составитъ по крайней мѣрѣ 25 печатныхъ листовъ и напечатана будеть на хорошей бумагѣ.

Подписка принимается: въ *С. П. бургѣ*, у самаго Сочинителя и у всѣхъ здѣшнихъ книгопродавцевъ; а въ Москвѣ у содержателя Университетской типографіи *А. С. Ширлива*. Цѣна назначается самая умеренная, а именно 10 р. въ бум. Если число подписчиковъ будеть весьма значительное, то книга сія украситъ искусно гравированнымъ заглавнымъ листомъ, виньетами, или картинками, безъ всякой прибавки за то цѣны. За пересылку прилагать денегъ не нужно. Для всѣхъ вообще казенныхъ и частныхъ училищъ дѣлается уступки отъ каждаго экземпляра по *три* рубли. Начальники, Правленія, или Содержатели оныхъ благоволятъ опноситься съ требованіями своими къ самому Сочинителю.—Подписка прекратится съ объявленіемъ сего чрезъ два мѣсяца съ половиною, ш. е. 1 ч. Февраля 1821 года, и напечатается почши столько же экземпляровъ, сколько будеть субскр

беншовъ. Имена подписавшихся особъ припеча-
таются въ концѣ книги, которая выйдетъ
непрѣменно въ Маѣ мѣсяцѣ, а можетъ быть и
ранѣе. По окончаніи подписки и по ошпечатаніи
книги, продаваться она будетъ не менѣе какъ
по 15 рублей.

А. Измайловъ.

П Р О З А.

О ПРЕБЫВАНІИ КОРАБЛЯ СУ-
ВОРОВА ВЪ НОВОЙ ГОЛЛАНДІИ.

(Окончаніе.)

---

*Прибытіе судна съ китовой ловли. От-
бытіе отъ корабля штурмана Де-Силь-
ве. Странная жизнь его. Приготовленіе
корабля къ отплытію въ море. Повѣрка
хронометра.*

23 числа отправились изъ здѣшняго пор-
та двѣ Англинскія шкуны на оспровъ Иль-
де-Франсъ, и на одной изъ нихъ мы посла-
ли письма въ Европу; но послѣ узнали, что
оня не дошли по назначенію. Спуска при
дни прибыло сюда съ китовой ловли Ан-
глинское шрехъ-мачтовое судно, на коемъ
Кяпитаномъ былъ Г. Баренсъ, который лишь
только узналъ, что здѣсь находится Русскій

корабль, що прїѣхаль шопчасъ къ намъ, и чрезвычайно былъ радъ, видя Русскихъ, коими не можешь нахвалишься, бывъ нѣсколько разъ въ Россіи близъ Архангельска.

27 Августа оплучился самовольно ошъ корабля штурманъ Де-Сильве, Бенгальскій уроженецъ города Калькупы. На шрепій день нашего прихода въ Новую Голландію, онъ нашель здѣсь случайно своихъ знакомыхъ и узналъ ошъ нихъ о соспоянїи своего семейства, жившаго въ Калькутѣ, о кошпоромъ не имѣлъ никакого свѣденія. Можно вообразить себѣ, въ какомъ онъ былъ вошпоргѣ, не видѣвшись слишкомъ восемь лѣтъ съ женою и родными и вдругъ получивъ объ нихъ прїяшное извѣстіе. — Вѣроятно его уже не считали въ живыхъ, пошому что онъ находился на Осп-Индскомъ купеческомъ кораблѣ съ Капишаномъ Барбаромъ, кошпорый зашелъ въ Сѣверо-западную Америку на ошпровъ Кадьякъ, продалъ свой корабль Россійско-Американской компаніи и опправился въ Россію за полученіемъ денегъ; но прибывъ въ Камчашку, въ Пешропавловскій Портъ и, намѣрясь ѣхать берегомъ въ С. Петербургъ, на дорогѣ ли-

шилъ себя жизни, зарѣзавшись бритвою. Всѣ находившіеся на корабль возвратились благополучно по мѣстамъ своего назначенія, кромѣ одного Де-Сильве, который по приглашенію тамошняго главнаго правителя, Г. Баранова, оспался на выгодныхъ условіяхъ въ заселеніяхъ Россійско-Американской компаниі для управленія тамошними судами. Жизнь Де-Сильве очень удивительна. Куда судьба не ведетъ человѣка? Въ 1808 году, по случаю разрыва съ Англіею, отправили его чрезъ Охотскъ берегомъ въ Москву, гдѣ онъ спалъ извѣстенъ во многихъ значныхъ домахъ и особенно обласканъ тамошнимъ Губернашоромъ. Въ 1812 году, по случаю созванной милиціи, Де-Сильве находился въ оной, и жишель Бенгальскій былъ Русскимъ сошникомъ.—Въ 1813 году извѣстясь объ отправленіи корабля Суворова, онъ подалъ прошеніе въ Главное Правленіе Россійско-Американской компаниі, находящейся въ С. Петербургѣ, отъ которой и принятъ былъ на корабль въ должностъ шрестьяго штурмана на 1500 рублей годоваго жалованья и 600 рублей щоловыхъ, и при отъѣздѣ получилъ на равнѣ съ прочими

*

жалованье за полшора года впередъ. По прибытіи въ Поршь-Джаксонъ Де-Сильве, представляя свои обстоятельство Капитану, убѣдительно просилъ, чтобъ его оставили въ Новой Голландіи, откуда ему легко можно было возвратиться въ отечество, ибо Ост-Индскіе корабли каждый годъ сюда заходящъ; но однакожь онъ никакъ не соглашался, зная, что за шо должно будешь отвѣчать Главному Правленію Американской компаніи, хошя внутренно мы всѣ желали доброму Де-Сильве счастья. Сколько ни убѣждали его, что онъ можешь доѣхать въ Индію изъ Сѣверо-западной Америки, куда шакже приходишь много иносшранныхъ судовъ для мѣны поваровъ и отшправляющся въ Каншонъ, отъ кошораго уже не далеко до Бенгала; но всѣ наши совѣшны отшпались шщешны. Онъ сдѣлался печалень и задумчивъ, а 27 числа отшпросясь у командующаго на берегъ, не возвратился, и мы безуспѣшно старались отшискашь его убѣжище.

31 Августа исправя корабль, мы совершенно были готовы къ отшплытію въ море, не смотря на шо, что было чрезвычайно много работы. Во время нашего здѣсь

пребыванія, мы пересмотрѣли провизію, запаслись водою, перешянули весь споячій шакелажъ, выконопачили корабль, выкрасили оный, починили корабельныя шлюбки, починивали паруса, сдѣлали новый *еротъ-стеневъ салиневъ* и проч. Также купили 136 пудъ сухарей, дровъ для корабля 10 шонъ, красокъ и прочія принадлежности. При всемъ шомъ всегда только половина команды оспавалась на корабль для работы; другіе же оспавались на берегу, наслаждаясь пріятностію времени.

Описаніе Портъ-Джаксона или города Сидни. Положеніе города. Красивое положеніе, устройство и опрятность домовъ. Прекрасныя сады. Жизнь ссылокныхъ. Увеселительное мѣстечко. Ызда Ангелитанъ для прогулки. Жители. Гавань. Запрещеніе ролю. Ново-Голландскія деньги.

Городъ Сидни, главное селеніе Новой Голландіи и столица всѣхъ Англинскихъ владѣній въ Австраліи или пяшой части свѣша, лежишь подъ $33^{\circ} 51' 30''$ Южной широты и $151^{\circ} 20' 30''$ Воспочной долготы. Онъ

находишься на скапѣ двухъ высокихъ холмовъ и пересѣкаешься малымъ испочникомъ, представляя самый живописный видъ. Съ правой и лѣвой стороны двѣ башари защищаютъ входъ въ гавань, изъ которой можно видѣть красивѣйшую часть города, домъ Генераль-Губернатора *Макварія*, построенный въ Италіанскомъ вкусѣ съ прекраснымъ фруктовымъ садомъ, парадное мѣсто, Воспитательный домъ, полковую церковь, обсерваторію, магазейны, мѣльницы и множество другихъ строеній. Нельзя повѣрить, чтобы какой нибудь другой городъ въ 26 лѣтъ могъ придти въ лучшее состояніе. Въ 1788 году Англичане только что начали расселяться въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и по нынѣ еще обитаютъ дикіе.

Всѣ дома построены каменные, и для избѣжанія пожара каждый отдѣленъ отъ другаго прекрасными садами и огородами, гдѣ растутъ всѣ Европейскія произведенія. Главная площадь въ Сидни окружена прекрасными зданіями. У приспани находятся три публичныя магазина, гдѣ жищели, за сходную цѣну, могутъ покупать все, что имъ нужно. Сидни, по прекрасному мѣсто-

положенію и умѣренному климату, со временемъ сдѣлается очень достопримѣчательнымъ городомъ. Пространство и населеніе его каждый годъ возрастаетъ. Прежде посылались сюда только за преслушенія: нынѣ же пріѣзжаютъ многіе по охотѣ, и въ короткое время дѣлаются хорошими хозяевами и наживаютъ богатство экономіею и улучшеніемъ земледѣлія. Правительство даетъ къ тому всѣ средства: опиводитъ мѣста, ссужаетъ матеріалами и даже рабочими людьми. Здѣсь весьма рѣдко найдешь, чтобы два семейства жили въ одномъ домѣ; но каждое имѣетъ хоть не большой, но свой собственный. Оныя строения изъ кирпичей, кои кладутъ только въ одинъ рядъ, обмазываются глиною и выбѣлены извѣсткою, отъ чего наружный видъ домовъ очень приятенъ, а внутри красивая опрятность и чистота. Словомъ сказать, всякой здѣшній поселенецъ имѣетъ свое жилище и при томъ огородъ, гдѣ можно найти всѣ хозяйственные произрастенія. Предъ каждымъ домомъ сдѣланы полисадники, гдѣ очень красиво расположены дорожки и гряды, на коихъ посажены лучшіе пахучіе цвѣты и

фрукшова деревья. И такъ каждый сосланный сюда за пресупленіе, живешъ гораздо лучше, нежели просполудимы въ Англии, и подь спрогимъ надзоромъ, не имѣя ни въ чемъ нужды, дѣлаешся добрымъ и полезнымъ гражданиномъ. Рѣдко кшо изъ нихъ, по испеченіи срока ссылки, рѣшаешся возвращишся въ отечество. Напрошивъ того, всякой желаешъ окончить жизнь шамъ, гдѣ онъ нашель довольство и сладкое спокойствіе.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ города, часа на четыре ѣзды, здѣсь ешъ увеселительное мѣстечко, называемое *Парамата*, куда почти каждый праздникъ Англичане и Англичанки ѣздяшъ верхами для прогулки; другіе же въ легкихъ о двухъ колесахъ небольшихъ одноколкахъ, запряженныхъ въ одну лошадь и называемыхъ *ситками*, на кошорыхъ сидящій долженъ самъ править. Въ нихъ по большой части ѣздяшъ Англичанки. Спашная, красивая Англинская лошадь—сѣрая или пѣгая, коляска лепишъ, и прелесшная дѣвушка, улыбаясь, править возжами. Дорога въ Парамашу сначала идешъ чрезъ густой лѣсъ, гдѣ шишина прерываешся пѣніемъ пшиць и кри-

комъ попугаевъ, которыхъ здѣсь множество во всякомъ лѣсу. Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ селенію, шѣмъ дорога дѣлается пріямнѣе, земля становится плодоноснѣе, мѣстами видны сквозь лѣсъ обработанныя поля, гдѣ на благоухающей травѣ играютъ стада овецъ; быки, коровы и лошади шуютъ же свободно ходятъ и утоляютъ жажду при маленькой быстрой рѣчкѣ, текущей изъ-за пригорка черезъ всю долину. Одна мыза видна за другою; всѣ выстроены въ прекраснѣйшемъ видѣ и обсажены плодовитыми деревьями и цвѣтами. Роши улыбаются за рощами и цвѣтники за цвѣтниками; наконецъ пріѣзжаютъ въ слободу, лежащую на пріямной равнинѣ, на берегу свѣплой небольшой рѣчки, Парамашы, отъ которой она и названіе свое получила. По сей рѣчкѣ отправляются пакетботы въ городъ Сидни. Здѣсь находишься около полуторапла красивыхъ домовъ и праспиръ для пріѣзжающихъ, гдѣ останавливаются пить кофе и выходятъ гулять по цвѣтущимъ берегамъ рѣчки пѣшкомъ. Въ окрестностяхъ Парамашы вездѣ видны пучныя, прекрасныя пажити для стада. Всѣ здѣшніе жители

стараются о размноженіи овецъ; почему должно думать, что Англичане со временем не будутъ имѣть нужды покупатьъ изъ другихъ земель шерсть для дѣланія суконъ. Пріѣхавъ сюда утромъ, проводящъ здѣсь цѣлый день; къ вечеру возвращающся опять въ городъ.

Число Англичанъ въ Новой Голландіи считается до 10 тысячъ, въ томъ числѣ около 7 тысячъ состоятъ изъ преступниковъ; войска же до 2 тысячъ съ половиною. Настоящіе здѣшніе жители, выключая дикихъ, родятся гораздо красивѣе, нежели въ Европѣ; съ перваго раза можно видѣть, кошорые привезены, и кошорые здѣсь родились, особливо женщины, у коихъ цвѣтъ лица гораздо нѣжнѣе. Дѣти настоящіе купидоны, румяные, полные; климатъ самый умѣренный и пріятнѣйшій въ свѣтѣ. Здѣсь почти два годовыя времена, весна и лѣто, отъ чего женщины чрезвычайно плодородны. Я знакомъ съ семействомъ одного человѣка, кошорый женился назадъ тому восемь лѣтъ и имѣетъ двѣнадцать человѣкъ дѣтей, одинъ другаго прелеснѣе. Подобныхъ семействъ здѣсь очень много.

Гавань довольно просторна и безопасна

почти опъ всѣхъ вѣтровъ. Сюда ежегодно заходятъ Ост-Индскіе купеческіе корабли съ богатымъ грузомъ, и попому здѣсь, въ бытность нашу, всѣ Ост-Индскіе шовары, шелковые плашки, разныя шелковыя машеріи, полошно, миткаль, кисея, батистъ и проч. были очень дешевы. Напроривъ того, Русскіе продукты, какъ по: парусина, фламское полошно, равендукъ, холстъ, пакелажъ, желѣзо и проч. были дороги, особенно стеклянная посуда, ибо дюжина проспыхъ спакановъ, въ нашу бытность, стоила 24 шиллинга. Сюда позволяють привозить всѣ мануфактурныя издѣлія и произведенія всякаго рода, выключая одного рому, ввозъ котораго строго запрещень, и для того всѣхъ машросовъ, сѣзжающихъ съ кораблей, обыскивають; но по особенному благоволенію здѣшняго Губернатора намъ позволено было свозить на берегъ не болѣе одной бушылки, и то не для продажи, а если случится для мѣны за какую нибудь вещь.

Деньги здѣсь по болшей части ходять бумажныя, выдаваемыя Губернаторомъ, который однакожь обязанъ послѣ плашить за оныя серебромъ или векселемъ по пере-

воду на Англійское правительство. Мѣд-
ныхъ денегъ весьма мало, а серебра почти
совсемъ нѣтъ; не за долго только предъ на-
шимъ приходомъ прислало сюда Англійское
правительство около 50,000 Гишпанскихъ
піаспровъ (200,000 руб.), на коихъ въ са-
мой срединѣ сдѣлана дыра, величиною не
много менѣе шиллинга, а вокругъ выбита над-
пись: New South Walis: ш. е. Новая Южная
Валлійская земля; на другой же споронѣ
Five schilling (пять шиллинговъ). Вынутый изъ
средины піаспра кружокъ ходитъ за 15 пен-
совъ: съ одной спороны выбито на немъ
Fifteen pence (пятнадцать пенсовъ), а на
другой корона. Сія странная выдумка сдѣ-
лана для того, чшобъ не вывозишь изъ Но-
вой Голландіи серебряныхъ денегъ, дабы оныя
не могли быть въ оборотѣ нигдѣ болѣе,
кромѣ сего мѣста, выключая если кто ни-
будь попроситъ взять съ собою для рѣдко-
сти. Капитанъ, офицеры и я взяли нѣ-
сколько сихъ монешъ съ собою; но по при-
бытіи въ новый Албіонъ и Перу всѣ поч-
ти раздали. Въ Лимѣ я отдалъ послѣднюю
для Вице-Короля, по убѣдительной просьбѣ
Г. Донъ Педро Абадіи.

О СЪВЕРНОЙ ПОЭЗИИ (*).

(Продолженіе.)

4. Въ срединѣ V столѣтія пришли въ Британію Германскіе народы Саксонскаго союза — на помощь Британцамъ проотиву ихъ непріятелей; но вскорѣ, усилившись новыми выходцами изъ своего опечества, овладѣли они и сими древними жипелями и, по спрашной бипвѣ съ ними, принудили ихъ оспавипь свои жилища и искашь себѣ убѣжища въ Арморикѣ и гориспыхъ спранахъ Валеса и Корнвалеса. Сии Германскіе пришельцы, соспоявшіе изъ многихъ поколѣній, были храбры и воинспвенны, но спольже дики, какъ ихъ союзники; чужды всякаго образованія, не зная даже и искуспва письма. Предводипели сихъ различныхъ Саксонскихъ ордъ основали мало по мало опдѣльныя неболь-

---

(*). Первая спашья о семь и помѣщена въ *Сорв.*
Просв. Ч. XI. стр. 249.

шія владѣнія или королевства, воевавшія въ послѣдствіи времени непрестанно одно съ другимъ. Въ концѣ VI столѣтія усилилось болѣе прочихъ королевство Кеншъ: Англія находилась тогда почти въ подобномъ сословіи, какъ и Норвегія до царствованія Гаральда (Harald Schönhaag): однако, Король Эпельбертъ покорилъ уже многія изъ тѣхъ небольшихъ владѣній; а около 827 года и всѣ онѣ числомъ восемь соединены были въ одно Королемъ Егбертомъ Вессекскимъ. Христіанство процвѣшало тогда между Бригами; но новые ихъ владѣтели онаго не принимали и даже старались искоренить, упоминая необыкновенную жестокость. Усилія ихъ обращены были на то, чтобы не только противоборствовать чуждому правленію, подобно какъ поступали ихъ союзники въ другихъ областяхъ Римской Имперіи, но и самымъ жипелемъ, какъ ближайшимъ и единственнымъ своимъ врагамъ (шакowymi они ихъ почитали) и ихъ Религіи (*). Однако она вскорѣ воспоржествовала!—Король Эпельбертъ, со-

(*) Plank Gesch. der christlich-kirchlichen Gesellschaftsverfassung II, 40 ff.

ченавшійся бракомъ съ Принцессою Франконскою, предоставилъ ей (по условію, еще до замужества оупъ нея предложенному,) свободное исповѣданіе Евангелія: посему, между Англо Саксами, родился свѣтъ Божественный.—Григорій Великій отправилъ Августина, Римскаго Аббата, проповѣдывать въ Англіи крещеніе. Онъ и прочіе миссіонеры склоняли къ сему споль же кропко и умѣренно, какъ и въ послѣдствіи времени въ Сѣверныхъ царствахъ. Новая Религія имѣла тѣ же благотворныя слѣдствія въ Англіи, какъ и въ другихъ спранахъ. Преніе дикіе обитатели вскорѣ сдѣлались общежительными; правленіе приведено въ порядокъ; произошли письменные законы; открылись новыя удобности для жизни, и образование въ наукахъ было уже необходимо. Слѣдовательно Христіанская Религія спакже и въ Англіи предшествовала высшему во всемъ просвѣщенію: оно оказало великіе успѣхи, будучи благопріятствуемо нѣкопорыми Правителями, а особенно Альфредомъ; вездѣ заведены были училища, и знаменитыя сочиненія среднихъ вѣковъ переведены на опечешвенный языкъ.

5. Къ образованію суровыхъ Англо-Саксовъ не мало также содѣйствовали и оставшіеся Бриты; несправедливо думаютъ, будто бы они совершенно истреблены были: большая часть ихъ должна была покориться и потомъ содѣлать съ ними одинъ народъ (*). Въ то время, когда Англо-Саксы приняли Христіанскую вѣру, открылось болѣе средствъ къ просвѣщенію: многіе ученые Италіанцы (Welsche) вступали ко двору ихъ въ службу, и оба сіи народы занимались однимъ опъ другаго нѣкоторыя постановаенія, относящіяся къ благочинію (Polizei) и государственному устройству (Staatsverfassung), на примѣръ: Ярлы (у Англо-Саксовъ Eorls) составляли также и у Италіанцевъ третью степень дворянства. Неоспоримо, что древніе Бриты были много образованы: наружныя обстоятельства, сношеніе съ Римлянами и Христіанская Религія преимущественно въ семь имъ способствовали; однако намъ весьма мало извѣстно о ихъ просвѣщеніи въ первобытныя времена. Новѣйшіе Исторіографы повѣствуютъ

(*) Turner I, 246.

о семь споль же не основательно, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ: они спараются приневолишь съдую древность говоришь сообразно съ ихъ системою; замѣняють вымыслами недоспашокъ въ объясненіяхъ и посредствомъ однихъ догадокъ составляютъ полную Испорію изъ частныхъ преданій. Въ нижеслѣдующемъ мы представимъ шолько то, что намъ извѣстно о Поэзіи у Англо-Саксовъ. Италіанскій языкъ, не смотря на множество горшанныхъ въ немъ звуковъ и согласныхъ, нѣженъ, сладкозвученъ, величественъ и выразишеленъ: онъ состоишь большею частію изъ односложныхъ словъ, неимѣющихъ слогуударенія (Quantität): лиры Италіанскихъ стихотворцевъ издають одни гармоническіе звуки, выражая пріятно и самыя грубыя согласныя, распавленныя въ стихъ съ особеннымъ искусствомъ и смягченныя соединеніемъ съ гласными. Законы ихъ Поэзіи очень строги: они налагають тяжелыя цѣпи на генія Бардовъ. Главное правило состоишь въ искусственномъ подборѣ одинакихъ буквъ (alliteration), къ коему въ позднѣйшія времена присоединилась рима; языкъ споль богашъ подобнозвучными сло-

вами, что даже длинныя стихотворенія имѣютъ одну только риѣму во всѣхъ стихахъ. Испаліанцы одушевляли себя стихотворствомъ: имъ благопріятствовала гражданская свобода въ высшей степени; прекрасная страна, въ коей они обитали, образовала ихъ воображеніе; война и любовь — сіи двѣ силы владычествовали духомъ свободныхъ и благородныхъ мужей: возвратившись изъ пламенныхъ битвъ, они проводили время въ звѣриной ловлѣ, въ играхъ, въ занятіяхъ, въ бесѣдахъ съ женщинами и за праздничными пирушками, за спаканами съ медомъ, оцѣнивали воинственные подвиги своихъ соотечественниковъ. Всѣ любили пляску, пѣніе и сотоварищество; дружеское обращеніе съ гостями сдѣлалось всеобщою добродѣтелью; гостепріимство распорядило дома и приглашало въ оныя чужестранцевъ. Званіе Бардовъ было самое почтительное: знаменитые мужи въ отечествѣ и родственники Королей находились въ числѣ ихъ; они воспѣвали сраженія, участвовали сами въ нихъ, и принимаемы были въ совѣты Государя и Полководцевъ: обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы

возбуждаютъ соотечественниковъ къ битвѣ прошиву Саксовъ: оставшіяся многія стихотворенія свидѣтельствуютъ о семъ; ихъ относятъ къ однимъ опдаленнымъ временамъ, но повидимому онѣ сочинены въ позднѣйшія. Сами Италіанскіе Короли принимали живое участіе въ стихотворствѣ и музыкѣ, предсѣдательствовали въ сонмѣ Бардовъ и издали законы въ пользу сихъ изящныхъ искусствъ. Однако нельзя точно опредѣлить, сколь много изъ новѣйшихъ учрежденій Говелля и Груффуддабъ Цинана, касательно сего предмета, должно отнести ко временамъ древнѣйшимъ. Опеченное стихотворство начало приходить въ упадокъ по завоеваніи земли (въ XIII столѣтіи): поелику оно возбуждало многократно гражданъ къ защищенію себя противъ побѣдителей, то сіи старались искоренить его, а съ нимъ вмѣстѣ языкъ и всё природное (Nationalität) (*). Въ VI и VII

(*) Edw. Jones musical and poetical relics of the welsch bards, a new edition London. 1794. Fol. Драгоценное собраніе, не смотря на совершенный недостатокъ Крипики и порядка: жаль также, что Италіанскія (welsche) сти-

сподѣшии было великое число Бардовъ: находящяся неоспоримыя свидѣтельства, что Италіанская (welsche) Лиштература, законодательство и ш. п. возбуждали вниманіе даже Англо-Саксовъ, какъ то: *Алфреда* и другихъ; посему вѣроятно, что Италіанское стихотворство служило образцемъ, по коему они образовали свое столько, сколько позволяло совершенное несходство ихъ языковъ. Вѣроятно также, что изъ опечесства своего принесли Саксы грубое необразованное стихотворство: ибо нельзя найши никакого признака, чтобы подборъ буквъ (allitération) былъ когда-либо всеобщимъ закономъ сего искусства (Technik) въ Германіи: конечно оный примѣненъ въ нѣкошорыхъ въ видѣ пословицъ упопре-

хотворенія не переведены до слова, но искусственными оборотами (парафразами) въ приемахъ; сіе сочиненіе важно еще потому, что въ немъ показаны способы пѣнія, или напѣвы пѣсень (Melodiensammlung). Наилучшія объясненія о правилахъ Италіанскаго стихотворства (Welsche Poetik) находящяся въ J. D. Rhaesi Cambro-Britannicæ Сумгаесæve linguæ instit. Lond. 1592 F. книга, кою однако я не могъ воспользоваться. Русь. —

бляемыхъ выраженіяхъ, на пр., Mann und Maus, stumpf und stiel, Kopf und Kragen и т. д. шакже въ двухъ древнѣйшихъ памятникахъ Германскаго стихотворства — отрывкѣ изъ Хилдебранда и Халубранда и переводѣ Евангелій; но сіи не доказываютъ еще, что оный былъ всеобщимъ правиломъ, и при томъ, можешь быть, они сочинены духовными, которые образовали себя въ Англіи, или спарались подражая Англо-Саксонскому стихотворству. Не многіе опыты въ древнемъ Фрисландскомъ стихотворствѣ и древнѣйшія Голландскія стихотворенія имѣютъ риѣму(*).

6. Первое преобразование Англо-Саксонскаго языка началось со временъ завоеваній сѣверныхъ народовъ; по одному только предположенію говорятъ Англинскіе ученые о Датско-Сакскомъ языкѣ, утверждая, что онъ былъ господствующимъ по причинѣ

(*) Напрасно искалъ я въ сочиненіяхъ *Віарда* о Фризскомъ (Frisische) языкѣ и Исторіи объясненій на Поэзію: въ одномъ только примѣчаніи къ предисловію des *Asegabuchs* S. 11. приводитъ онъ стихотворческой отрывокъ изъ предъувѣдомленія des *Hunsingerlandrechts*. *Примѣч. Соч.*

вторженія Датчанъ: на сіе яѣшь никакихъ доказательствъ; единственный небольшой памятникъ, оставшійся отъ временъ первобытныхъ Саксовъ, не оправдываетъ того, будто бы ихъ языкъ значительно измѣнился отъ Датскаго. Онъ образовался болѣе въ позднѣйшія времена и претерпѣлъ измѣненія отъ чужестраннаго, какъ то: отъ Франко-Нѣмецкаго; а въ то время, когда Датчане сдѣлались господствующимъ народомъ въ Англіи, заимствоваль нѣсколько относительно къ выговору и ш. д. и отъ Датскаго, но не смѣшался съ нимъ совершенно. Первые нападенія сѣверныхъ народовъ на Англію случились въ концѣ VIII столѣтія, въ 787, 793 (*): многочисленныя ополченія ихъ вдругъ разсѣялись повсюду; опустошали приморскія селенія, и когда общояпельства благопріятствовали имъ, оспанавливались провождавъ зиму въ лучшей странѣ. Посему между ими (или Датчанами) и Англо-Саксами происходила непрестанная битва; они овладѣли землею сихъ около 878 года, но благоразуміемъ и храбростію Алфреда напоследокъ побѣждены:

(*) Turner, II. 62.

нѣкошорые изъ нихъ, принявъ крещеніе по принужденію, получили право оспашься въ сей сшранѣ, однако съ условіемъ, чшобы оказывать сопрошивленіе своимъ единоземцамъ—Дашчанамъ язычникамъ. Мудрыя распоряженія Алфреда пошеряли силу при его наслѣдникахъ: Норманны возобновили свои нападенія; вторично утвердились въ концѣ X столѣтія, и послѣдній ударъ ихъ былъ ошвращаемъ шолько плашою налоговъ. Въ 1002 году напали Англо-Саксы въ назначенный день на Дашчанъ, служившихъ въ Королевскомъ войскѣ, по ненависти за ихъ притѣсненія, и изрубили ихъ великое множество. Сіе произшествіе воспламенило гнѣвомъ Короля Свена: нѣсколько лѣтъ съ ряду шрепениали ошъ него жители сего оспрова, пока наконецъ основалъ онъ новое Дашское владычештво (династію) въ Англии. И шакъ, Англо-Саксы были въ непріязненномъ ошношеніи къ Дашчанамъ; они не могли ничего заимешвовашь ошъ нихъ иначе, какъ шолько по принужденію; напрошивъ, симъ приличнѣе было заимешвовашься ошъ нихъ, какъ ошъ образованныхъ, гораздо болѣе. Въ VII столѣтіи славился уже между ними

Цедмонъ, мужъ низкій по происхожденію, но великій по дарованіямъ; онъ гонялъ на пашву стада богашыхъ поселянъ, и шамъ, подъ шѣвнію деревъ, Музы къ нему улыба-лись; священное одушевленіе наполняло грудь его; наружный свѣтъ былъ сокрытъ ошъ его взоровъ, но въ его внутреннемъ, въ его духъ шворила фантазія новый, прелестнѣйшій міръ; даже во снѣ вымышлялъ онъ пѣсни въ похвалу духовнымъ существамъ и, пробуждаясь, воспѣвалъ ихъ изумлен-нымъ своимъ слушателемъ. Всѣ его пѣсни составляютъ небольшой отрывокъ (*). Въ позднѣйшія времена занимались отечествен-ною Поэзіею Англо-Сакскіе духовные, и намъ ошалося важное число ихъ стихотвореній. Алфредъ еще въ юныхъ лѣтахъ, прежде нежели умѣлъ читать и писать, былъ до из-ступленія любителемъ отечественнаго сти-хотворства: день и ночь слушалъ онъ при-лѣжно пѣсни и выучивалъ ихъ на память.

(*) Онъ помѣщенъ въ переводѣ Короля Алфреда на Англо - Сакской языкъ Церковной Исто-рии Беды. Кн. IV. гл. 24; также въ *Nickesii thes. I. стр. 187.*, а съ другой рукописи въ *H. Wanleyi libr. vett. septentr. catalogus, стр. 287.*

7. Уже въ древнемъ памятникѣ Англо-Саксонскаго стихотворства примѣны шѣже самыя правила и искусство (Technik), какъ и въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ временъ. Стихотворенія Англо-Саксовъ состоятъ, изъ шпрофъ, въ копорыкъ заключаешся опъ 3 до 9 слоговъ и обыкновенно не болѣе шрехъ или пяши словъ; впрочемъ иныя шпроки бывають иногда длинѣе, по произволу стихотворца: вообще трудно опредѣлить существенную длину стиха, ибо намъ неизвѣстны ни правильный выговоръ, ни слогаудареніе, ни отношеніе слоговъ. Въспно риемы употребительны нѣкошорыя соединенія стиховъ, основанныя на размѣрѣ ихъ: по причинѣ вышеозначенной мы не можемъ шакже показашъ съ шочностію, какія при семъ наблюдаемы были правила: судя же по шому, что стихотворцы пользовались неограниченною свободою располагашъ слова, опдѣляшъ прилагательныя и предлоги опъ ихъ существительныхъ и ш. д., можно ясно видѣшъ, что шаквой ритмъ, или соединительный размѣръ, былъ употребляемъ. Свобода сія очевидно прошивна духу языка и вовсе неосновательна. Употребленіе онаго ритма

явшауешъ также и изъ весьма просшого подбора буквъ (allitération): въ двухъ стихахъ (Distichen) обыкновенно два или три слова имѣють одинаковыя начальныя буквы, или слоги: всѣ гласныя равносильны, и мѣра всегда выходитъ одна, ежели на пр: въ первомъ стихѣ поставлено Ae, а во второмъ J или O (*). Примѣтно также, что стихотворцы старались употреблять подобнозвучныя слова, или слоги одно подлѣ другаго, ежели только сіе было возможно, на пр: Vide and side; gleam and dream; or ne fore. Опличительный характеръ Англо-Саксонскаго стихотворства преимущественно обнаруживается въ описаніяхъ, картинахъ, метафорахъ, синекдохахъ и другихъ фигурахъ: Море называется въ немъ: пушемъ кишовъ (Hron rade), купелью шурухтановъ (Ganotes Baeth), опечесствомъ кишовъ (Hvaeles aethel), холмовъ (Holm), волнъ; война: зрѣлищемъ изъ щиповъ (aesk-plega), крѣпкимъ кулачнымъ бо-

---

(*) *Aedelstan Cyning*

Eorla Drihten,

Beorna Bea-gyfa

And his Brodor eac, и ш. д. —

емь (hard handplega); воины: бранными волками (Hildewulfas); стрѣлы: военными змѣями (Hilde-naedras); Богъ: щипомъ Ангеломъ (Engla Helm); душа: сокровищемъ груди (breosta hord), спражею домика, въ коемъ хранятся кости умершихъ (banhuses weard); солнце: свѣшпиломъ народнаго мира (Folca Frydcandel), свѣшплымъ блескомъ (vuldor toht); Князь: владыкою челоуѣковъ (Guinena baldor), щипомъ благородныхъ (Aethelinga Helm), раздѣлишелемъ золота (Goldes-briota), распочишелемъ колець (beahgyfa); спарикъ: знатокомъ прошедшихъ дней (frod fygn dagum); земля: (Tiber-sceasa) производишельницею жертвъ (или можетъ быть Tiber sceat, областью для жертвъ); рыба: грузомъ моря, зарядомъ моря (Brimhlaest) и ш. д. Существенное свойство Англо - Саксонскаго стихотворства состоить во множествѣ синонимъ, или даже въ тавтологіи (Tautologie): стихотворцы пользуются свободою не только въ расположеніи словъ, но въ сочиненіи (Syntax) и образованіи ихъ. Дабы выразить превосходную степень, поспавляють они два равнозначительныя слова одно подлѣ другаго, на прим: frea drihten min, господишь

повелишель мой, высшій господинъ; шаеген-
сраeft, могущество сила, высшая сила (*).

(Продолженіе впереди).

(*) Наилучшее и полнѣйшее описаніе Англо-Саксонской Поэзіи находится въ Nicesii grammatica Anglo-Saxonica et Moeso Gothica, гл. 25. in thes. antiq. I. 177. ff.; копія во многомъ не удовлетворительное.

ДВА ПИСЬМА ИЗЪ ЛЕЙПЦИГА.

(Вольный переводъ съ Нѣмецкаго.)

Письмо I.

Ц . . . . $\frac{7}{19}$ Октября 1813 года.

Мы прѣхали въ Ц . . . . , гдѣ все за-
спали въ военномъ переполохѣ. Хозяинъ
шракшира, въ копоромъ мы пріоспанови-
лись, смошрѣлъ на насъ *мирныхъ путеше-*
ственниковъ, какъ на выходцевъ изъ дру-
гаго свѣта. Въ теченіи шести недѣль, по
собственному его увѣренію, не видалъ онъ
у себя никого, кромѣ военныхъ гостей, и
не слыхалъ ничего, кромѣ звука оружія и
снова раненныхъ.

Разныя необыкновенныя явленія предспа-
влялись сего дня глазамъ нашимъ; завтра
надѣмся бышь очевидными свидѣтелями
еще любопытнѣйшихъ—еще важнѣйшихъ.

Ты знаешь, что вчера получили въ Вей-
марѣ извѣстіе, будто союзники взяли Лейп-

циеѣ приступомъ 4 числа, и Французы опшпустили къ Магдебургу. Сіе-то извѣстіе придало намъ смѣлосши пуститься въ путь. Вчера оставили мы Веймаръ около половины ноци. Ночь была прекрасная. Полная луна освѣщала картинныя виды. Мы приближались къ мѣстамъ, гдѣ свирѣпствовали бури войны, но не слышали еще грому оныхъ. Глубокая тишина почивала въ окрестностяхъ. Ничто не мѣшало намъ предаваться усладительнымъ мечпаніямъ о насоящихъ событіяхъ. Наконецъ, думали мы, настаюпть благословенныя времена прежней свободы; разпоргающся цѣли рабства; возсшаепть духъ народовъ изъ глубокаго униженія, и надежды на упраченное благополучіе воскресаюпть въ сердцахъ. Мы уже не рабы Наполеона, но Германцы! . . . .

Рѣзкой звукъ почповаго рога возвѣспиль намъ перемѣну; мы пріѣхали въ *Екартсбергъ* и принуждены были тамъ ошановиться. Намъ объявили, что *Кёзенской мостѣ* содержипся полъ крѣпкою спражею у Авспрійцевъ, и ночью никого, чрезъ оный, не пускаюпть. Переждали ошатаокъ ноци и на разсвѣшъ ошправились далье. Миновавъ высо-

мы *Кёзена* (ключъ военнаго положенія при *Салъ*), мы достигли *Наумбурга*. Весь городъ былъ въ спрашномъ волненіи. Превжнія извѣстія, будто *Лейпцигъ* взявъ 4 числа, не подтвердились. Напрошивъ, до самаго полудня, слышали мы спрашный громъ пушекъ въ окрестностяхъ сего города.—Вчера пронесли слухи, что одинъ изъ отступающихъ Французскихъ корпусовъ спремится къ *Вейсенъ-фельсу*.

Графъ *Гатербургъ*, *Наумбургской* Комендантъ, собравъ разные отряды Австрійскіе, развѣзжавшіе въ окрестностяхъ *Салы*, и присоединя къ нимъ гарнизонъ, выступилъ изъ города впередъ. Тотчасъ по пріѣздѣ въ *Наумбургъ*, любопытство завлекло и замѣшало насъ въ толпу народа, прикивавшую на опдаленный бой. Въ нашихъ глазахъ нѣсколько десятковъ Французскихъ смѣльчаковъ, выскакавшихъ впередъ, были сорваны съ седель дропиками проворныхъ козаковъ, или забраны въ плѣнь Австрійскими драгунами.

Всѣ сердца наполнены были ожиданіемъ и страхомъ.—Но прискакавшій съ боя офицеръ привезъ радостную вѣсть. Австрійцы отразили Французовъ, и Графъ *Гатербургъ* велъ

обратно отрядъ свой въ городъ. Мы увидѣли его, вѣдущаго впереди легкой пѣхоты, и вмѣстѣ съ добрыми Наумбургцами привѣтствовали побѣдителя. Графъ Гашербургъ искусными движеніями умѣлъ показашь Французамъ, будшо въ семь мѣсѣвъ находилсѣ сильное войско. Всѣ успокоились и пошли по домамъ. Вскорѣ появился новый отрядъ Прусскихъ егерей и козаковъ. Послѣднихъ вель козацкій Генераль, окруженный многими офицерами. Его запасъ навьюченъ былъ на верблюды, украшенномъ разноцвѣтными коврами и множествомъ гремушекъ и колокольчиковъ. Всѣ сіе вмѣстѣ имѣло необыкновенной для насъ видъ воспочнаго каравана.

Рѣшась продолжатъ путь къ Лейпцигу, мы должны были оставить Вейсенфельсъ въ сторонѣ, ибо тамъ бушевали Французы. По совѣту Почтмейстера, обратились мы опять къ Цейцу, повернувъ къ деревнѣ *Ветау* съ большой дорога въ право. Въ разныхъ мѣстахъ попадались намъ отряды союзниковъ, копорые гнали передъ собою шолны плѣнныхъ.

Отъ *Ветау* до *Цейца* все покойно. На

семь прѣспранствъ, еще въ концѣ прошлаго мѣсяца, происходили жаркіе конные бои, между войсками Князя Лихтенштейна и Маршала Ожера, возвращавшагося изъ Испаніи. Кровавые слѣды сихъ боевъ видны были по обѣимъ сторонамъ дороги. По причинѣ издорченныя войною дороги, мы не иначе могли прѣѣхать въ Цейцъ, какъ съ наопуленіемъ ночи.

Между шѣмъ спустились сумерки и слышались свѣтлыи огни заблещали въ окрестностяхъ. Тутъ обнечлежился корпусъ Графа Гулаа. Эльшеръ выспунилъ изъ береговъ; мы въ спрудомъ могли переѣхать Австрійскій Комендантъ, оиъ котораго мы сей часъ только пришли, не могъ сказать намъ удостовѣрительно, точно ли взяли союзниками Лейпцигъ. Нѣтъ еще вѣстнаго о бывшихъ сраженіяхъ: неизвѣстность сія мучительна.

Письмо 2.

Дейлицъ, 8 Октября.

Ура! ура! Радуйся, мой другъ! право дѣло воспоржестивовало. Четыре дня продолжался кровавый споръ за права человѣчества. Наконецъ Французъ разбилъ на голову, Наполеонъ бѣжншь и прелестная зарокъ свободы начинаешъ занимаешь въ печальныхъ небесахъ пльненной Германіи. Благодареніе согласію Монарховъ и слава мужеству войскъ изпоргшихъ побѣду въ оныхъ исполненію бишвахъ Тяжкія оковы разрушаешь, врожня свобода развиваешь, знамена и свои ми обрадованная Германія величественно пашаешаешь изъ непла и трудъ весели градовъ.

Я сполько видѣли вріятнаго, сирашнаго, печальнаго и удившельнаго, что егда могу собращаешь съ мыслями и продолжашъ рассказъ. Съ разсвѣномъ оставили мы Цейцъ, направляя пущь чрезъ *Пегау* въ *Рѣту*, гдѣ главная Авспрійская кваршира находилась. — Цейцъ и Пегау составляютъ теперь двѣ главныя почки, вокругъ которыхъ обращаешся движеніе войскъ. Въ окрестностяхъ Пегау открылось намъ величественное зрѣ-

лице воинское: Гвардія Россійская подъ предводительствомъ Великаго Князя Константина Павловича и подъ начальствомъ Графа Милорадовича расположена была по обѣимъ сторонамъ большой дороги.

Здѣсь-то въ первый разъ узнали мы достоверно о знаменитой побѣдѣ союзниковъ. Превосходныя Гвардейскія войска, принявшія великое участіе въ рѣшеніи судьбы великаго боя, подвинулись сюда съ шѣмъ, чтобы бить въ лѣвое крыло бѣгущаго непріятеля. На встрѣчу намъ попадались нѣкошорыя войска *Колоредо*, поспѣшно шедшія на Цейцъ, Эну и Веймаръ съ намѣреніемъ опередить Французовъ. Преславныя полки Россійской Гвардіи привѣтствовали проходившихъ мимо сопобѣдниковъ своихъ громкими восклицаніями ура! и музыкою.—Русская конная артиллерія всѣмъ отличалась людьми, упряжью и лошадьми: она превосходна! — Ясное осеннее утро, догорающіе ночные огни, мимо идущія и отдыхающія войска и наполненныя восклицаніями и отзывами ратнаго веселія окрестности: все сіе вмѣстѣ составляло картину прекрасную, величественную! . . . Но у меня нѣтъ

киспи Вувермана и я опказываюсь изображать себя то, что видѣлъ, а то, что я чувствовалъ, никакую киспю изображено бытъ не можешь. . . .

Вся дорога покрыта войсками; мы должны были преодолѣть величайшія препятствія, пробираясь между колоннами. Наконецъ въ третьемъ только часу достигли Лейпцига. Мы проѣхали чрезъ мостъ Конневицкой, гдѣ предъставились глазамъ нашимъ первыя ужасныя явленія бывшей битвы. Здѣсь-то 4 числа, на лѣвомъ берегу *Плейсы*, сражались Австрійцы подъ начальствомъ *Мерфельда* съ Французами. Последніе, пользуясь выгодою мѣстоположенія, упорно защищали переправу, долго не уступая праваго берега. Множество убитыхъ изъ храбрыхъ полковъ *Белегарда* и *Штрауха* лежали разметанными по берегамъ рѣки. Мостъ починили. Въ деревнѣ *Конневицъ*, извѣстной прежде цвѣтущими гульбищами, шамъ, гдѣ все улыбалось и благоухало, теперь клубится густой дымъ и видно самое печальное запустѣніе. Разрушительныя слѣды битвы повсемѣстны. Прекрасныя аллеи срублены, садовыя ограды разрушены, во-

ропы *Петра* обнесены подсадами и распределены ядрами. Вся дорога усыяна падшими лошадьми и шрупами убишыхъ. Тяжело раненные съ жалостнымъ воплемъ переползали съ одного мѣста на другое, спараясь укрыться отъ шолпящихся, войскъ, которыя проходя безпрестанно взадъ и впередъ, снупали по шрупамъ, какъ по мостовой. Трещины въ стѣвахъ и опломки отъ оныхъ показывали сколь сильна была пальба.

Съ великимъ шрудомъ пробрались мы во внутренность города. Всѣ улицы кипѣли вооруженными людьми. Они, такъ сказать, шолкались головами. Голодъ привлекалъ шислячи солдатъ съ окрешныхъ полей въ городъ. Всѣ площади завалены наувѣченными. Число раненныхъ равняется шеверь числу жителей города Лейпцига, ш. е. ихъ счишаютъ до 30,000. — При всей доброхошности жителей невозможно удовлетворить нуждамъ войскъ, пошому, что несчастный городъ Лейпцигъ разграбленъ Французами по всѣмъ правиламъ разбоя. — Ошыскавъ, по счастью, небольшой уголокъ для нашего приюшу, мы сѣвшиа сложить вещи свои

нуснитъся побродить до сумерокъ въ окрестностяхъ города. Пройдя за Петровскія ворота вправо, невольно содрогнешся, увидя страшное раззореніе прелесныхъ шамошнихъ окрестностей. Война разрушила ограды, вырвала съ корнемъ дороги деревья, ощипала прелесные цвѣшны и залила кровью зеленыя долины. Съ каждымъ шагомъ наступали мы на мершца! — Тамъ убишыхъ большею частію обнажены; густая кровь запеклась на ранахъ. Чѣмъ ближе къ *Рейхелеву саду*, тѣмъ болѣе ужасныхъ каршинъ: ошъ сюда началось отступленіе, погубившее Французовъ. Наполеонъ въ скоро-поспѣшномъ бѣгствѣ своемъ велѣлъ подорвать каменной мостъ, забывъ, что еще много войскъ и большая часть обозовъ остались назади. Положеніе сихъ оставленныхъ было самое несчастное. Сабли союзниковъ висѣли надъ ихъ головами, а боковыя выстрѣлы каршечью разрушали колонны. Въ отчаяніи бросались они было чрезъ небольшіе мостики, въ разныхъ садахъ находившіеся, но пляжесъ была непомѣрна; всѣ мосты обломились вдругъ — и тысячи ушопшихъ загрузили шѣлами своими глубокую *Плейсу*.

Все, что оспалось, захвачено въ плѣнъ. — Какъ бурю сложенной лѣсъ, лежали шупь пушки, шельги и разные воинскіе снаряды, загроможда все пространство до Гальскихъ воровъ. — 100 пушекъ и 800 повозокъ достались въ добычу.

Между грудями извлеченныхъ изъ воды шѣлъ должно сыскашьяся и шѣло *Понатовскаго*, кошорый, по общему увѣренію, ушопуль почно здѣсь.

Далѣе ишши невозможно было. Вся окрешность завалена и ушлана шрупамы. Умирающіе спрашнѣ самыхъ мершвыхъ. Множештво шяжело раненныхъ, доживая послѣднѣя минушы свои, съ шомнымъ и пронзительнымъ воплемъ ползали по шѣламъ шоварищей, орошая ихъ кровью, брызжущою изъ посинѣлыхъ ранъ. — Тщешно спарались они вырвашьяся изъ подъ шяжкой шопы смерши, гнѣшущей ихъ къ землѣ. — Тысячи жиней угасали вдругъ! . . . . Ночъ заспала насъ среди ужасныхъ явленій сикъ! — Множештво огней засвѣшилось въ окрешностяхяхъ. Ушомленные воины опдыхали между грудями убишыхъ, ушояля голодъ свой послѣдними

крохамъ зачерствѣлаго хлѣба!... Сердце не-
волью цѣпенѣешь въ мясечахъ военныхъ
бурь,...

В. Глинка.

О ПОТЕРЯННОМЪ РАѢ.

(Изъ Блѣра.)

Геній Мильпона проложилъ себѣ новую, дошолъ невѣдомую Поэзіи дорогу. — Чинная Пошерянный Рай, мы чувствуемъ себя возхищенными въ надзвѣздный міръ, окруженными небожителеми и духами ада. — Ангелы и демоны здѣсь уже не побочныя, но первыя лица Поэмы, и всё, чѣмъ могло почищаться чудеснымъ въ другихъ швореніяхъ, въ Пошерянномъ Раѣ составляетъ обыкновенной ходъ произшествій: Предметъ, столь ошвлеченный, столь чуждый событіямъ нашего міра, даетъ право сомнѣваться: должно ли сію Поэму помѣщать въ число Эпическихъ? Впрочемъ, каково бы ни было имя, ей приписанное, она безспорно есть высочайшее произведеніе стихотворнаго Генія и по красотѣ и величію, знаменующихъ Эпи-

ческую Поэму, въ полной мѣрѣ заслуживаешь сіе наименование.

Не безъ причины думаютъ, что Авطورъ не былъ счастливъ въ выборѣ своего предмета, который представилъ ему однѣ прудности, и что еслибы онъ обработалъ предметъ болѣе близкій къ природѣ человѣческой, обильной въ разнообразіи характеровъ и сцаспей,—его бы Поэма показала прѣстѣ и занимательнѣе для большей части читателей.—Но предметъ, Мильтономъ избранный, болѣе прочихъ согласовался съ благородною смѣлостію его, Генія (*): онъ одинъ могъ достойно воспѣшь перваго челоѣка!

(*) „Казалось, онъ измѣрилъ могущество собственнаго дарованія и позналъ, что прѣмущество, коимъ снабдила его природа, соспояло: въ искусствѣ—распространяшь обширное, давалъ блескъ великолѣпію, содѣлывалъ высокое величественнымъ, омрачалъ шѣни и показывалъ ужасное—еще ужаснѣйшимъ. Для сего-же онъ предпочелъ такой предметъ, котораго нельзя изощрять, дабы, опкрывши полетъ своего воображенія, не бытъ обыкновеннымъ въ чудесности.“
(Жизнь Мильтона Докторомъ Джонсономъ).

«Въ Поэмѣ его видно всеобъемлющее во-
 ображеніе и необычайная сила въ изобрѣ-
 шеніяхъ. Удивительно, какъ могъ онъ изъ
 нѣсколькихъ словъ Свяшаго Писанія со-
 ставить споль правильный, полный планъ,
 и обогатить Поэму свою такою разнообра-
 зностію произшествій!—Правда, встрѣчаю-
 ся въ ней мѣста темныя и не заниматель-
 ныя. Авторъ иногда выражается болѣе,
 какъ Меттафизикъ, нежели какъ Поэтъ, но
 вообще швореніе сіе неподражаемо. Оно
 поражаетъ, плѣняетъ воображеніе, завлека-
 етъ читателя далѣе и далѣе: однимъ сло-
 вомъ, его можно назвать оселкомъ досто-
 инства произведеній Эпическихъ. — Перемѣ-
 на явленій, шо на земли, шо въ небесахъ,
 шо въ пещерахъ адскихъ, разливаетъ цвѣ-
 тущее разнообразіе, и единство цѣлаго вы-
 держано въ высшей степени. Занятія Ада-
 ма въ Земномъ Раю представляешь намъ
 мирныя явленія, но совершенно противо-
 положной родъ мы видимъ въ предпріятіи
 сашаны и войнѣ ангедовъ. Невинность, чистота
 нравовъ и дружелюбіе прародителей
 нашихъ въ противоположности съ гордо-
 стію и властолюбіемъ сашаны производятъ

удачный контрастъ, царствующій во всей Поэмѣ; но конецъ ея слишкомъ печалень для Поэзіи Эпической.—Качества предмета не позволяли бы, кажется, разсѣять многого разнообразія въ характерахъ, но Поэтъ умѣлъ поддержать всѣхъ, копорыхъ онъ имѣлъ случай ввести. Характеръ сапана разишелень;—Мильпонъ написалъ его съ большимъ щаніемъ, нежели всѣ прочіе. — Онъ не предсхавиль духовъ адскихъ такими, какъ мы ихъ предполагаемъ; сообразуясь лучше съ природою, онъ вложилъ въ нихъ страсти человѣческія, но естъ далъ имъ характеръ смѣшанный.—Сапана храбрь и вѣренъ своимъ полчищамъ; зловѣріе его не безъ раскаянія; онъ даже чувствуетъ нѣкоторое соспраданіе къ первымъ праотцамъ нашимъ, и оправдываетъ злонамѣренность свою противу нихъ одною необходимостію; онъ движимъ болѣе честолюбіемъ и желью, нежели самой злобою; наконецъ Мильпойновъ сапана разврашенъ не болѣе множества заговорщиковъ и начальниковъ мятежей, игравшихъ значущія роли на театрѣ Исторіи. Характеры Вельзевула, Молоха и Веліада ясно выражаются въ рѣчахъ

ихъ (во 2 книгѣ). Вѣрные ангелы, хотя описаны съ приличнымъ достоинствомъ, имѣють однакожь болѣе единообразія, нежели адскіе духи. — Однако же среди ихъ, доблести Михаила, покорность Рафаила и ненарушимая вѣрность Абдіилова, дѣлають опшѣнку характеровъ. Подвигъ описанъ Самага Бога и разговоръ, произшедшій между Богомъ Отцемъ и Сыномъ, слишкомъ дерзокъ, слишкомъ высокъ для смертнаго, и опъ того, какъ должно было ожидать, Поэтъ исполниль его съ меньшимъ успѣхомъ. Что же касается до человѣческихъ характеровъ, невинность и первая любовь прародителей нашихъ изображены съ большимъ искусствомъ и нѣжностію. — Въ нѣкоторыхъ рѣчахъ Адамъ, на прим. къ Эввѣ и Рафаилу, кажется слишкомъ знающимъ и оспроумнымъ, судя по своему состоянію; но Эвва изображена опличительнѣе; ея кротость, скромность и самыя слабости сообразны съ нравами всего женскаго пола.

Высокой слогъ есть главнѣйшее, опличительное достоинство Мильтона. Силь онъ превосходить, можетъ быть, самага Омера, а неоспоримо выше Виргилия и дру-

гихъ Поэтовъ. Во всемъ, шеченіи первой и второй книги Пошеряннаго Рая, высокостъ поддержана въ подной мѣрѣ.—Изображеніе ада и разбиаго, побѣжденнаго воинства, появленіе и дѣла сапаны, совѣщанія вождей адскихъ, бѣгство сапаны чрезъ хаосъ на рубежи нашего міра, представляющъ гигантскія идеи, какія когда-либо могли возродиться въ пламенномъ воображеніи Поэта. Въ шестой книгѣ находимъ великолѣпныя картины, каково, напримѣръ, пришествіе Мессіи; но сія же самая книга содержишь мѣста, копорымъ нельзя приписать одинаковой похвалы. Насмѣшки демоновъ при пораженіи ангеловъ ихъ артиллерією, оставляющъ неизгладимыя пятна. Величіе Мильтоново оплочно опъ величія Омера: у Поэта Греція оно быспро и порывно; у Мильтона царствуесть величественностъ важная, но грозная. Омеръ воспламеняесть, увлекаесть насъ: читая Мильтона, невольно поражешся удивленіемъ и воспоргомъ. Омеръ въ описаніяхъ дѣйствій блиснаесть высокостію: Мильтонъ паритъ, разсыпаесть ее въ предмешахъ, изумляющихъ воображеніе. Однако же, хотя высокостъ слога считаешся

первымъ достоинствомъ Мильтона, въ Поэмѣ его мы находимъ красоты милья и протавельныя. Въ Раю онъ рисуешь смѣющіяся, пріяшныя картины: описаніе свидѣтельствующее о плодовитости его воображенія; уподобленія его счастливы и обильны. Всѣ они вообще хорошо связаны, рѣдко несвойственны и часты, и представляютъ намъ образъ высочайшихъ, явльнѣйшихъ предметовъ. Одинъ порокъ, коимъ можно упрекать Ашпера въ сей случаѣ, есть частое повтореніе баснямъ древности и обращеніе къ наукамъ. Должно сознаться, что въ послѣдней книгѣ Потеряннаго Рая Поэма шерлеетъ за недостаткомъ и силу: кажется, самъ Гелій Мильтона удалъ вѣспѣ съ паденіемъ вродителей нашихъ. Въ послѣдней книгѣ вшрѣчается однако Трагическія красоты, въ изгнаніи и раскаяніи двухъ грѣшниковъ; жадобы ихъ при выходѣ изъ Раа весьма протавельны. — Послѣдній эпизодъ, когда ангель открываетъ Адаму судьбу его попомковъ, хорошо вымышленъ, но въ исполненіи частно упоминеленъ. —

Слогъ и стихосложеніе Мильтона имѣютъ большое достоинство, Величествен-

ный слогъ его всегда привароведъ къ пред-
 лелу. — Бѣлые, сладкозвучные, разнообразныя
 стихи сей Поэмы служатъ примѣромъ, до
 какой степени высокою можно бытъ
 возвести Англинскій языкъ, посредствомъ
 созвучія (cadence). — Онъ избѣгаетъ остротъ
 это шикой, правильной и всегда единозвуч-
 ной мелодіи Французскихъ стиховъ, и скоро-
 утомляющихъ органъ слуха. Бѣлые стихи
 иногда шикы и плавны, иногда жестки и
 скоры, иногда звучны или смѣшаны съ не-
 спройностію, что дѣлаешь ихъ способными
 къ примѣненію ко всякъ силѣ, въ свобод-
 нымъ оборотамъ Эпическихъ повѣствованій. Въ
 Поэмѣ сей встрѣчаются въ короткихъ поэти-
 ческихъ и художественныхъ стихахъ, но въ
 стихѣ обширномъ произведеніи, вообще все
 ма благозвучномъ, оныя просты и живы. Въ
 цѣлости, Потерянный Рай изобилуетъ кра-
 сотами всякаго рода. Онъ возвелъ Милтона
 въ классъ первыхъ Поэтовъ; но должно
 признаваться, что Милтонъ — не гений. — Ве-
 ликіе и смѣлые Гении рѣдко смѣшаютъ пра-
 вильность: — Милтонъ умѣщаетъ слишкомъ
 часто надъ Метафизикою и Богословіемъ;
 въ иныхъ мѣстахъ нарѣчіе его тяжело; онъ

употребляетъ пехническіе шермины и щещавишя своею ученостію. Недоспашки сіи должны бышъ частію приписаны педантизму его времени. Не смощря на сіе, въ Мильшонѣ видны сила и величіе Генія, сроднаго доспигашъ на высочайшія крушизны поняшій; и если онъ падаетъ иногда ниже себя, за то возношится въ другихъ мѣстахъ выше всѣхъ древнихъ и новѣйшихъ Поэшовъ.

Перев. А. Бестужевъ.

СЦЕНА ИЗЪ КОМЕДИИ: БОГАТОНОВЪ
ВЪ ДЕРЕВНѢ, ИЛИ СЮРПРИЗЪ
САМОМУ СЕБѢ.

Дѣйствіе 2.

ЯВЛЕНІЕ 10.

Князь Фольгинъ человекъ лѣтъ шестидесяти,
имѣющій слабость скрывать свои лѣта и ка-
заться еще молодымъ.

(Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Г. Богато-
нова.—Богатоновъ, Князь Фольгинъ, Владиміръ
сынъ его и Мирославской, который входитъ.)

Богатоновъ (Мирославскому).

А любезной! прошу познакомишься: ре-
комендую вамъ, господа, пріятеля моего, Ми-
рославскаго.

Мирославской.

Я очень радъ, Князь!...

Князь.

Для меня весьма пріяпно, Сударь...

Богатоновъ.

Да что мы всё на ногахъ? прошу по-
корно садисься.

(Садятся.)

Владимірѣ (Князю, который садится съ краю).

Сколько разъ говорилъ я, мой другъ, не садись къ окну.

Князь.

Да ничего, Волдемаръ.

Владимірѣ.

Какъ ничего? полно, мой милый: ты опять простудишься; садись сюда!

Мирославской (тихо Богатонову).

Иванъ Сидорочъ! да кто изъ нихъ ошечь-ша?

Богатовѣ.

Кто ошечь? а понимаю! Какъ ты думаешь, Князь? вѣдь Мирославскому - ша спранно, что ты такъ обращаешься съ своимъ сыномъ.

Князь.

Не ужели? и эшо васъ удивляетъ?

Мирославской.

Признаюсь, Сударь.

Князь.

И, можетъ бышь, не нравится?

Мирославской.

Вошь, эшо другое дѣло. Всякой имѣеть право мыслишь и поступашь, какъ ему угодно;

*

и пошому, Князь, извините, если я не буду
отвѣчать на вашъ вопросъ.

Князь.

Почему же нѣтъ, Г. Мирославской? ошъ
чего не поспоришь, не пофилософствовашь—
прошу покорно!

Мирославской.

Если вамъ угодно...

Князь.

Напримѣръ, ошъ чего вы полагаешь,
что сынъ не можешь говорить ошцу: шь?

Мирославской.

А вошъ почему, Князь. Глупо ли оно
или умно, но у насъ уже принято, что это
выраженіе предполагашь какое - по равен-
ство, которое между ошца и сына суще-
ствовашь не можешь.

Князь.

Не можешь! а почему, если смѣю спро-
сись?

Мирославской.

Я увѣренъ, Сударь!..

Богатоновъ.

Ей, брашъ, не спорь!..

Мирославской.

Я увѣренъ, что сынъ можешь любись

опца своего болѣе даже, чѣмъ друга; но думаю однакожь, что это равенство, необходимое между истинными друзьями, не можетъ существовать тамъ, гдѣ одинъ человекъ обязанъ другому всѣмъ — даже своею жизнью.

Владиміръ.

Признаюсь, Г. Мирославской, ваша логика забавна! Я обязанъ опцу моему всѣмъ за то, что онъ далъ мнѣ жизнь! Вотъ прекрасно! да развѣ я его просилъ объ этомъ? не правдали, папа?

Князь.

Конечно, конечно!

Мирославской.

Но, Сударь...

Владиміръ.

Надѣюсь, вы согласишесь: въ цѣломъ мірѣ нѣтъ государства просвѣщеннѣе Франціи? ну, Сударь! а тамъ, эшошь обычай, который кажется вамъ страннымъ, сдѣлался почти общимъ.

Мирославской.

Бышь можешь — но...

Богатоновъ.

Полно страмиться, бращецъ! гдѣ шебъ съ ними спорить?

Князь.

Тамъ, Сударь, не извѣстенъ эпошъ семей-
спивенный деспотизмъ — эпо рабское пови-
новеніе, унижающее челоуѣка; тамъ . .
какой верхъ просвѣщенія! какое торжествѣ
испинной философіи! тамъ, Сударь, отецъ
и сынъ — друзья!

Мирославской.

Всѣ шакъ, Князь! да между друзьями
бой равной; а если отецъ съ сыномъ заспо-
рюпъ: одинъ захочешъ поставишь на сво-
емъ, прикажешъ молчашъ; другой нач-
нешъ упрямишья . . .

Князь.

И, Сударь! захочешъ, прикажешъ! да
эпо самовласпіе прилично полько шѣмъ, кои
не имѣюпъ никакого просвѣщенія, ника-
кой философіи.

Мирославской.

Покрайней мѣрѣ согласишешъ, что нера-
венство лѣпъ . . .

Владимірѣ.

Неравенство лѣпъ? ну, шакъ чпожъ?
всѣ крайности сближаюпся, и нѣпъ
сомнѣнія, что разсудокъ дряхлаго старика
и умъ весьма молодого челоуѣка почти рав-
ны межъ собою.

Князь.

Вошь эшо вздоръ, Сударь.

Владимірѣ.

Нъшь, пана! не вздоръ; я скажу еще лучше: если ешь какое неравенство между молодымъ человекомъ и старикомъ, то шѣмъ хуже для послѣдняго: молодой человекъ съ каждымъ годомъ прибрѣшаетъ новыя познанія; разумокъ его дѣлается совершеннѣе; понятія развиваются — а старикъ съ каждымъ годомъ спановишся, глупѣе...

Князь (съ досадою).

Волдемарь!.. Я совѣтоваль бы шебѣ...

Владимірѣ.

Воображеніе его хладѣеть; онъ забываетъ всё и скорыми шагами приближается къ первобытному своему состоянію, то ешь дѣлаешся опяшь ребенкомъ.

Мирославской.

Иванъ Сидорѣчь! эшо и до насъ касаешся.

Князь.

Позволь себѣ сказаць, Волдемарь: пы сего дня не разсуждаешъ, а бредишь.

Владимірѣ (съ насмѣшкою).

Въ самомъ дѣлѣ?

Зоо

Князь.

Да, Сударь! ты судишь о вещахъ какъ мальчишка.

Владимірѣ.

Какъ мальчишка? это уже обидно!

Князь.

Какъ недоучившійся школьникъ.

Владимірѣ.

Браво, папа! да ты сердисься? Вотъ оно каково: лишь дошло до насъ дѣло, то и философія вся къ чоршу.

Князь.

До насъ? какъ до насъ — что это, Сударь, значить?...

Владимірѣ.

Ничего. Это значить, что...

Князь.

Нельзя ли замолчать!

Владимірѣ.

Замолчать? ты шутишь, папа!

Князь.

Нѣтъ, Сударь! я не шучу.

Владимірѣ.

Право? ну, а если мнѣ хочешся говоришь?

Князь.

Я, Сударь, вамъ приказываю!

Владимірѣ.

Приказываешъ? эшо чшо-шо новое!

Богатоновѣ.

Господа, господа! чшо вы?

Князь.

Не забудьте, Сударь, уваженіе, которымъ вы мнѣ обязаны...

Владимірѣ.

Между друзьями оно должчо бытъ изаимное; но если одинъ изъ нихъ до того выжилъ изъ ума, чшо думаетъ приказывашъ...

Князь (вскочивъ).

Какая дерзость? да какъ ты смѣешь?...

Богатоновѣ.

Князь!

Владимірѣ.

Какъ я смѣю! ха, ха, ха! какъ я смѣю! ну право, папа, тебя надобно будетъ скоро пеленать,

Князь.

Пеленать! ахъ ты негодной! (*Хочетъ броситься на Владимира*).

Богатоновѣ (удерживая).

Чшо ты, любезной, помилуй!

Князь.

Я тебя проучу, мальчишка!

Владимірѣ.

Чась опть часу лучше! ха, ха, ха!

Князь (Богатонову).

Пусти меня, брашець, —пусти!

Владимірѣ.

Оставше его, Ивань Сидорочь! посмотришь, какъ онъ меня проучишь.

Богатоновѣ.

Чшо вы, чшо вы? съ ума чшоль сошли!

Князь.

Безпушной! наглець! грубиянь!

Владимірѣ.

Ха, ха, ха!

Мирославской (въ сторону).

Какой верхъ просвѣщенія! какое шоржество истинной философіи!

Богатоновѣ (Владиміру).

Какъ шебѣ не спыдно?

Владимірѣ.

Вольно же ему бѣситься.

Богатоновѣ (Князю).

Опомнись, мой другъ!

Князь.

Забышься до такой степени! . . .

Богатоновѣ.

Да вѣдь вы друзья . . .

Князь.

Друзья! .. конечно ... мы друзья ...
но со всемъ шѣмъ ...

Богатовъ.

И, братецъ! да не всяко лыко въ спро-
ку: ну, погорячились — чпо? за бѣда? не
сердись на него. (Владиміру) Послушай, ми-
лой! Князь и безъ того шакой щедушной
— ну, чпо хорошаго—закашляется, да ум-
реть—помиришь съ нимъ!

Владиміръ.

Пожалуй, я не сержусь: ребенку и спа-
рику надобно извинять все (подходишь къ
Князю). Полно, папа, гнѣвашься!

Князь.

Всему есть границы, Сударь ...

Владиміръ.

Кпо же виновать? шы началъ самъ.

Богатовъ.

Переспаньше!

Князь.

Я надѣюсь, Волдемарь, чпо въ другой
разъ!...

Богатовъ

Полно, полно! обнѣмишесь: вошь такъ!

Князь.

Мнѣ право совѣстно, что Г. Мирославской былъ свидѣтелемъ этой сцены.

Мирославской (улыбалъ).

Ничего, Сударь! ничего. Это бездѣлица — то ли еще между друзьями бываетъ. (Тихо Богатонову) А что, Иванъ Сидорочъ? я думаю иногда случается . . .

Богатовъ.

Что такое? что? нѣтъ брапець! до драки у нихъ никогда не доходитъ.

Мирославской.

Впрочемъ и это бы не бѣда: дѣло домашнее.

Князь.

Я право не знаю, что съ нами сего дня сдѣлалось; однакожь, Г. Мирославской, могу васъ увѣрить, наша дружба ошъ этого ни мало не пошерпнѣтъ.

Богатовъ.

Правда, милой! правда! вопъ эдакъ-ша они каждый день другъ друга позорюшъ — а все друзья.

М. Загоскинъ.

НѢЧТО О ГЛУПЦАХЪ.

О степени благоразумія Правительства въ Государствахъ образованныхъ можно судить по снисхожденію онаго къ бездѣльникамъ и глупцамъ; доколѣ ухо его будетъ опровержено послѣднимъ, а рука просперша первымъ, оно не швердо. Дураки и плушты, въ политическомъ обществѣ, суть люди, неимѣющіе собственности: не бывъ членами никакого состоянія, они ищутъ удобнѣйшаго; пробуютъ каждое, и чтобъ устроитъ свое, распроиваютъ чужое. — Глупецъ имѣетъ общее съ скопами — ничтожность; различіе опъ нихъ: желаніе выйши изъ ничтожества. Сія-то ничтожность, соединенная съ желаніемъ опъ оной избавитъся, причиною, что овъ дѣлаетъ всегда худо; ибо чтобъ хорошо дѣйствовать, надобно хорошо мыслить; а глупецъ не былъ бы глупцомъ, еслибъ здраво думалъ, что ему должно оспаться ничтожнымъ.

Такимъ образомъ глупецъ, неувѣренный въ своемъ существованіи (ибо онъ есть ничто), желая однакожь доказать и себѣ и другимъ, что онъ существуетъ,—начинаетъ дѣйствовать, т. е. вредить; и вопль почему именно, доказывая свое бытіе, онъ доказываетъ, что онъ не долженъ существовать.

Не заключайте по его ничтожности, будто онъ не вреденъ: пропасть—ничто иное, какъ пустоша; но въ сей пустошѣ часто погибають драгоценности міра! — Глупецъ дѣйствуетъ—это уже зло. Въ Государствѣ усироенномъ онъ безсиленъ, но въ колеблемомъ—можетъ препящствовать устройству.

Понятно, почему глупцы не любятъ порядка. — Порядокъ есть благоразумное понятіе. Припомъ оный будучи врагомъ злоупотребленій, есть уже врагъ дураковъ; и опъ того защищая злоупотребленія, они защищаютъ самихъ себя; любя безпорядокъ, они стараются только о своемъ сохраненіи.

Надобно сказать въ оправданіе глупыхъ, что они дѣлають зло не по злобѣ, а по глупости; и этимъ только опличаются опъ

злыхъ, кои дѣйствуютъ, чтобы вредить; глупцы же вредятъ для того, чтобы дѣйствовать; впрочемъ, слѣдствія обоихъ одинаковы.

Излѣчише глупцовъ отъ спрасни бытъ важными людьми, и они будутъ предобрыя живошныя.

И пакъ, что пакое глупость? Тщеславіе ничтожества.

А. Бастужевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МЕЧТАНІЯ НА БЕРЕГАХЪ ВОЛГИ.

(Въ 1810 году.)

„Воспоминаніемъ живешь душа моя!“

Я. Княжнинъ.

И я, — въ мой крапкой вѣкъ,
Я видѣлъ много славныхъ рѣкъ
Въ опчизнѣ и въ странахъ далѣкихъ;
Но Волгу свѣплюю, въ брегахъ ея высокихъ,
Всегда съ весельемъ новымъ зрю.—
Какъ часто, вспомянувъ прошекшихъ лѣтъ
зрю,

Я вижу, какъ шеперь, Дуная бурны волны,
Его берега—убійствъ и крови полны:

На нихъ пылала грозча брань

И рани бурныя кипѣли,

Надъ ними небеса горѣли,

И было всё—войнѣ и смерти дань!...

Тамъ призракъ гибели надъ юношей носился,

И гаснулъ мой безоблачный разсвѣтъ,

И съ жизнью молодой, на упрѣ раннихъ лѣтъ,

Едва я въ буряхъ не простился!...
 Но память мнѣ мила о жизни боевой,
 Когда я пѣлъ,—для храбрыхъ лиру строя,—
 Не сладость вялаго покоя,
 Но прелесть битвы роковой...
 Какъ вы любезны мнѣ о, братскія бесѣды!
 У свѣшлыхъ полевыхъ огней...
 Забудуль я и праздники побѣды
 И славу грозныхъ дней... —

* * *

Я видѣлъ Вагъ надмѣнный и свирѣпый,
 Я зрѣлъ какъ онъ, чрезъ дебри и вершины,
 Пробивъ широкій путь межъ горъ,
 Какъ грозный духъ времянь, кипишь и рвѣшь
 преграды,

Шапая древнихъ скалъ громады,
 И, съ шумомъ поглотивъ и брегъ и дикій
 боръ,

Дивись и восхищайся взоръ.—
 Дѣла времянь, прошекши годы,
 О, Вагъ! твоей кипящи воды,
 Напоминають мнѣ... и вижу я народъ,
 Съ оружьемъ ищущій и славы и свободы...
 Такъ здѣсь, на сихъ поляхъ и на берегахъ
 сихъ водъ,

Дружины конныя скакали,
 На пиръ кровавыя войны,
 И сабли, съ свистомъ, разсѣкали
 Враговъ свободной стороны...

Здѣсь храбрыхъ вождь, герой сраженья,
 И врагъ оковъ и униженья,
 Теснили молніей ласпаль;
 И въ бѣдствахъ чуждый укоризны,
 Огонь и мужество вливалъ,
 Въ бояхъ за свяпость правъ отчизны...

* * *

Я видѣлъ древній Бугъ, въ глуши степей уны-
 лыхъ:

Изъ странъ Авзоніи, изъ мѣстъ отчизны
 милыхъ,

Обидѣй изгнанникъ степеналъ на сихъ бретахъ
 И горесль и любовь въ прелестныхъ пѣль
 спихахъ,

Оппорженъ сильною опъ счастья рукою...
 Възряя грусть свою пустынямъ и лѣсамъ,
 И эху чуждому и чуждымъ небесамъ,
 Душа его стенья, не вѣдала покою...
 И днесъ на берегахъ швоихъ, священный Бугъ!
 Пипша славнаго еще вишаетъ духъ:
 Безсмертнаго не зряшь нечисты смертныхъ очи,
 Но, въ молчаливой часъ безоблачной полночи,
 Невинныхъ паспырей безпечный ясный взоръ
 Его на высотѣ встрѣчаетъ дикихъ горъ...

* * *

Я видѣлъ древнюю границу двухъ державъ,
 Красивый, быстрый *Днѣстръ*, въ брегахъ его
 песчаныхъ,
 Обильный и въ плодахъ и въ гроздіяхъ румяныхъ.

Тамъ тысячи овецъ и сладко-млечныхъ кравъ,
 Песпрѣхаютъ на степяхъ, въ серебряныхъ бурьянахъ,

И пастырямъ несутъ безсребрянную дань;
 Издревле тамъ лѣса дремучіе пещеры,
 Недремлющая въ нихъ мечи оспаривала брань,
 И зорко хищники изъ дебрей къ намъ глядя
 И порубежную перебѣгали грань
 Съ орканомъ и огнёмъ . . . И всё ихъ жертвой
 было;

Но меспи зарево ужасно освѣщило
 Издавна гнѣвныя на хищныхъ небеса:
 Пришли отъ Сѣвера полки опшваги полны;
 Предъ ними громъ—и пламенные волны
 И въ пепель—дремучіе лѣса! . . .

* * *

Нерѣдко я видалъ и *Днѣпръ* голубоводный
 На лонѣ мащери—природы,
 Еще младенцемъ—ручейкомъ;
 Но зрѣлъ, я зрѣлъ его въ величьи рѣкъ царёмъ!
 Какъ, грозный, онъ пробилъ межъ горъ себѣ до-
 роги
 И пѣной оснѣжа пороги,
 Съ пропаяннымъ грохотомъ, кипящій, въ доль
 лепитъ!
 Высоко-башенный Смоленскъ надъ нимъ спо-
 итъ! —

*

И холмы Кіевски вѣками освященны,
 И храмы Божіи богато-позлащенны:
 Исполненна чудесь глядишся въ немъ страна!
 И нестерпѣніемъ—полна,
 Бѣжишь къ *могучему* прекрасная *Дісна* ...

* * *

Я въ *Польшѣ* рѣки зрѣлъ: и воды свѣсплой *Вислы*,
 И, съ шумомъ, къ ней бѣгущій *Бугъ*;
 И замки съ башнями на бездны съ скаль на-
 вислы:
 Съдыхъ времянь парить надъ ними духъ...
 Страны прелестныя не разъ облиты кровью,
 Земля засѣянна костями,
 Ты съ давнихъ лѣтъ присвоена любовью
 Съ ея волшебными сѣтми!—
 Гроза сердець—твоя младыя *Фви*:
 Какъ милы ихъ любовныя зашѣ!
 И гибкой легкой спань, и сладость ихъ рѣчей
 И прелесть тайная очей!..
 Но мнѣ милѣй ихъ жаркое участие
 Въ судьбѣ родной ихъ стороны:
 Онѣ свяшой любовью къ ней полны
 И счастье ихъ—опчизны милой счастье!
 Какъ часто, позабывъ и нѣгу и покой,
 Ихъ вдохновеніемъ дружина храбрыхъ ды-
 шить,
 И воинь, въ битвѣ роковой,

Завѣщанья слова незримыхъ спутницъ слы-
шницъ:

„Свобода и любовь!“

И храбрый вихремъ на враговъ!—

Тамъ пылкая моя промчалась младость,

И, мнится, я во снѣ увидѣлъ жизни рай;
Но въ сердцѣ и шеперь живая вспыхнетъ ра-

достью
Какъ, вспомнивъ, назову тебя, привѣстный
край! ..

Такъ, мило и шеперь, въ странѣ злыхъ меч-
паній,

Искашь мнѣ, какъ друзей, о прошломъ вспоми-
наній,

Ихъ сердце грустное манишь, къ себѣ зо-
вешь:—

Гдѣ ты о, время прежнихъ лѣтъ!

Гдѣ первой страсти грусть и первая волненья?

Гдѣ вы, любви—надежды и мученья?—

О, дѣши Неба! развѣ васъ,

Одинъ лишь только въ жизни разъ

Встрѣчаетъ смертный и лелѣетъ

Въ груди пылающей, молодой?— — —

Но что такъ сладко въ душу вѣетъ?

Такъ вѣетъ къ сердцу . . . сердце мѣшетъ,

Когда въ очахъ моихъ свѣтлѣетъ

Туманъ прошекшаго сѣдой? . . . —

То вы, мои мечпы! мои воспоминанья!

Небесныя! при васъ я всё забылъ спраданья:

Дри насъ въ душѣ моей пахъ тихо и свѣтло!
И всё прошедшее какъ будто не прошло!—

* * *

Какъ спранникъ, многія еще я видѣлъ рѣки:

Мнѣ указала ихъ молва;

Онѣ красуются въ спранахъ ошъ насъ дале-
кихъ . . .

Тебяжь о, пышная, дочѣ Ладоги, *Неса!*

Я зрѣлъ въ младенческія дѣта;

И, новый гость безвѣстнаго мнѣ свѣта,

Не зналъ я и имени; суеть, заботь и бурь;

Въ моей душѣ веселія лазурь

Какъ сводъ небесъ въ тебѣ изображался . . .

Ахъ! въ пошъ злашой мой вѣкъ съ спрастями
я не знался!

Не плакала ошъ поски, не думала крѣпкихъ
думъ . . .

И града пышный видъ, смятенье, звукъ и шумъ,

Богащство, слава, честь, блесня, обворожая,

Мелькали для души, души не поражая,

И мимо протѣкли, какъ сонъ, какъ рядъ тѣней . . .

Мнѣ жизнь была *нова!* не зналъ я въ ней путей,

Не зналъ, что подобно мѣрѣ обмановъ и сѣшей.

Безбурны дѣтства дни, о, времена златыя,

Забудуль васъ?—О, радости святыя!

Вы по цвѣтамъ *безпечнаго* вели,

И сами, какъ цвѣты, вокругъ него нестрѣлись,

Ужели для меня навѣкъ вы опцѣвѣли?—
 Забавы дѣтскихъ лѣтъ какъ ппички разлетѣлись,

И мой челнокъ оставилъ тихій брегъ!..

Придепель вы опять о, дни очарованій?—

Я счастливъ, счастливъ былъ, въ пылу моихъ
 мечтаній,

Въ семьѣ живыхъ надеждъ, веселій и ушѣхъ!—

Но строго угрюмой мнѣ учитель,

Воздушныхъ замковъ разрушилъ,

Былъ опытъ.—Онъ мою младую грудь стѣ-

снилъ,

Смолистымъ факеломъ на миръ сей по-

свѣщилъ,

И миръ подернула черной нитанью . . . . .

„Гробъ мрачный, река онь мнѣ, одинъ конецъ

спрадано:

„Объны счастья—ложь! дни жизни—дни суэшь!

„Волшебны зеркала—прелестныя мечтанья,

„Безъ нихъ уныль и мраченъ свѣшь,

„И слезъ полна юдоль земнаго испытанья:

„Надежды и мечпы

„Нась тѣшатъ какъ дѣшей и вянуть какъ

цвѣшы.

„Подъ бурями страшней мертвецъ добро-

дѣшель!“ . . . . .

Не такъ ли онъ гласитъ, суровый благодѣтель?—

Но, къ прежнимъ радостямъ искать ли мнѣ

путей? . . . . .

И гдѣ укроюсь я опъ мятежа страшней?—

Не при тебе ль о, рѣкъ Россійскихъ мать и
слава!

О, пышна Волга величава!

Мнѣ суждено мои ушрашы возвратить

И сердца грустнаго всѣ раны залѣчить?

О, Волжскія струи! о, холмы возвышенны!

Воскреснуть ли при васъ дни счастья емъ
обновленны?

Прольещеся въ помну грудь веселія струя,

И будуль, будуль счастливь я?...

Не здѣсь ли о, берега, пѣвнющаи собою,

Я заключу желанный миръ съ судьбою?—

И будете ли вы, нагорны высоты!

Припомомъ сиротника, припомомъ сироты?

Въ укрѣпной хижанѣ, къ ушесу прислонен-

ной,

Душистой липою и клѣномъ осѣненной,

Найдули наконецъ душѣ моей покой?—

Какъ восхищасябъ я предѣстною рѣкой!...

Но сбудиасябъ, что я, пѣвецъ уединенный,

и Свяшой свободой вдохновенный,

О, Волга! воспую швой бѣгъ, швыи берега,

Злашны пажити, роскошны луга:

Какъ бѣлокрылыи струга:

Ты къ морю синему въ сѣдую даль уводишь...

Мечта: за чѣмъ ошашъ къ мечтамъ меня за-
водишь?

Мнѣль счастья ожидашь? — Судьбы гремящій
 гласъ,
 Брега прекрасные! велишь оставить васъ;
 Я странникъ! не ищу черноговъ пышныхъ
 строишь:
 Ищу лишь уголка, гдѣбъ сердце успокоить. —

Федоръ Глинка.

К Л А Д Б И Щ Е.

(ЭЛЕТІЯ.)

Бьетъ полночь! мершвад повсюду тишина;
По холмамъ сумрака прасперпо покрывало;
Съ бѣгущихъ облаковъ унылая луна
Глядится спящихъ водъ въ кристальное зер-
цало,

Или задумчиво уходишь въ боръ густой,
И памь съ безмолвною бесѣдуешь тоской,
Иль пробираяся межъ листьями украдкой,
Склоняешь гувника въ мечсахъ къ дремопѣ
сладкой.

* * *

Вездѣ ряды крестовъ, свидѣтелей нѣмыхъ
Земной непрочности, пщепы гремящей славы,
Въ угрюмой древности — въ вѣкахъ ея зла-
тыхъ.

Здѣсь возрождалися и рушились державы;
И вопь одна печаль, надъ урной гробовой,
Воспоминанія пипається слезой,
И съ вѣтромъ шепчутся о давности унылой
И миртъ и кипарисъ надъ мшистою могилой!

* * *

Обитель мирная опшельниковъ земли!
 Здѣсь затворилися они въ глухія кельи,
 И опъ гоненія и горести ушлы;
 Здѣсь не тревожишь ихъ печаль на новосельи
 И Геній тишины покой ихъ спережеть;
 Не знаютъ ихъ толпа бунтующихъ заботъ,
 И степелятъ медленно сползшія сѣдые
 Покровъ забвенія на холмы гробовые.

* * *

О, меланхолія, пустыни вѣрный другъ!
 Ты свѣдое чело туманомъ омрачила,
 Ты горести влила въ мой восхищенный духъ
 И юность рѣзвую ропшаньямъ научила,
 Ты познакомила безпечнаго съ слезой,
 Спѣвши, унылая! бесѣдовать со мной.
 Тебѣ не чуждъ Камень, задумчивый служитель,
 Онъ часто приходилъ мечпань въ твою оби-
 пель!

* * *

Всѣ пробуждаетъ здѣсь души моей тоску:
 И спража сельскаго полночное взыванье,
 И ровошь ручейка по зыбному песку,
 И дремлющей рѣки въ прибрежіи плесканье.
 Здѣсь часто рѣзвыя мечпанья предо мной
 Рисуютъ ужасы волшебною рукой,
 И опдаенныя протекшаго картины
 Повсюду носятся, какъ грозны исполины.

* * *

Въ часы таинственны священной тишины,
 Когда на Западъ свѣтило догораешь,
 И надъ усралоспью ночь навѣваешь сны,
 И Филомелы гласъ въ дубравѣ умираешь:
 Сюда спускается съ лазоревыхъ зыбей
 Въ прозрачной пеленѣ веселый хоръ пѣней
 Взглянушь опять на кровь опеческихъ селеній,
 На мирный храмъ любви и сладкихъ вдохно-
 веній.

* * *

На сихъ увѣчанныхъ лѣсами висопахъ,
 Гдѣ видны пляжкіе слѣды опустошенія;
 Гдѣ ужасъ прелепный блуждаешь на стѣнахъ,
 И гдѣ все брошено въ добычу заупустѣнья,
 И замокъ высился и рядъ злыхъ сполповъ,
 И часто, посреди блистательныхъ пировъ,
 Недремлющая смерть изъ сильныхъ рукъ Васала
 Нарѣзанный бокаль неожиданно вырывала!

* * *

Но грады и царей и царства истребилъ
 Неумолимый врагъ, ударъ судьбы спропшивой,
 И спранникъ съ горестью на прахъ ихъ могилъ
 Читаетъ приговоръ въ камъ краснорѣчивой.
 Надмѣнные! для васъ суровый предаль рокъ
 На сихъ развалинахъ смиренія урокъ;
 Нашъ путь ошь первыхъ дѣей безопасности при-
 вѣтной
 Подъ лезвіемъ косы къ могилѣ безопытной!

* * *

Калигулы! гдѣ блескъ, гдѣ слава вашихъ дней?
 Гдѣ пронь, къ копорому вело васъ вѣроломство?
 Народы съ ужасомъ клянутъ вашъ мавзолей,
 И на него глядитъ съ презрѣніемъ потомство!
 А ты, поселянинъ, умершій за сохой,
 Ты беззаботно спишь подъ крышей гробовой,
 Не возмущающъ сна укору преступленья:
 Блаженство ждешь себя съ минушой пробуж-
 денья!

П. Терлеѣвъ.

КЪ Ф И Л О Н У (*).

(Изъ Маттисона.)

— о — о о — | о — о — о
— о — о о — | о — о — о
— о — о о — | о — о — о
— о о — о

Буря воешь въ лѣсу; по всѣмъ пропинамъ
Разоспался коверъ испавшихъ листьевъ;
Обнаженны древа съ печальнымъ скрипомъ
Гнушся отъ бури.

(*) Сія небольшая Ода дышетъ, такъ сказать, Гораціевымъ духомъ и напоминаетъ прекрасную Оду его: къ *Талиарху*. Наспанетъ ли когданибудь время, въ которое и Русская Словесность обогатится такими переводами древнихъ, какими *Фоссъ* и *Эшенъ* обогатили Нѣмецкую! Но для сего нужно было бы истребить предубѣжденіе противъ древнихъ спосложений, предубѣжденіе, которое — къ сожалѣнію всѣхъ безприсрасшныхъ знатоковъ Словесности вообще и къ великой потерѣ нашей въ особенности — всё еще господствуетъ на нашемъ Парнасъ:

Насъ за чашей вина, передъ каминомъ,
 Не смущаетъ Борей, хошябъ онъ снѣги
 Сыпаль; рѣки льдомъ оковаль; долины
 Преобразиль видъ.

Вудеть, будетъ весна! древа одѣнетъ
 Въ листьязь; поле въ цвѣшъ; ручьи и рѣки
 Разрѣшитъ опъ оковъ: изъ урнъ ихъ снова
 Воды польюся.

Но, бытъ можеть, Филонъ! весны дыханье
 Нѣжнымъ цвѣпомъ деревъ не полны чаши
 Двухъ безпечныхъ друзей, а ихъ могилы
 Тихо усѣеть.

Прочь печальная мысль! пока мы юны,
 Должно только любить и наслаждаться,
 Увѣнчай же чело свое цвѣтами:
 Здѣсь ихъ довольно.

Владиміръ Бриллеръ.

Впрочемъ, поколебать сіе предубѣжденіе можно
 не иначе, какъ только переводомъ или сочинені-
 емъ чего нибудь важнаго, ностаравшись при-
 томъ, чшобы и стихи превосходили гармоніей
 обыкновенные ямбы и хорей: чему еще до сей
 поры примѣра не било. *Примѣч. Перевод.*

Б А Р А Т Ы Н С К О М У.

(ОТВѢТЬ.)

Поэты, пшй дружественной гласъ
Доспигъ до узничей темницы;
И въ сердцѣ жизнь опозвалась
На звукъ знакома цѣвницы.

Давно ужь скуки снѣдъ пѣмой,
Оно безъ чувства хладно билось;
Но снова чувство оживилось
О счастье шихою поской!

Куда дѣвались, другъ Поэты,
Сии порывы къ наслажденью?
Сей мѣръ волшебный юныхъ лѣтъ,
И вѣра сердцемъ сновидѣнью?

Къ намъ путь завѣяла мешель
Свободѣ, рѣзвому веселью,
И жизни жосткая кудель
Прядется всѣмъ больною лѣнью.

Одинъ лишь силы звучной гласъ
Смущаетъ мрачное безмолвье,
И краснощекое здорье
Вспорхнуло съ радостью отъ насъ!

Р О М А Н С Ъ.

„Дѣдушка! дѣвицы
Разъ мнѣ говорили,
„Нѣтъ ли небылицы,
„Иль старинной были?“

— Какъ не быть! уныло
Краснымъ ошвѣчалъ я:
— Сердце васъ любило,
Такъ чего не зналъ я!

Было время! гдѣ вы,
Годы золотые!
Какъ плѣняли дѣвы
Въ ваши дни бывые!

Ужь онѣ — старушки;
Но опъ нихъ, порою,
Много на подушки
Слезъ пролило мною.

Душу всю сжигали
 Ихъ уста и очи,
 И безъ сна бывали
 Долгія мнѣ ночи.

„Дѣдушка, полною
 Дѣвушки вскричали:
 Видимъ мы, побою
 Бабушки играли!

„Жаль намъ дѣда! злыя,
 Вошь надъ кѣмъ шупили!
 Нѣшь, мы не шакія,
 Мыбъ себя любили!“

— Выбъ любили? сказки!
 Вѣры мнѣ неймешся!
 Видя ваши ласки,
 Дѣдушка смѣется! —

— 4 —

С М Ъ С Ъ .

К Р И Т И К А .

НАЛЪ, ОТРЫВОКЪ, ВЗЯТЫЙ ИЗЪ
САНСКРИТСКОЙ ПОЭМЫ: МАГАБ-
ГАРАТА (*).

Изученіе Санскритскаго языка весьма полезно. Оно пипааетъ наблюдательнаго Философа не одиѣми приманками любопытства и ожиданія, но служить къ утвержденію и дополненію Исторіи языковъ и вѣроисповѣданій.

Къ несчастію, книги, содержащія первыя основанія сего языка, необходимыя для изученія онаго, очень дороги, рѣдки и не близки къ своему совершенству, судя по изложенію правилъ. Особенно не доспаетъ вѣрныхъ и легкихъ Санскритскихъ текстовъ, по которымъ можно бы учиться языку безъ учителя, еслибы шуть

(*) Nalus, carmen Sanscritum, e Mahabharato; edidit, latine vertit, et adnotationibus illustravit F. Bopp.

приложенъ былъ хорошій переводъ и замѣчанія. Сей недостатокъ шѣмъ удивительнѣе, что собраніе Санскритскихъ книгъ, напечатанныхъ въ Индіи за 20 или 25 лѣтъ, уже довольно важно, смотря по разнообразію, выбору и числу ихъ.

Европейцы могутъ шеперь читать, въ правильныхъ и обработанныхъ изданіяхъ, многія превосходныя Санскритскія Поэмы. По онымъ можно лучше судить о вліяніи счастливаго климата Индіи, о вліяніи прекраснаго Санскритскаго языка, и смѣлой, обширной Браминской Мифологіи, — о вліяніи ихъ на Поэта. Мы можемъ узнать изъ сихъ сочиненій учрежденія и законы, болѣе или менѣе древніе, подъ которыми процвѣтали народы Индіи, прежде поработенія своего сими плуцами непросвѣщенныхъ побѣдителей, изъ коихъ каждый укорялъ ихъ въ порокахъ рабства. Сочиненія, полезныя для познанія Вѣры, Философіи и другихъ наукъ Браминъ, также напечатаны и ожидаютъ только читателей и переводчиковъ Европейскихъ, которые бы доставили новыя и драгоценныя дополненія къ Исторіи человѣческаго разума. —

До сего времени, книги сіи для насъ были не столько средствомъ къ познанію древняго почтеннаго нарѣчія, на которомъ онѣ написаны, сколько причиною къ сожалѣнію, что мы такъ мало успѣли въ семъ языкѣ. Онѣ, въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно шрудны, по самой природѣ

предметовъ, о копорыхъ въ нихъ говорится, по причинѣ запутанныхъ выражений, и почти всѣ были изданы безъ перевода и безъ поясненій, необходимыхъ для употребленія Европейцевъ. Издателями сихъ книгъ были Пандиты, или Брамины; впрочемъ, сіи ученые, умноживъ списки оныхъ посредствомъ типографіи, копорую они нашли выгодною, имѣли въ виду только собственное спокойствіе, а не философское любопытство Европейцевъ.

Правда, что нѣкоторыя изъ сихъ сочиненій были переведены на Англинскій, а съ сего на Французскій и Нѣмецкій языки. Но, не останавливаясь на другихъ неудобствахъ сихъ переводовъ, кои приняты средствомъ изученія Санскрипскаго языка, я ограничусь замѣчаніемъ, что они столь невѣрны, что въ подробностяхъ не могутъ сравниться съ текстами.

Г. Бопъ, продолжающій теперь въ Англіи начатыя имъ въ Парижѣ прекрасныя розысканія объ Индѣйской Словесности, издалъ недавно сочиненіе, болѣе полезное, нежели всѣ прежніе переводы. Это Санскрипская Поэма, напечатанная въ Лондонѣ, подъ названіемъ: *Налъ*. Она переведена на Латинскій языкъ для того, чтобы облегчить и утвердить изученіе языка Санскрипскаго. Чтобы, однимъ словомъ, похвалить сіе сочиненіе, довольно сказать, что оное не заставляетъ ничего желать лучшаго.

Выборъ жекета превосходный. Поэма *Нала* есть занимательнѣйшій эпизодъ Мэгабгаравы, большой эпической Поэмы, приписываемой *Виаэу*. Въ немъ достовернѣйшія находящяся извѣстія объ Исторіи и Религіи древнихъ Индѣйцевъ. Тутъ описаны приключенія царя *Нала*, который, если невымышленное лицо, по долженъ былъ царствовать въ самыя опдаленныя и неизвѣстныя времена Индіи. Любовь и бракъ *Нала* съ нѣжною, прекрасною *Дамалити*; жестокая судьба, заставившая сихъ супруговъ, прежде спольже счастливыхъ, сколь и достойныхъ счастья, спранствовать по лѣсамъ и степямъ въ самое бѣдственномъ положеніи; разлука, которую они претерпѣваютъ къ довершенію ихъ злоключеній и печали; препяпствія и опасности, цѣною коихъ они получаютъ наконецъ сладость соединенія — составляютъ основаніе сихъ приключеній. Если они не имѣютъ ничего геройскаго въ обыкновенномъ смыслѣ сего слова; по, по крайней мѣрѣ, имѣютъ много привлекательнаго и поэтическаго. Чудесныя происшествія, въ нихъ находящіяся, примѣчательны; тамъ по обнаруживаются, во всемъ блескѣ, во всей природной простотѣ, многія рѣдкія черпы Индѣйской Мифологіи.

Повѣсть сія, основанная, вѣроятно, на какія нибудь историческія преданія, и еще

Болѣ занимательная по прибавкамъ, нежели сколько она проста и прогашельна по основанію, составляющъ, въ печеніе 20 вѣковъ, любимый предметъ Индѣйской эпической Поэзіи. Она служила, кромѣ многихъ сочиненій, основаніемъ двумъ прекраснѣйшимъ Поэмамъ Санскрипской Словесности. Первая, подъ заглавіемъ: *На-лодаія*, посвящена *Калидазѣ*, сочинителю Драмы *Сахонталы*, теперъ почти спольже извѣстной въ Европѣ, какъ въ Индіи; другая, *Наизгада*, всѣми признанная образцовымъ произведеніемъ Санскрипской Поэзіи, доставила между Пандитами *Сригарсѣ*, своему автору, названіе Царя Поэтовъ.

Изъ сихъ различныхъ Поэмъ, одного предмета, только приписываемая *Визѣ*, какъ часть Магабгарашы, по простотѣ и ясности слога, по легкому образцу стихотворенія, согласовалась съ намѣреніемъ Г. Боба, которому хотѣлось составить первоначальную ученую книгу. Она и въ другихъ отношеніяхъ занимательнѣе и любопытнѣе всѣхъ. Поэмы *Калидазы* и *Сригарси*, безъ сомнѣнія, написаны противъ нея съ большимъ украшеніемъ и искусствомъ, съ большимъ остроуміемъ въ подробностяхъ и замѣчаніяхъ. Не смотря на то, сіи выгоды не могутъ ни замѣнить, ни сравниться съ прелестной простотой, съ характеромъ, совершенно эпическимъ, съ вѣрнымъ изображеніемъ одѣяній и при-

личнымъ тономъ, кои отличаютъ сочиненіе *Vishnu*, и кои одни служили бы подтвержденіемъ глубокой древности сего сочиненія, еслибы она не была доказана. Сочиненіе сіе можно почитать вѣрнымъ начертаніемъ Индѣйскихъ нравовъ—нравовъ поэтическихъ, по ихъ самой простотѣ, и достойныхъ примѣчанія, по необыкновенному смѣшенію приятности и силы. Въ семъ отношеніи изданіе *Nala* для всѣхъ занимательно и полезно, относя къ цѣли, которую предписала себѣ Г. Бопъ.

Въ подобномъ изданіи поправка текста была очень важна, или лучше сказать, необходима. Г. Бопъ особенно о томъ старался. Понимая многія превосходныя рукописи, изъ коихъ нѣкоторыя были съ примѣчаніями, онъ въ первый разъ присоединилъ къ изданію Индѣйскаго сочиненія правила криштики и вкуса, сходныя съ шѣми, коихъ держались издатели сочиненій классической древности. Текстъ *Nala* сколько числится и прочесть, сколько можно желать; припомъ онъ весьма хорошо напечатанъ. Словомъ, ничего не вышло столь хорошо обработаннаго и красиваго изъ станка Санскритскаго, каковъ *Nala*.

Что касается до перевода, требуемаго симъ текстомъ, Г. Бопъ чувствовалъ, что онъ, въ отношеніи къ его цѣли, тѣмъ совершеннѣе будетъ, чѣмъ ближе. Для того-то онъ и перевелъ сіе сочиненіе на Латинскій языкъ, который

лучше, нежели другіе, выражаетъ и показываетъ порядокъ и расположеніе рѣчи Санскритскаго языка и кошорый, сверхъ того, представлялъ ему выгоду, что произведеніе его сдѣлается полезнымъ для всѣхъ Европейцевъ. Онъ перевелъ каждый стихъ подлинника соотвѣствующею широкою Латинскаго языка, безъ опущенія, безъ поправленія, безъ перестановки, и простеръ точность до того, что изъ разныхъ однозначущихъ словъ Латинскихъ выбралъ онъ тѣ, кои по словопроизведенію наиболѣе близки къ Санскритскому языку. Переводъ его, разсматриваемый со вниманіемъ, можетъ показать нѣкоторыя соотношенія, существующія между сими двумя нарѣчіями—соотношенія удивительныя, кои Г. Бопъ столь совершенно показалъ въ своемъ остроумномъ и глубокомысленномъ сочиненіи на систему склоненій Санскритскихъ.

Я долженъ оставить на рѣшеніе знапковокъ, не находятся ли кой-гдѣ въ семъ переводѣ нѣкоторыя мысли, могущія быть или почтѣе или исиѣе выраженными. Еслибъ онѣ дѣйствительно находились, то сіи несовершенства исчезли бы нѣкоторымъ образомъ отъ своей маловажности и чрезмѣрной рѣдкости. *Наль* есть точно то, чѣмъ онъ долженъ быть, для достиженія цѣли, для кошорой онъ сдѣланъ. Прямо и со всевозможною вѣрностію отражаетъ онъ

виды, ходъ и геній Санскрипскаго языка. То, что онъ имѣетъ въ себѣ запутаннаго, малозначущаго и темнаго, для желающихъ читать оной и безъ намѣренія выучить образцовый текстъ, должно быть почтено учащимся дѣйствительною выгодою и средствомъ достигнуть до пониманія сего текста.

Вкусъ Индѣйскій состоитъ въ распространеніи и многословіи; въ Санскрипскомъ же языкѣ, споль крапкой слогъ, что все, написанное на семь нарѣчій, непремѣнно должно представлять мѣста, коихъ настоящаго смысла нельзя ясно выразить. Сверхъ того, во всякомъ поэтическомъ сочиненіи первобытныхъ временъ есть темнота. Для объясненія подобныхъ мѣстъ, разбросанныхъ въ текстѣ *Нала*, Г. Бопъ прибавилъ къ своему переводу замѣчанія, которыя составляютъ нѣкоторымъ образомъ дополненіе перевода. Какъ искусный толкователь, онъ тамъ опредѣляетъ все то, что, какъ вѣрной переводчикъ, долженъ бы былъ оставить въ неизвѣстности. Тамъ предлагаетъ онъ замѣчанія на изрѣченія двусмысленныя; тамъ приводитъ онъ мѣста изъ подлинниковъ; рассказываетъ о главномъ несходствѣ разныхъ рукописей и открываетъ иногда остроумныя и краткія обзорнія на разные пункты грамматической теоріи Санскрипскаго языка. Однимъ словомъ: всѣ сіи замѣчанія споль нужны, или споль полезны, что

можно упрекнуть Г. Бопэ въ томъ, за чѣмъ онъ не сдѣлалъ ихъ многочисленнѣе.

Легко бы, но долговременно было прибавлять къ сему сочиненію наблюденія, которыя бы лучше заставили чувствовать все достоинство и пользу онаго. Скажу только, что Санскритской тексты *Нала*, смотря на томъ Поэзіи, на оборотъ, на характеръ и трудности выражений, можетъ быть поставленъ въ томъ же разрядъ, въ которомъ находясь: *Рамаяна*, также собраніе рапсодическихъ сочиненій, подъ именемъ: *Пурана*, и другія произведенія средняго періода Словесности и догматовъ Индѣйскихъ. И такъ, кто познакомится съ первымъ, тотъ будетъ уже въ состояніи понимать другихъ, кои заключаютъ драгоценнѣйшія доказательства на древнее образованіе Индѣвцевъ.

Г. Бопэ еще болѣе сдѣлался достойнымъ почтенія Философовъ и ученыхъ, облегчивъ имъ входъ поприща, котораго предѣлъ онъ долженъ былъ распространить. Время и трудъ, которыми сполно основательное сіе произведеніе, были употреблены на изученія трудныя и возвышенныя, т. е. на разысканія древнѣйшихъ Священныхъ книгъ Индіи и на дополненіе величайшаго пропуска, который можно показать теперь въ Исторіи людей по части образованія ихъ Религіи, Нравоученія и Философіи. Осмѣливаюсь думать, что вся Европа должна будетъ

нѣкогда благодарить ученыхъ Англіи за всѣ
поощренія и вспоможенія, полученныя отъ нихъ
Г. Впомъ, для столь важнаго занятія.

(Изъ *Révue Encyclopédique*.)

А. Ж.

ОБЪЯВЛЕНІЯ О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

I.

Съ Января 1821 года будетъ выходить въ Харьковѣ новое періодическое изданіе, подъ названіемъ: *Муза*, или Харьковскій Литтературный Журналъ. Въ составъ онаго входитъ все, касающееся до Словесности, Изящныхъ Наукъ и Искусствъ.

I. *Проза*. Всѣ роды прозаическихъ сочиненій, какъ шо: разсужденія, рѣчи, повѣстїи, разговоры, историческіе очерки, біографіи знаменитыхъ ученостию мужей, живописныя путешествія, изображеніе характеровъ, также изсѣдованіе о свойствахъ языковъ и п. п.

II. *Стихотворенія*. Всѣ роды стихотвореній, совмѣстныя обширности періодическаго изданія.

III. *Смѣсь*. Библіографія, или извѣстія и сужденія о книгахъ и извлеченіе изъ оныхъ, критическое разсмотрѣніе новѣйшихъ произведеній Словесности, любопытныя анекдоты и другія мѣлкія сочиненія, къ Литтературѣ относящіяся

которыя, почему нибудь, не могутъ быть помѣщены въ первомъ отдѣленіи; особливо же небольшія статьи нравственныя, чистымъ и яснымъ слогомъ написанныя.

Главная цѣль сего Журнала: — способствовать, по возможности, распространенію всеобщаго вкуса къ Отечественной Словесности. Для сего Издатели, избѣгая дальнѣйшихъ обѣщаній, постараются печатать только такія сочиненія, которыя доставили бы читателямъ и пользу и вмѣстѣ удовольствіе.

Произведенія поспороннихъ Особъ принимаемы будутъ съ благодарностію и помѣщаются въ севъ Журналъ, если только онѣ, по содержанію и слогу своему, окажутся соопвѣстствующими цѣли онаго.

Въ концѣ каждаго мѣсяца будетъ выходить одна книжка, содержащая въ себѣ не менѣе 5 листовъ печатныхъ; при таковыхъ книжки составляютъ Часть, а четыре Части годовое изданіе. Цѣна за оное въ Харьковѣ 18 руб., а съ пересылкою въ другіе города 20 рублей.

Желающіе удостоить Издателей подпискою на полученіе сего Журнала благоволятъ описатьъ съ своими пребываніями въ Правленіе Императорскаго Харьковскаго Университета, или къ *Издателямъ Музы, въ Харьковѣ*, — съ прописаніемъ своего мѣсто-пребыванія, чина, имени, отчества и фамиліи.

Имена Гг. Пренумерантовъ будутъ припечатаны при каждой Части.

Императорскаго Харьковскаго Университета

Лекторъ *Петръ Артемьевскій-Гулакъ.*

Кандидатъ *Александръ Склабовскій.*

2.

Вторая часть *Памятныхъ Записокъ* Мармонтеля вышла изъ печати и раздается Гг. Пренумерантамъ въ С. Петербургѣ въ книжныхъ лавкахъ: Плавильщикова, Слѣнина, Мат. Глазунова, Свѣшникова и Воробьева; въ Москвѣ: М. Глазунова и Ширяева. Третья часть сихъ *Записокъ* поступила въ печать и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ. Во всѣхъ вышеозначенныхъ лавкахъ раздаются билеты на полученіе остальныхъ частей. Цѣна за четыре части 20, а съ пересылкою въ другіе города 25 рублей.

3.

Санктпетербургское Вольное Общество любителей Россійской Словесности съ удовольствіемъ принимаетъ на себя обязанность завѣстивъ почтенныхъ любителей всего Отечественнаго, что Почетный Членъ его, П. П.

Сиднинъ, намѣренъ продолжать полезное и любопытное изданіе свое: *Отечественныя Записки* и на будущій 1821 годъ Почтенный Издатель уже приобрелъ вниманіе Публики многими хорошими статьями и не перестанетъ конечно заслуживать благодарность просвѣщенныхъ соотечественниковъ, продолжая знакомить ихъ съ дарованіями природныхъ Русскихъ художниковъ, которыхъ съ такою похвальною заботливою умѣетъ онъ опыскивать и упѣшать въ ихъ печальной неизвѣстности. — Планъ Журнала остается тотъ же: Издатель будетъ по прежнему стараться знакомить своихъ читателей единственно съ ихъ Отечествомъ, не пощаждать ни трудовъ, ни издержекъ для собиранія матеріаловъ относительно сей важной цѣли, и посчитъ первую обязанностію и честью сдѣлать болѣе, чѣмъ обѣщаетъ, въ чемъ смѣетъ онъ надѣяться, Публика можетъ уже ожидать ему справедливость: ибо хотя обязался онъ выдавать ежемѣсячно отъ 4 до 6 листовъ, но изъ восьми Но, вышедшихъ въ свѣтъ, ни въ одномъ не было менѣе 5 листовъ, а при заключали болѣе 7; вмѣсто 3 гравированныхъ видовъ Издатель помѣстилъ 4 и сверхъ того планъ и проч.; такъ что вмѣсто обѣщанныхъ трехъ частей за нынѣшній годъ составился четыре.

Издатель можетъ къ сему присовокупить, что Журналъ его будетъ впредь заключать са-

мые любопытные предметы, кои въ продолженіе сего года получили онъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ Россіи; равнымъ образомъ и тѣ, о коихъ въ печеніи того времени успѣлъ онъ собрать нужныя подробности.

Вообще содержаніе сего изданія будетъ состоявать слѣдующіе предметы:

1) Журналъ многихъ никому неизвѣстныхъ Русскихъ путешественниковъ по Россіи, Бухаріи, Хивѣ, Киргизской степи, Кавказу и чужимъ краямъ.

2) Записки опличныхъ Воиновъ - Литераторовъ.

3) Письма Издашеля о Москвѣ, Кіевѣ, Новгородѣ и другихъ классическихъ отечественныхъ городахъ и мѣстахъ.

4) Жизнеописанія знаменитыхъ Россіянъ и неизвѣстныхъ опличныхъ художниковъ и гражданъ.

5) С. Петербургскія современныя лѣтописи.

6) Смѣсь: Русскіе анекдоты, современныя происшествія, отечественныя открытія, Историческія изысканія и проч. и проч.

Многія почтенныя Особы, занимающіяся отечественною Исторіею и Словесностію, общали украшать своими трудами *Отечественныя Записки*; прочихъ же покорнѣйше приглашаетъ, увѣряя въ истинной его Г. Издашеля и всѣхъ соотечественниковъ благодарности.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ на 1821 годъ съ Генваря мѣсяца, здѣсь въ С. Петербургѣ 25 руб., а съ пересылкою въ другіе города 30 рублей ассигнаціями.

Каждая часть, коихъ соствоится въ годъ 4, будетъ украшена искусно выгравированнымъ видомъ какого нибудь достопримѣчательнаго мѣста, или города, или поршретомъ знаменитаго Россіянина.

4.

Журналь: *Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія*, издаваемый Высочайше утвержденнымъ Вольнымъ Обществомъ любителей Россійской Словесности, будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ 1821 году на прежнемъ основаніи, какъ уже означено въ объявленіи. Общество, избѣгая излишнихъ обѣщаній, постарается сдѣлать изданіе свое сколько возможно занимательнымъ, и чшобъ книжки онаго выходили въ концѣ каждаго мѣсяца.

Къ Журналу будутъ прилагаемы, по приличію, поршреты, чертежи и ноты. Подписка принимается въ С. Петербургѣ: въ домѣ Общества подъ N 254, 3 Адмирал. части, 4 квартала на Вознесенскомъ проспектѣ; въ книжныхъ лавкахъ

братъевъ Слѣниныхъ и въ библіотекѣ Г. Плавильщикова; въ *Москвѣ*: у Содержателя Университетской типографіи, Г. Ширяева; въ *Казани*: у Г. Члена - Корреспондента Общества, Петра Сергѣевича Кондырева, и въ *Одессѣ*: у Г. Дѣйствительнаго Члена, Карла Ивановича Кеппена. Иногородныя Особы могутъ адресоваться также въ Газетную С. Петербургскаго Почтамта Экспедицію, которая приняла самыя вѣрныя мѣры къ исправному доставленію сего Журнала. Въ случаѣ же неполученія Гг. Преномерансами книжекъ *Соревнователя*, благоволяшь отнестись прямо въ Общество, которое не преминеть удовлетворить Гг. Подписавшихся въ справедливыхъ требованіяхъ.

Цѣна за годовое изданіе здѣсь въ С. Петербургѣ, на лучшей бумагѣ 25 р., а съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи, или съ доставленіемъ на домъ 30 рублей; полугодовое же здѣсь 15 руб., а съ пересылкою или съ доставленіемъ 18 рублей; но какъ вырученныя изданіемъ симъ деньги назначаются въ пособіе *неимущимъ ученымъ и учащимся*, то желающіе содѣйствовать сей благошворной цѣли могутъ вносить за экземпляръ и болѣе означенной суммы. Имена Гг. Подписавшихся и Благошворителей печатаются при каждой части.

Въ Обществѣ можно также получить Журналъ *Соревнователь Просвѣщенія и Благоотво-*

*

рѣнія за 1818, 1819 и 1820 годы съ плашою
шой же цѣны.

ИМЕНА ЛЮДЕЙ, БЛАГОВОЛИВШИХЪ
ПОДПИСАТЬСЯ НА СЕЙ ЖУРНАЛЬ.

(Продолженіе.)

Въ Санктпетербургѣ.

Его Сіятеельство Графъ Петръ Ивановичъ Ивеличь.

Въ Харьковѣ.

Городовой Секретарь Сердюковъ.

Его Благородіе Алексѣй Ивановичъ Карасевъ.
Коллегіумъ.

Въ Нижнеудинскѣ.

Его Благородіе Лоскушовъ.

Волостное Правленіе Брашское.

— — — — — Кимильшейское.

— — — — — Яндинское.

— — — — — Бирюсицкое.

— — — — — Тулуновское.

Въ Калугѣ.

Его Превосходительство Александръ Александровичъ Писаревъ.

Въ Екатеринославѣ.

Верхнеднѣпровскій Уѣздный Предводитель Дворянства Маіоръ . . . Чернявскій.

Въ Липовцѣ.

Повѣтовый Маршалъ . . . Даховскій.

Бывшій Повѣшовой Маршалъ . . . . Шидловскій.

Въ Махновскѣ.

Повѣшовой Маршалъ . . . . Абрамовичъ.

Бывшій Повѣшовой Маршалъ . . . . Собанскій.

Въ Уманн.

Повѣшовой Маршалъ . . . . Марковскій.

Въ Уральскѣ.

Его Превосходительство Давыдъ Маршемьяновичъ Бородинъ.

Его Высокоблагородіе Иванъ Михайловичъ Михайловъ.

— — — — — Борисъ Ивановичъ Хорошахинъ.

Войсковой Старшина Спахей Демпріевичъ Мизиновъ.

Опсавной Войсковой Старшина Пепръ Федоровичъ Прикащиковъ.

Есауль Власъ Михайловичъ Назаровъ.

— — Андрей Ивановичъ Бородинъ.

— — Федотъ Григорьевичъ Бизяновъ.

Его Благородіе Иванъ Васильевичъ Сипшиковъ.

Кадомскій мѣщанинъ Харлампій Шимякинъ.

Въ Иркутскѣ.

Его Высокоблагородіе Михайло Евграфовичъ Кузнецовъ.

Въ Якутскѣ.

Тамошній Улусной Голова Мигалкинъ.

Въ Слободскомъ.

Холуницкая Надворнаго Совѣтника Яковлева заводская Каншора.

Въ Охотскѣ.

Начальникъ Охотскаго Порта Владиміръ Григорьевичъ Ушинскій.

Въ Москвѣ.

Его Сіятельство Князь И. И. Баряпинскій.

Газетная Экспедиція. . . . . 18 экз. годов.

Въ Каменецъ-Подольскѣ.

Его Благородіе . . . . . Бернацскій.

Въ Костромѣ.

Смоленскій Кадетскій Корпусъ.

Въ Орлѣ.

Его Сіятельство Графъ Сергѣй Михайловичъ Каменскій.

Въ Старой Руси.

Соляное Правленіе.

Въ Ярославлѣ.

Канцелярія Совѣща Ярославскаго Демидовскаго
вышнихъ наукъ Училища.

Его Высокоблагородіе . . . . . Шишковъ.

Въ Витебскѣ.

Его Превосходительство И. Ф. Чорба.

Его Высокоблагородіе . . . . . Борейша.

Въ Смоленскѣ.

Его Высокоблагородіе П. Л. Темировъ.

Въ Ладейномъ Полѣ.

Его Высокоблагородіе П. Н. Нордштейнъ.

Въ Холмѣ.

Его Благородіе А. И. Ковѣдаевъ.

- Въ *Острогожскѣ*.
Его Превосходительство И. З. Ершовъ.
Въ *Архангельскѣ*.
Правленіе Сѣвернаго Округа корабельныхъ лѣсовъ.
Губернская Гимназія.
Его Благородіе . . . . . Гавриловъ.
Въ *Могилевѣ*.
Его Высокопревосходительство Боронь... Сакень.
Въ *Казани*.
Газетная Экспедиція . . . . . до экзем. годов.
Въ *Старой Умля*.
Его Высокоблагородіе . . . . . Волпашисъ.
Въ *Хмѣльницкѣ*.
Его Благородіе . . . . . Каминскій.
Въ *Звенигородскѣ*.
Его Высокоблагородіе И. Г. Морозовъ.
Въ *Черниговѣ*.
Газетная Экспедиція... 13 экзем. г. и 3 полугодовъ.
Въ *Курскѣ*.
Почтовая Газетная Экспедиція... 4 экзем. годов.
Въ *Петрозаводскѣ*.
Его Высокородіе . . . . . Башинскій.
Въ г. *Дубно*.
Его Высокородіе . . . . . Нейдгардтъ.
Въ *Вильнѣ*.
Его Превосходительство Андрей Ивановичъ Бухарскій.
Въ *Омской крѣпости*.
Его Высокоблагородіе . . . . . Булыгинъ.
Въ *Пошехонѣ*.
Его Превосходительство Я. И. Лихачевъ.

Въ Тифлисѣ.

- Его Сіятельство Князь . . . Горчаковъ.
 Его Высокоблагородіе . . . Майбалдовъ.
 — — — — — . . . Лапинской.
 — — — — — . . . Виноградскій.
 Польская Провіантская Коммиссія Опдѣльнаго
 Грузинскаго Корпуса.

Въ Болховѣ.

- Его Превосходительство . . . Грокольскій.

Въ Хоролѣ.

- Его Высокоблагородіе М. П. Оболонской.

Въ Усть-Сысольскѣ.

- Его Высокоблагородіе . . . Чернобровкинъ.

Въ Вяткѣ.

- Губернская Почтовая Канцлора 2 экз. годов.

Въ Гайсинѣ.

- Его Высокоблагородіе . . . Павловъ.

Въ Варшавѣ.

- Его Высокоблагородіе . . . Давыдовъ.

Въ Кронштадтѣ.

- Его Благородіе . . . Яновскій.

Въ Бершадѣ.

- Его Высокоблагородіе . . . Тиманъ 2-й.

Въ Балтѣ.

- Его Благородіе . . . Бухаринъ.

Въ Симферополѣ.

- Его Высокопревосходительство . . . Жегулинъ.

Въ Рыбинскѣ.

- Его Благородіе . . . Пальминъ.

Въ *Нахичевани*.

Армянскій Магистранъ.

Въ *Гамбовъ*.

Его Благородіе . . . . . Борисякъ.

Народное училище.

Въ *Вязьмъ*.

Его Благородіе . . . . . Нахимовъ.

Въ *Тулчинъ*.

Его Благородіе . . . . . Михаловскій.

Въ *Кременчугъ*.

Его Высокоблагородіе . . . . . Корженовскій.

Въ *Чудовъ*.

Помѣщикъ . . . . . Тырковъ.

Въ *Глазовъ*.

Его Высокоблагородіе . . . . . Корнилевскій.

Въ *Торопцъ*.

Помѣщикъ . . . . . Темирязевъ.

Въ *Владиміръ*.

Епископъ Ксенофонтъ.

Правленіе Семинаріи.

Въ *Самаръ*.

Его Превосходительство . . . . . Спруковъ.

Въ *Кіевъ*.

Его Высокопревосходительство . . . Пичугинъ.

Бывшій Губернскій Маршалъ . . . Росцишевскій

Въ *Псковъ*.

Его Высокоблагородіе . . . . . Горожанскій.

Въ *Ростовъ*.

Его Благородіе . . . . . Левашовъ.

Въ *Усмани*.

Его Высокоблагородіе . . . . . Бриммеръ.

Въ *Котельничи*.

Его Высокоблагородіе . . . . . Маркаевичъ.

Въ *Бѣлостокъ*.

Дежурство Опдѣльнаго Липовскаго Корпуса.

Въ *Ланшевъ*.

Купецъ Ф. И. Лудинъ.

Въ *Яренскъ*.

Крестьянинъ . . . . . Чемодаковъ.

Въ *Красноярскъ*.

Его Высокоблагородіе И. Галкинъ 3 экз. м. годов.

Финляндская Почтовая Дирекція 2. — — —

Въ *Нижнекамчатскъ*.

Почтовая Экспедиція.

Въ *Люцинъ*.

Его Высокоблагородіе И. Заремба . . . на полгод.

Въ *Рыльскъ*.

Кантора Глушковской суконной фабрики.

Въ *Ельнъ*.

Его Высокоблагородіе . . . . . Ждановичъ.

Въ *Калугъ*.

Его Высокоблагородіе . . . Свѣчинъ на полгод.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДВѢНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

ПРОЗА.

Спран.

Рѣчь объ успѣхахъ просвѣщенія въ округѣ Войска Черноморскаго	3.
Первое знакомство Мармоншеля съ Диде- ропомъ, Гельвеціемъ, Гриммомъ, Ж. Ж. Руссо и Г-жею Помпадуръ	33.
Темница Нью-Гепъ, или Элиза Феннингъ.	45.
Видѣніе	64.
О пребываніи корабля Суворова въ Новой Голландіи	125 и 245.
Ошрывки изъ походныхъ записокъ Русска- го Офицера. — Исторія города Дерпша	146.
Мармоншелевы опыты по Драмапической части	165.
Царствованіе и смерть Сервія Туллія	181.
Прощаніе	197.
О сѣверной Поэзіи	257.
Два письма изъ Лейпцига	273.
О пошерянномъ раѣ	285.
Сцена изъ комедіи: Богапоновъ въ деревнѣ, или сюрпризъ самому себѣ	294.
Нѣчто о глупцахъ	305.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

	Стран.
Пѣснь Божешву	89.
Провидѣніе	93.
Вдохновеніе	96.
Къ Амуру	97.
Менура и Соя (<i>Басня</i>).	98.
Освобожденіе	99.
Обишель сна	201.
Ипалія и Римъ	203.
Сонъ	206.
Къ Шульгину	208.
Элегія	209.
Сновидѣніе Пепрарка	210.
Диѳирамбъ	212.
Мечпанія на берегахъ Волги	308.
Кладбище	318.
Къ Филону	322.
Барашынскому	324.
Романсъ	325.

С М Ъ С Ъ.

О сочиненіяхъ Лорда Байрона	101.
Книжное извѣстіе	121.
О Финской Липпературѣ	213.
Нѣчто о росѣ	230.
Памятникъ Гѣте	235.
Записки Общества	236.

Объявленія о новыхъ книгахъ . . .	239 и 337.
Кришика. <i>Н.м.л.</i> , опрывокъ, взяпый изъ Сан- скрипской Поэмы: Магабгарапа . . .	327.
Имена Особъ, благоволившихъ подписаться на сей Журналь	345.

ПОГРѢШНОСТИ ВЪ XII. ЧАСТИ.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Читай:
3	5	лѣшнѣ	лѣшнее
—	16	сега, не малодуше- ствовали,	сега не малодушество- вали,
6	11	Училищъ,	училищъ
8	15	Тимани,	Тамани,
—	19	въ мѣстечкѣ Тер- люкѣ;	въ мѣстечкѣ Терлюкѣ;
—	20	Медведовское,	Медвѣдовское,
9	17	кошоры	кошорыя
11	7	большою	большою
13	9 и 10	благословеніи	благовеленіе
13	16	въ ученіи,	въ ученіи
16	3	бросивъ перо	бросивъ перо,
17	13	до 1817	до 1817 года
18	7	дому	дома
24	24	Распова	Роспова
25	18	Запорожцовъ,	Запорожцевъ,
26	1	въ 799 году	въ 1799 году
28	4	училищъ	училище
—	24	конный подъ, командою	конный, подъ командою
29	6	при рѣчкѣ	при рѣчкѣ
—	26	Закубанцовъ	Закубанцевъ
32	13	Въ	Въ
—	23	мѣщанка,	мѣщанка,
—	26	въ свѣтѣ	въ свѣтѣ.
38	7	пише	пише:
39	16	соспрананія	соспрананія.
40	25	и она или	и она (или
45	26	Hérmite de Londres	Hermite de Londres
52	20	Вамъ извѣстно;	Вамъ извѣстно,
62	25	предметомъ	предметомъ
64	20	les Physique, le Chymie	la Physique, la Chimie
68	28	зрѣль	зрѣль
72	23	de l' Existeme	de l' existence
74	8 и 9	цѣвщихъ	цѣвпущихъ
75	19	нѣвестъ	нѣвестъ
75	22	et litteraire dans les iles des possessions Venitienne	et litteraire dans les is- les des possessions Veniti- ennes

Стран.	Строк.	Напечатано:	Читай:
83	27	Leitres édifiantes,	Leitres édiantes,
99	20	ландышь	ландышь
101	9	Revue Enciclopedi que. —	Révue Encyclopédique. —
108	8	Каледб. Ви мѣмса,	Каледб-Ви мѣмса;
—	14	могли, только ро- дился	могли только родиться
—	15 и 16	не обыкновеннаго;	необыкновеннаго;
115	27	быль	быль
116	4	A more	Amore
—	5	Aquoz, et Heroas	Aquos, et heroas
127	12	семь	семь
128	17	позлащались	позлащались
136	3	Г. Де-Силье	Г Де-Силье
140	7 и 8	хронометръ, не большой	хронометръ не-большой
145	5	Новой-Голландіи	Новой Голландіи
—	10	въ плащѣ	въ плащѣ
171	7	человѣкъ	человѣкъ.
172	22	Маршалу Саксон- скому	Маршалу дѣ-Саксъ
173	8		
202	22	грѣзь	грѣзь
211	15	п о	Чпо
233	28	наплампованныхъ;	неплампованныхъ;
237	17	исполнени	исполненіе
241	9	въ	въ
257	19	о семь и	о семь
322	18	господствуетъ	господствуетъ
339	18	Санктшербург- ское	Санктшербургское

